

A woman with dark hair and a black headband is sitting on a tree branch in a forest. She is wearing a vibrant red, long-sleeved, off-the-shoulder dress with a long, flowing train that cascades down the tree and onto the ground. The forest floor is covered in purple ferns and other vegetation, and the trees in the background are also tinted with a purple hue. The overall atmosphere is ethereal and dreamlike.

УЛЬЯНА БЕРИКЕЛАШВИЛИ

ПИСЬМО ПОТОМКАМ

ДИЛОГИЯ

Ульяна Берикелашвили

Письмо потомкам. Диалогия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39824866

ISBN 9785448317729

Аннотация

Спустя пятьсот лет после начала научно-технической революции мир разделен на две части. Великая Империя, объединившая и слившая в общий котёл все религии и культуры мира. Полное отсутствие биоэтики и тотальный контроль за всеми ныне живущими с помощью Ррипов. В руках Императора весь мир, кроме одного материка, имя которому Шим'Таа. Именно о странном народе, населяющем его, пойдёт речь. Империя где-то за горизонтом, в поле зрения – они, геммы...

Содержание

Письмо читателю	5
Приветствую тебя	5
ПИСЬМО ПОТОМКАМ	9
Танец первый	9
Танец второй	47
Танец третий	77
Танец четвертый	106
Танец пятый	132
Танец шестой	169
Танец седьмой	198
Конец ознакомительного фрагмента.	201

Письмо потомкам

Диалогия

Ульяна Берикелашвили

Фотограф Дмитрий Лир

© Ульяна Берикелашвили, 2018

© Дмитрий Лир, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4483-1772-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Письмо читателю

Приветствую тебя

...на страницах этой книги, которую мне посчастливилось написать, чтобы приблизиться к тебе, прикоснуться к твоей бессмертной душе и поблагодарить за твое доверие.

Приготовься, впереди у нас – огромное путешествие на неопределенный период времени. Постарайся идти медленно и насладиться этой дорогой – я сделала всё, чтобы она была интересной и увлекательной. В твоих руках – и не книга вовсе, а мое создание, мой ребенок, моя кровь и моё время. Годами я лелеяла его, растила. Вначале появился скелет слов, затем я постоянно что-то правила, удаляла и перерабатывала, а скелет наращивал мышцы, кровеносную и нервную систему из эмоций и событий, заключенных в новых предложениях. Затем он обрел книжную обложку и страницы, с твоей помощью.

Надеюсь, тебя не отпугивает немного пафосная речь? Я стараюсь быть вежливой и осторожной, ведь письмо тебе – наверное, самая важная часть этой книги.

Можно, я расскажу тебе немного о героине? Дело в том, что изначально она была частью рассказа, просто описание сна и не более. Но сон был яркий, а рассказ – короткий и мне

захотелось большего. Когда я очнулась от восторга, то передо мной уже лежал новый, созданный моей фантазией и трудолюбием мир, а мое имя было накрепко вплетено в его канву.

Ульяна.

Но героиня далеко не я. Да, у нас общая внешность, общие цели и общие шутки. Но на этом совпадения заканчиваются. Порой даже я не одобряла ее поступки.

Но все, что написано – должно быть написано. Я многое читала по тому или иному вопросу, чтобы рассказать правдиво то, о чем хотела поделиться с людьми, меня окружающими – той болью, тем переживанием за хрупкий мир, в котором мы живем. Я искренне боюсь, что однажды это все исчезнет и потому в этой диалогии попыталась пережить свой страх одиночества, оторванности от семьи, друзей, народа. Мне как автору не свойственна мания величия, бред апокалиптический и бред любви – поверь, я как человек знаю всю опасность подобных заявлений. Тем более прилюдно. Каждое слово здесь взвешенно трижды, каждый герой, даже самый незначительный, важен. Я постаралась проработать психологию персонажей и объяснить тот или иной поступок как должно, а не как мне вдруг захотелось. Поверьте, геммы и главная героиня удивили меня саму и не раз. Даже когда я вынашивала в планах возможный сценарий – стоило только сесть за ноутбук, как из-под пальцев выходило совсем противоположное.

И ещё. В книге любовная линия и вопрос избранности –

совершенно не главное. Моя героиня – обыкновенная женщина, которую угораздило попасть во все эти переделки. Она – ОБЫКНОВЕННАЯ. Со своими слабостями и достоинствами.

«Меня? Избранная?!

Я смеюсь, и смех мой разлетается в стороны радужными брызгами. Что я – очередная мессия вам? Не смешите. От этой избранности меня тошнит, она кричит со страниц журналов и книг, с экрана телевизора. Все хотят быть избранными, быть не такими, как все. Со шрамом на лбу, с лунными полумесяцами, призванными выполнить то, что предназначено. Но герои погибают после восемнадцати, потому что взрослеют. Или никогда не взрослеют, если они – бессмертные вампиры»

Это всё та же жизнь, которой мы живем, только в других условиях, в других интерьерах. Если отбросить их, останется все та же жажда найти свое место, жажда знаний, жажда любви и ненависти.

Это знакомо тебе?

Я хочу быть честной с тобой во всем.

И если ты заметишь неточности, ошибки, глупости и несоответствие своим знаниям – каждый раз представляй, что я извиняюсь, причинив тебе неудобство. За опечатки вдвойне. Но в основном сюжете помни, что перед тобой альтерна-

тивный мир, не тот, в котором мы живем. АЛЬТЕРНАТИВ-
НЫЙ. Это та же планета Земля, но внутри меня – немного
наивная, ранимая и сотканная из моих снов. Это – мой мир
и он живет по внутренним законам, которые иногда встретят
твое недопонимание. Я не прошу принимать это как истину,
особенно вопрос религии – каждый выбирает по себе. Это
просто одна из историй, милых сказок, которое коллектив-
ное бессознательное захотело тебе поведать.

Я еще раз благодарю тебя за оказанное мне доверие,
за честь прикоснуться к тебе в сотнях километров от меня. Я
прошу позаботиться тебя о самом дорогом, что я дарю тебе.

Я прошу быть вежливым и осторожным читателем.

Потому что в этом и заключается человеческая сила
и мудрость.

Спасибо, мой друг.

Ну что же, устраивайся поудобней, налей себе чай или ко-
фе... путешествие начинается...

С уважением, Ульяна Берикелашвили

ПИСЬМО ПОТОМКАМ

Никто из нас еще не родился бессмертным, и, если бы это с кем-нибудь случилось, он не был бы счастлив, как это кажется многим.

Платон

Танец первый

У неё было восемь детей.

Четыре прелестных девочки и четыре смысленых мальчика.

Они очень любили её и называли, как и все дети этого мира, мамой.

Но ни один из них не был зачат, выношен и рождён её.

Ни один не был плоть от плоти её, по образу и подобию.

***

– Они спрашивают меня, зачем нам это? Мало ли гибнет подобных щенков на улицах, в сырых подвалах. От болезни, нищеты или шальной пули. Одним больше, одним меньше. Родятся новые и умрут так же. Никто не заметит. – Она медленно сделала вдох, и ароматный дым кальяна наполнил её

легкие.

Кальян здесь любили, и считали его изобретением и достоянием собственной культуры. Я думаю, вполне заслуженно. За последние пятьсот лет история была несколько раз переписана, и теперь мало кто помнил о древнем наследии Арабских стран. А ОНИ собрали все осколки памяти воедино, склеили и отшлифовали...

– Думаешь, я могу пройти мимо них спокойно? Когда их, словно скот, выстраивают в ряд. И ждут, когда я отберу ПАРТИЮ, стараются причинить словами боль, увидеть нашу слабость. Ради собственного сиюминутного наслаждения. – Длинными когтями она впиалась в обивку диванчика, ещё чуть-чуть и ткань треснет от еле скрываемой злости. – Я забрала бы их всех, всех до единого. Этих запуганных, ненужных своему миру детей... если это было возможно.

Минута тишины. В полумраке комнаты я ловлю каждый её жест, каждый взгляд. И мне жаль ТОТ мир, что не разглядел в ней эту невозможную красоту её души, её личности.

И хорошо, что не разглядели – всё это она приобрела за долгие годы здесь.

– Вот Кайн... – После минутной паузы шепчет она. – Ты видела его. Именно он привёз тебя из Монастыря к нам...

...Кайн. Её старший сын. Бледный, нескладный юноша лет восемнадцати. Судя по его реакциям, он был обращен в раннем детстве. Он не был похож на неё, как не бывает похож щенок на взрослую особь. Он старался сдерживать себя

и лаконично отвечать на мои вопросы как взрослый. Как сын ЭТОГО мира.

Он ни капли не был похож на неё. Но у него были ЕЁ глаза. Цвета расплавленного золота.

– Его я не выбирала, а нашла во время поездки на Север. Эта была моя первая встреча с Империей. Мой народ отправил меня, чтобы исполнить Предназначение. Спасти чью-то невинную душу, как завещала Святейшая. Как когда-то спасли меня. – Её голос еле заметно дрогнул, словно внутри что-то ожило. Болезненное и потому забытое, запертое. – Так вот, Кайну не было и трёх лет, а его разум почти сгорел от страха и боли. Я помню до сих пор, как он выглянул из-под кучи хламья, когда я «имела наглость прогуляться во время пути». И я попросила списать это на мою неопытность, привезла во дворец Кесаря и выторговала у Империи как какой-либо товар. Я не могла пройти мимо ЭТИХ глаз. Тогда у него были синие, выразительные глаза. И другое имя.

Она усмехнулась и с горечью добавила:

– Если бы он помнил его, я бы оставила...

Жестом она приказала поправить угольки в моём кальяне. Я совсем забыла про них, и сквозь горечь рассказа не чувствовала горечь дыма.

– Ничего, бывает. – Улыбнулась она. – Напомни, как тебя зовут?

– Ульяна. Меня зовут Ульяна. Это мое настоящее имя. – Ответила я ей, минуя условности языка, на котором мы об-

щались.

– Ульрианнаш... – забавно протянула она, не в силах произнести. В её языке полно шипящих и гортанных звуков, оттого речь хищная и в ней нет места для мягкости моего имени. – Не слышала я подобных давно, сейчас это редкость – иметь столько букв в имени. Ты, наверное, из Асеанских общин. Иногда там дают своим детям древние имена. Ариа-шандру, к примеру.

«Александр», мысленно перевела я и только кивнула в ответ, рассеянно поглаживая небольшой шрам на левой руке.

– РРип? – спросила она, заметив мой жест. – Сама удалила его? В монастыре говорили, что тебя нашли без него.

– В монастыре говорили, что вам безразлично, с ним я или без.

Смех в её глазах и тишина.

Новая гувернантка для её детей могла работать здесь и без общего микрочипа. Людские законы здесь недействительны.

– Можешь обращаться ко мне по имени, Ульрианнаш, – отодвигает она в сторону кальян и встает, расправляя длинные складки безупречного одеяния, как и она сама. – Меня зовут льринни Рионн.

Госпожа Рионн.

***

Утро. Около шести

Не торопясь, госпожа Рионн знакомит меня с основным домом. Это главное строение огромного по протяжённости поместья, по численности обитателей не уступающего небольшому посёлку. Городами они не живут, слишком мала их численность и оттого ранима. Хотя война с Империей – всего лишь миф для людей, но Святейшая устроила их мир так, чтобы обезопасить своих детей.

Святейшая – не потому что святая и превыше остальных, а потому что Имя ее затерялось в песках времени и памяти, и только так, с трепетом и нежностью её называют именно так. Святейшая. С горечью и привкусом мёда на кончике языка. С искренним желанием вернуть хотя бы в каждом произношении хотя бы память о той, кто сотворила их.

– Что тебе нужно знать в первую очередь, так это расписание. Упустишь что-либо или не успеешь, ты вернешься в Монастырь. Вернее, твое тело. – Шипит Рионн.

Думает, я испугаюсь. Хотя подобные случаи мне были известны. Монахини, пытаясь отговорить, рассказали практически всё, что связано с этим семейством. И хорошее, и не очень. Но меня им было не переубедить. Я твердо решила оставить обитель и посмотреть на мир за его пределами.

– Здесь керамическая посуда. Насколько тебе должно быть известно, мы не любим металлические изделия, они придают НАШЕЙ пище неприятный привкус, – открыв несколько ниш, она берет в руки одну из чаш. – Посмотри, они все подписаны и размечены. Ты должна следить за тем,

чтобы всё было чистым и не имело примесей. И дети получали необходимую порцию. В их... ммм... состоянии это более чем важно.

Рионн ставит чашу обратно, дном вниз, и отходит в сторону. Я слегка стучу по ободку, вежливо и аккуратно переворачиваю чашу обратно. Этот жест говорит Рионн, что каждый из её семьи будет всегда сыт и доволен своей едой. Это жест её мира.

Госпожа слегка улыбается.

Мы находимся на кухне, большой и непохожей на всё то, что видела я до этого. Выдержанная в белых тонах, она отделана мрамором и незнакомым мне синтокамнем, похожим на мутное стекло. Окна отсутствуют. По большей части здесь находились ледники, в которых хранилось свежее мясо. Техники практически нет, лишь небольшая энергоплита и пара смесителей. Больше из мебели не было ничего, но я знала, что по хлопку из пола выезжают парящие плиты, заменяющие стол и стулья.

– Готовит для нас всегда Стефан. Позже познакомишься с ним... – Слегка наклонив голову, говорит Рионн. – Только будь вежлива, мой старший брат не любит, когда в его работу суют нос. А сейчас я покажу тебе столовую, идём.

Следую не спеша, боясь наступить на её платье. Шелковое, расшитое драконами, оно тянулось пятиметровым красным шлейфом.

– Я люблю подобные одеяния, они напоминают мне, что

торопиться некуда, впереди годы. А так же учит осторожности и терпению, – заметив мой интерес, поясняет Рионн. – И к тому же, старшие девочки стараются подражать мне во всём.

Представляю, парочка девиц, пятиметровые шлейфы и рядом я... Надеюсь, что найду в этом доме чем можно будет укоротить, если мне выдадут похожее.

Все мои личные вещи остались в монастыре. Мне запретили что-либо привозить сюда, кроме золотистой рясы, что сейчас на мне, и двух бронзовых браслетов. Даже сандалии отобрали и сожгли. Так что по дому я теперь шлёпала босиком.

А госпожа равнодушно продолжает:

– Далее, по коридору, подсобные помещения. На втором этаже твои покои, позже покажут. Шифф, детская часть дома, на ночь закрывается автоматически, и ровно в одиннадцать ты должна быть уже у себя. Не успеешь вовремя, останешься за завесой – ничем помочь уже не смогу. Запомнила?

– Да, госпожа.

– Также рядом с твоими покоями находится небольшая личная библиотека. Отец собирал. Если заинтересует, можешь читать. Можешь обратиться в Архивы, если это не удовлетворит твои интересы. Но запомни, никакой человеческой техники в Основном доме не должно появиться за всё время пребывания здесь. Сканы, грэйфы и другие соединяющие с Мировым пространством устройства... – Рионн рез-

ко развернулась, за секунду преодолев расстояние между нами, и вцепилась мне в горло. – Увижу что-либо подобное...

Шипя и оголяя клыки, она придушила меня и отпустила. Её золотистые глаза словно светятся изнутри.

– Я всё это прекрасно знаю, госпожа. Поэтому я здесь. – Кланяюсь ей. Ужасно ноет шея, горят воспалённые лёгкие. Но ни один жест, ни один вздох не выдает мою боль. Сдерживаю себя, как будто ничего не произошло.

– Молодец. Хорошо скрываешь свои эмоции. – Мурлычет довольно она. – А то мои дети порой излишне жестоки...

Да уж, за каких-то полчаса мне трижды пригрозили смертью. Хорошая проверка нервов, не спору. Если бы я не знала, во что ввязываюсь, сбежала бы уже давно.

А так, быть гувернанткой у восьми детей – гемм, бывших людей и нынешних вампиров, очень интересно и поучительно.

***

Говорят, геммы появились сравнительно недавно. Пятьсот лет прошло с тех пор, как у некоторых людей началась мутация крови. Необратимая и непонятная. Вначале у больных глаза становились золотыми, без зрачка. Их изолировали, поскольку следующая стадия протекала как в древнем третьесортном фильме ужасов – зараженные кидались на людей, перегрызали горло и пили кровь. Их попы-

тались уничтожить, но всё было напрасно, раны стремительно заживали. Против таких, как они, только огонь, кол в сердце и острый топор...

Сбылся страшный сон про упырей.

А третья стадия...

– Можете не продолжать, я прекрасно знаю историю этого Мира, – улыбнулась я госпоже. Мы находились у входа в шифф – детские покои.

– Сейчас они спят. Как видите, они изолированы до утра завесой, энергетическим полотном. Их пробуждение ровно в семь, когда утихает вирус внутри. Далее служение Святейшей и завтрак. Ты знаешь все молитвы наизусть?

– *Руда, руда заговоренная. Славься, наша Матерь безымянная*, – с некоторым трудом выговаривая на гемми, их основном языке, частые шипящие и переливы, я начала шептать. Молятся здесь тихо, от всего сердца.

– Нашему языку тебя обучили достаточно хорошо. Даже переливам и глубинам. – Довольная госпожа даже приобняла меня. У гемм это считается признаком расположения.

Рионн... От её волос пахнет снегом, её кожа холодная и влажная. Раскосые золотистые глаза лучатся от удовольствия...

Она отрывается и идёт дальше. Я иду рядом, равнодушная кукла.

«... и когда это я научилась чувствовать?»

– У самых младших собственные няни. Такие же геммы.

Вообще, ты – единственный человек в нашем Доме. Мы достаточно долго думали, выбирая себе новый Столп. Ты нам подходишь. А няни, как ты знаешь, помогают меняться. Это слишком мучительный и болезненный процесс. – Поморщи-лась Рионн, явно вспоминая своё детство. – Ведь я обратила их всех в достаточно раннем возрасте.

– Госпожа, зачем их тогда обращать, если процесс так ужасен? Неужели нельзя просто усыновить? – отчего-то ляпнула я.

Она изящно поправила свои длинные чёрные волосы, и пристально посмотрела на меня.

– Не стоит задавать мне нарочито глупые вопросы, Улрьи-аннашш, – недобрый знак, это протяжное шипящее на конце.

Да, она права. Я, не подумав, спросила. Как будто сама додуматься не могла за все время, проведенное в монастыре.

На то я и человек, чтобы действовать порой спонтанно.

– Но я отвечу, чтобы ты запомнила это раз и навсегда, – продолжила госпожа, – я не хочу, чтобы мои дети принадлежали ИМ. Ты... человек... скажи? Разве хоть один гемма принадлежит Великой Империи? – Речь её сбивчивая, сухая.

Грубая, без единого перелива. Без глубины шипящих слов.

– Если бы МОИ ДЕТИ оставались людьми, то ваши правители нашли бы способ управлять ими и здесь. Протянуть свои жалкие щупальца в наш мир! У нас собственное государство, собственный строй, религия. И ты прекрасно зна-

ешь, как они реагируют на то, что кто-то хранит свою самобытность! – Сверлит Рионн меня своими золотистыми глазами. – Мы не носим Ррипы, мы не подчиняемся Зову. Разве я забрала всех этих малышей, чтобы они продолжали жить ТОЙ, уродливой жизнью?

Рионн была мастером Поля. С помощью гемми она вплетала эмоции в слова и била меня ими как плетью – древняя техника, которой я пыталась овладеть в Монастыре первые годы, но не смогла даже начать. Слишком нечеловеческой логикой нужно было обладать, чтобы понять многие умения гемм. И временем, десяти лет для этого было недостаточно. Но понимание – это одно, а вот чувствовать – совершенное иное.

Вначале я сопротивлялась, как могла, пока понимала ход мысли. Но я была не в силах выдержать натиск её эмоций, проникающих с каждым словом внутрь, резавших мой слух, мою нервную систему. И я упала послушно на мозаичный пол. Распростёрлась у её ног. Я не смела поднять глаз на неё.

– Простите меня, госпожа. Слова вылетают порой, не успев напитаться мыслями, – хрипло шепчу, пытаюсь отбиться от её психического давления. Но она сильнее меня намного, у неё за плечами – годы упорных тренировок, недаром Рионн – глава семейства Альяринн, Первого оплота Гемм.

Льринни.

– Мы не можем иметь детей. Это наше самое уязвимое

место, поэтому мы... зависим от людей, – раздражённо продолжала она, не слушая мои просьбы. – Да, физически мы неуязвимы. Мы не боеем, мы живёт больше ста лет. Наша экономика не зависит от вас. Но репродукция... Увы и ах.

Атака Рионн слабеет с последними словами. Я начинаю понимать ее и почти нашла брешь в своей защите. Нужно еще немного отвлечь ее.

– Но это люди зависят от вас. Они отдают вам детей взамен вашей... лояльности. – Пытаюсь возразить я, продолжая сидеть у её ног. Постепенно я все-таки сложила щит, мысленно накрыв призрачной пеленой свою душу.

Рионн понимает, что между нами преграда, и тогда резко ударяет меня ногой прямо в солнечное сплетение. Холодно, расчетливо, словно проверяя. Изменяет направление боли, из психической в физическую.

Тише, тише... не кричать... мне... не... мне не больно!!! Чертова сучка Рионн, я чувствую себя мазохисткой, но что делать? Я стиснула сильнее зубы. Еле держусь, чтобы не согнуться пополам и не прижаться к полу. А потом не ответить ей тем же, когда боль спадет, не вмазать ей с разбегу. Я, несмотря на годы в Монастыре Покрова Святейшей, все-таки остаюсь человеком.

Ах, этот чёртов этикет гемм!

Один крик, один всхлип – единственное свидетельство слабости, и я навсегда упаду в глазах Рионн. И понимаю, ведь прекрасно понимаю, что не со злости меня бьют, а про-

веряют, смогу ли я стать Столпом? Смогу ли я быть достойной направлять юных гемм и поддерживать их становление?

Пытаюсь как можно сильнее прижаться горячими ладонями к мрамору пола. Холод успокаивает. Я сижу, сохраняя позу, хотя меня тошнит и кружится голова. В центре живота плещется раскаленная лава.

Ну и сильна ты, госпожа Рионн...

– Люди отдают нам **НЕНУЖНЫХ** детей. Отдают словно отбросы, только то, что они называют ущербным генетическим материалом. Взамен нашего молчания. Чтобы мы никогда не явились в ВАШ мир. – Она права. Гемм не существует в сознании обыкновенных людей. Кесарь так пожелал однажды. Контролирует всех и даже то, до чего не может дотянуться. – Поднимись с ног, Ульрианнаш.

Я молча исполняю её приказ, хотя сейчас больше всего мне хочется быть неподвижной. Это уменьшает мою боль. Но я все же человек, Рионн. Я мстительна. Осторожно и незаметно снимаю призрачный щит, мысленно ударяю им Рионн в точку между глаз и тихо говорю:

– Так поступили и с вами?

Она всхлипывает от неожиданности, отмахивается словно от надоедливой мошки:

– Меня отдали геммам сто девять лет назад. Тогда мне было восемь лет. Никто не нуждался во мне, моё тело было изуродовано... Пожар...

– Госпожа, не стоит...

Гадко, но я попала в цель, сгруппировавшись и поддавшись желанию преподать ей урок. Не знаю, кому сейчас было больнее – ей или мне. Какой к чёрту я будущий Столп, если я не справляюсь с собственными эмоциями?

Хотя...

– Видишь, – она протянула мне руку. На идеальной белоснежной коже без морщин и пятен бугрился небольшой белесовато-розовый округлый шрам размером с небольшую монету. Там, под кожей когда-то находился чип, с помощью которого опознавалась личность. С помощью которого человек не нуждался уже лет триста – четыреста в помощи всякого рода паспортов, кредитных карт и устройств – древние ввели его в употребление так давно, что от этих вещей остались лишь понятия в Мировом пространстве, который сам когда-то звался Интернетом.

– Мой новый народ полностью излечил меня, мое тело и разум... Ты знаешь, как мне было тогда страшно? Стоять полуголой и уродливой... быть последней в толпе таких же, как я. Пытаться прикрыть многочисленные шрамы. Безвольное, страшное создание, у которого нет самого главного, что есть в этом мире – защиты своей семьи, – глубина её слов была невозможной. – И ждать смерти. А вместо ЕЁ прихода видеть ИХ, прекрасных золотоглазых созданий в странных одеяниях. И уже ждать от них чего угодно, но только не новой жизни. Мой отец, аорэ дома, от первой крови Святейшей тогда выбрал меня, выбрал своей наследницей и я боюсь

представить даже, что все могло быть иначе.

Она замолчала, пересохшее горло её болело. Я чувствовала её боль, язык гемм позволял передавать не только формы, описание, но и делиться полностью эмоциями. Каждое шипящее скользило по нервам и не давало перевернуть её чувств. Придумать их за нее.

...людям вообще свойственно это – выдумывать жизнь за других.

– А шрам, единственный из всех, – продолжила она с трудом. – Шрам я оставила, чтобы помнить о боли. Это след от Ррипа, растоптанного в пыль.

На мгновение она замолчала, а потом призналась:

– Видишь, я стала свободной от него, но не от воспоминаний. И пожалуйста, больше не делай так... Лучше бы ты меня просто ударила по лицу – я пойму.

Она права. Иногда воспоминания сильнее пощечины. Сильнее разума. И причиняют боль страшнее любого явления, любого оружия.

Рионн была бы сейчас столетней старухой в мире людей, если бы дожила до этого момента ТАМ, где до сих пор не побеждена полностью смерть. А здесь она выглядела двадцатипятилетней красавицей, выглядящей куда лучше, чем я (ох, уж эта женская черта все сравнивать с собой)

Хм, мне ведь самой...

Но мысль прервал звон. Негромкий, сочный и необыкновенно счастливый. Это в шиффе исчезла завеса, как только

сенсоры почувствовали, что в крови детей уровень вируса снизился и они снова стали детьми, а не чудовищами, управляемые жадой крови.

Ещё одна ночь безумия юных гемм была позади. Одна из многих. Это состояние длится двадцать – тридцать лет, в зависимости от времени обращения. И этого не избежать, хотя ходили слухи о древних утерянных методиках. В Монастыре говорили, что сама Святейшая взглянула однажды на счастье своих детей и поняла, что безмятежное спокойствие ни к чему хорошему не приведет. Тогда она забрала любую возможность безболезненного обращения, чтобы каждый новый гемма понял, что берет на себя не только свободу, но и ответственность.

Святейшая жестока, но мудра – так пели монахини.

– Дети проснулись. Нам пора к ним. Они знают о вашем приезде и ждали вас со вчерашнего вечера. – Рионн направилась вперед, не дожидаясь меня. Я же плелась позади, окружённая эмоциями и воспоминаниями.

Неожиданно она остановилась, и лишь в профиль повернула лицо, глядя в пустоту:

– И скажите мне, Ульрианаш, вы бы сами хотели пережить своих детей на сто лет? Видеть их смерть? Или всё же смогли найти в себе силы завести новых, словно домашних животных?

Я промолчала.

Честно говоря, я – не мастер описания. Если бы я вернулась в Монастырь Покрова Святейшей, то вряд ли смогла детально воспроизвести обустройство поместья. В целом, весь его главный дом был выдержан в зеленых тонах с вкраплением белого и золотого – это были семейные цвета, хотя и эта традиция начала угасать. Если я не ошибаюсь, то здание было двухэтажным, не считая подземной части, но при этом каждый этаж был не менее шести метров высотой. Везде были огромные окна от пола до потолка в больших рамах, украшенные мозаикой. Иногда встречались и витражи, но реже. Витражи были древнее дома и потому выбивались из общей картины – говорили, что их сохранили в память Умерших Городов. Поэтому на них люди, а не геммы.

Миновав огромный общий зал и несколько меньших комнат непонятого пока назначения, мы вышли к красивой, немного вычурной резной лестнице, родственнице витражей. По ней к нам бежали, веселясь и переругиваясь, дети Рионн. Именно на втором этаже находился шифф и совмещённые с ним спальные покои остальных гемм. Эта часть дома считалась подходящей лишь для сна и отдыха, ничего другого здесь не было, кроме личных комнат.

Увидев нас, дети дружно замолчали. Даже няни младших испуганно косились на меня.

Рионн довольно усмехнулась. Я знала, она ждала этого мо-

мента. Реакция на меня её должна позабавить.

Ведь я была более чем странной гувернанткой для странных детей. Гувернантка звучит куда проще, чем Столп, «ширрах» на гемми.

Бледная кожа, немного обветренная. Несколько крупных синяков различных оттенков, полученные мной недавно в ближнем бою в Монастыре, самый сочный и фиолетовый из них находился под правым глазом. Несколько глубоких царапин, блестящих от медицинского клея – монахиням пришлось заклеивать, видя глубину раны. Обычно после боя мы носим свои шрамы как медали и редко прибегаем к медицине гемм, способной восстановить все за минуты.

...острые скулы, левая так же разбита. И прямой, на удивление не сломанный нос – лицо оттого хищное и кажется непропорциональным из-за бритой налысо головы. Череп неправильной формы, вытянут и бугроват.

И, наверное, самое ужасное было то, что я человек.

ЧЕЛОВЕК.

...так что вместо ожидаемой леди перед ними стояло бо-сиком тощее лысое пугало, одетое в золотистую заношенную монашескую рясу. И это пугало нагло улыбалось, оголяя с детства щербатые от природы зубки, и разглядывало каждого огромными голубыми глазами.

– Мама, это кто? Она страшная, – протянула испугано девочка лет пяти, прячась за свою няню-красавицу.

Моя хозяйка в ответ лишь оскалила зубы и рыкнула.

Словно по приказу дети выстроились в ряд. На шаг назад, слегка путаясь в одеяниях, отступили няни младших девочек.

– Это мой старший сын Кайн. Вы почти знакомы. Ему семнадцать и он наш наследник, семьи шерн Альяринн. – Начала госпожа знакомство.

Юноша поклонился мне. Без эмоций, сухо. Как и подобает наследнику.

Сейчас я разглядывала его с любопытством. Ночь, что мы провели вместе в дороге, не позволила мне внимательно изучить его. Да, он худой и нескладный, выше меня, но не лишен мальчишеского очарования. Лицо немного хищное, впрочем, как у всех. Высокие скулы, золотые глаза на смуглой коже. Когда Кайн вырастет, он будет красивым геммой.

– Эти вертлявые близняшки – Анна и Веннэ. Им по пятнадцать. За ним следить особо... Их обратили еще в утробе матери, это отдельная история, потому их действия будут непонятны для вас, как и для меня порой. Даже по нашим меркам они жестоки.

Златовласые девицы в длиннополых, как у Рионн, одеяниях рассмеялись. Ни поклона, ни уважения. Я пыталась их различить, но мне не удавалось, хотя через некоторое время я заметила, что у Веннэ есть привычка кусать губы.

Рионн шикнула на близняшек, и смех прекратился.

– Это Тор, очень любознательный и смысленный мальчик.

Через неделю ему исполнится тринадцать.

– Спасибо, мама. – Поклонился ей Тор, симпатичный смуглый мальчик. Судя по внешности, его предки когда-то назывались китайцами.

Китай... улыбнулась я себе, как давно в человеческой истории это было...

За Тором последовало знакомство с девятилетним рыжеволосым Марко, который предложил мне посчитать его веснушки и показал язык, когда Рионн отвернулась. Марко был более развитый, чем Тор, несмотря на разницу в возрасте. Его осанка и жесты говорили о том, что мальчик готовится в Смотрители – геммы этой ветви с детства обучаются боевым искусствам. Смотрители – хранители Старейшин...

Пятилетняя Ума, три месяца как назад обращенная, пугливо выглядывала из-за юбок своей няни и косилась на Тамару, темнокожую сестричку лет четырёх. Ума была копией Рионн, такая же темноволосая и бледная. На лбу её краснело бинди – маленькая гемма по крови была отчасти индианкой.

– Тамара была обращена три года назад, поэтому во многом смысленей, нежели Ума. – Пояснила госпожа, – а Андрею ещё предстоит стать геммой. Его мне отдали недавно. Скорее всего, судя по имени, он с твоей родины...

Я вздрогнула, глядя на светловолосого малыша. На мгновение меня возвратило в прошлое.

Шум, разломанный асфальт и крики людей. Свист пуль... и кровь в лицо... крики... вопль ужаса застыл в ушах...

– Я представлю вас всему Дому Альяринн, Первого оплота Гемм позже. – Вернул голос Рионн меня в реальность. – А пока что это наш новый Столп, которую мы ждали и которая заменит нам Рао. Ширрах Ульрианнашш.

– Ульяна, – поправила ее я.

Рионн только зло сверкнула глазами в ответ. Рао умер во сне, в возрасте восьмидесяти шести лет год назад. Человек, который жил наравне с геммами и был частью их семьи. Человек, который напоминал геммам о том, кем они были и кем они стали. Столп, с которым я переписывалась и который рекомендовал меня Рионн.

– Сегодня дети позавтракают без вас. До трёх часов даю время подобрать гардероб и выписать вещи, для этого я сейчас же пришлю вам помощницу. Не можете же вы разгуливать по дому в этой ужасной рясе. Одного раза хватит, чтобы дети... гхм... вами впечатлились. Идите, Ульрианна.

Я довольно улыбнулась, услышав более-менее правильное произношение моего имени, поклонилась ещё раз ей и детям, и удалилась к себе.

***

Недели мне хватило на то, чтобы привыкнуть к своей работе. Большую часть времени занимало общение, что резко отличало мой быт здесь от созерцательно-молчаливой жизни в Монастыре. Поначалу я даже пугалась, когда ко мне

обращались резко и беззаботно. В Покрове Святейшей мы за несколько метров предупреждали о «вторжении в личное пространство» определенными жестами и звуками, так как многие находились в состоянии транса. Это позволяло заранее предупредить о возможности или невозможности общения.

Мне выписали одежду, в основном это были выбранные мной хлопковые и льняные брюки и размашистые туники мужского покроя, которые я по привычке перебинтовывала в талии шарфами контрастных оттенков. От вычурных платьев и кимоно я решительно отказалась так же, как от косметики и украшений. Рионн, говорят, вначале порвала моё прошение, прочитав список, но потом смиростивилась и дала добро.

Но босиком мне ходить по дому строго запретили. Хотя с первой встречи мне понравился именно пол.

Я потихоньку обживала покои, устраивая в них привычный аскетичный уют. Кровать и многие вещи выкинула вон, ковры и тяжелые бархатные шторы так же полетели на склад. Несмотря на вентилируемые стены и какие-либо новшества, вроде поглощения и растворения пыли, я не могла смириться с удушающей меня обстановкой и вскоре комната стала похожей на мою келью в Покрове Святейшей. Голый мрамор, единственный сундук с бельём, пара стульев и матрас с периной. И разбросанные повсюду книжки.

Единственное отличие – в покоях также находилась лич-

ная ванная комната.

***

– Льюти, а почему мы молимся этой штуке? Это же камень, – теребя меня за рукав бирюзовой туники, обратилась как-то Ума.

«Льюти» на языке гемм означает «дорогая, близкая, в которой я нуждаюсь». Эта девочка быстрее всех привыкла ко мне, её человеческое сознание ещё не мутировало, а, следовательно, знания она поглощала вдвое медленнее, чем остальные, и потому расспрашивала обо всём, чтобы не отставать. Многие ей было ещё непонятно.

Мы сидели вдвоём в святилище позади шиффа, на шелковистых теплых плитах около древней каменной статуи Святейшей. В тишине и покое, вдали от всех. Так уютно, по – домашнему. Я погладила Уму по маленькой ручке, инстинктивно.

Словно... словно это была моя дочь...

– Это не штука. – Нараспев произнесла я, посмотрев на изваяние. Статуя была безликой, просто человеческий силуэт. – Это изображение той, кто является родоначальницей всех гемм. Говорят, она пришла в этот мир, чтобы помочь людям обрести себя...

– А они?

– Они отвергли её дар. Они не смогли поверить в неё, по-

считав её существование отвратительным. То, что не могут изменить люди, всегда считается чужим.

– Но если она была, тогда почему никто не знает, как она выглядела? У неё не было лица?

– Нуу... – протянула я, думая, как ей объяснить. Но Ума уже неслась вперед, не дожидаясь:

– Льюти, а ты веришь в неё?

Я также не успела ответить. Меня прервала вошедшая в покои Ариан, её няня.

– Что ты, Ума. Как можно? – одернула она девочку, сверля меня золотистыми глазами. – Удрьяаннашш – человек.

Человек! В это слово она вложила всю ненависть и злобу, на которую была способна. Вплела её в тонкую канву слов так, чтобы Ума не осознала происходящее между нами, не почувствовала в голосе.

Стало немного дурно от её эмоций.

– Ты права, Ариан, – в комнату вошли сестры – близнецы. Куда без них, моих маленьких устроительниц личного ада. – Она всего лишь человек. Бесполезный, к тому же.

Своё недовольство они не скрывали, в отличие от Ариан. Няня Умы поклонилась им, надменно поджав красивые губы и поглядывая на меня. Мол, смотри, равная говорит с равными... Что поделать, к людям отношение здесь не самое лучшее до тех пор, пока не заслужишь. Ничего не дается просто так и сразу.

Я поднялась на ноги, придерживая около себя Уму, зло

шипевшую на сестер. Это она старается защитить меня, понимая, что происходит – в ее детском разуме еще теплится понимание человеческих отношений.

– Не беспокойся, лютя. – Обратилась я к ней, – твои сёстры злятся лишь потому, что я – очередное напоминание об их человеческой жизни. Ведь геммами не рождаются.

Многочисленный поклон в сторону близнецов. Зря. Молодые геммы неуравновешенны, их организм постоянно изменяется, подстраивается под вирус. Он дарит им многое – долголетие, интеллект, коллективные знания – но пока в их крови бешеное пламя гормонов, адреналина и море агрессии.

– Мы родились геммами! – Веннэ щелкает зубами, словно кусает меня. – Наша мама была человеком и дала нам жизнь, но мы родились уже с другой кровью.

Я помню этот эксперимент. Рао писал о нем. Одна девушка, Лия, медленно умирала от иммунного заболевания и мечтала хотя бы родить детей. Дом шерн Альяринн не мог вылечить ее, вирус гемм иногда не приживается в больном организме. Лия предложила старейшинам искусственное оплодотворение, те согласились, и восемь месяцев в ее теле, подключенному к аппаратам жизнеобеспечения, росли девочки-близнецы. Все эти восемь месяцев Лия была счастлива, она придумала малышам имена, шила им одежду, писала письма – настоящие, длинные и на бумаге, на несколь-

ко лет вперед. Затем, на последнем, девятом месяце их мама впала в кому, и ее тело, лишенное разума, донашивало детей. Анне и Веннэ привили вирус перед тем, как извлечь. Это было очень опасно, но по-другому было нельзя – до года, времени обращения, они бы просто не дожили. А после рождения, с первым вдохом, вирус посчитал бы их слабыми существами...

Лиля была по-настоящему счастлива и бессмертна, в собственных детях. Она не принесла себя в жертву. Она была матерью от и до. Не думаю, что лишние пять лет ее жизни были бы драгоценнее осознания того, что ты подарила миру двух прекрасных, более совершенных существ.

Анна берёт под руку шипящую Веннэ, уводит её из покоев. Я лишь по-доброму улыбаюсь им вслед. Так будет первое время. Они будут шипеть, пытаться задеть меня и даже напасть. Но это норма. Наше обоюдное поведение – часть своеобразного ритуала. Чтобы стать их другом, мне придется потрудиться.

Не успели они выйти вон, как Ума резко упала на пол, повиснув на руке в моей ладони, и забилась в конвульсиях. Её тело и её разум плавилась в изменении. Кровь гемм пожирала внутри неё человеческие клетки и заставляла бешено делиться новые, уже изменённые. Вирус внутри репродуцировал собственное ДНК. Розоватая пена из ненужных телу веществ полилась на пол, глаза стали красными – не хватало

мутированной крови для процесса.

Ариан, на то и была её няней, бросилась к малышке. Надкусила запястье и, прижав кровоточащую рану ко рту Умы, начала читать молитвы.

Мурлыкая, напевая переливы. Знакомые шипящие слова, наполненные силой и любовью.

*...Святейшая, первая из нас...
...Напои нас своей благодатью...
...Дай нам силу изменений...
...Верим в тебя...*

Я вышла из комнаты, не в силах наблюдать за мучениями девочки. Она с пеной у рта жадно глотала кровь Ариан, словно маленький голодный зверек... Лицо её вытянулось, когти стали бордового цвета и царапали плиты.

...человеческая часть меня взбунтовалась.

***

Каждый день мы двигались вперед по расписанию.

Подъем, молитва, завтрак, учение, игры, личные дела, обед...

Пока дети занимались своими делами, я проводила это время на кухне, обнюхивая еду и наблюдая за действиями повара. Да, именно обнюхивала – когда Рао прислал наставнице письмо о желании выбрать новый Столп, меня и еще

троих начали готовить – и конечно, «посвятили» в тайны приготовления и специфику блюд гемм. Поначалу, честно говоря, меня немного подташнивало, но со временем привыкаешь ко всему.

На обед сегодня приготовили кайер – весьма специфичное блюдо на основе свежего мяса, генетически изменённой бычьей крови и десятка различных примесей, состав который вежливо умалчивался. От меня требовалось различать это всё по своеобразным нормам – цвет, запах, консистенция; для измерения состава у меня был специальный прибор со шкалой – а вникать, что из чего приготавливалось, не хотелось.

Повара звали Стефан, он являлся старшим сыном семейства шерн Альяринн, бывшим наследником, и готовил ещё при своём отце, наплевав на устои Дома. Стефан безумно злился, когда я «вторгалась в его владения» и потому завести интересующий меня разговор, почему он отказался от наследования Дома, передав право Рионн, было невозможно.

– Ваша еда в холодильнике. Разогревайте сами. – И так каждый день. Одна и та же фраза, наполненная одними и теми же эмоциями. Стефан страшно злился на то, что какая-то новая гувернантка, тем более человек, проверяет приготовленную им, великим поваром, пищу. И ещё порой фыркает на несоблюдение некоторых норм. И заставляет переделывать. То, что я по сути дела – вроде как великий Столп, ширрах, присутствие в доме которого обязательно, его не вооб-

ще волновало. Старая добрая песня – сначала заслужи, потом поговорим.

Я молча подошла к холодильной камере, достала свой обед и приготовилась выкинуть его в уничтожитель:

– Как и вчера, и позавчера, я обойдусь овощами, уважаемый Стефан. Вы прекрасно знаете, что я люблю свежее. И притом, дети не очень хорошо относятся ко мне. Всякий раз, когда вы оставляете мою пищу, они портят её...

– А вы думаете, я не могу? – ухмыльнулся довольно повар. Ну что же.

Тогда виноваты сами.

Каждый день эти перепалки, свежие овощи, от которых начинает подташнивать. В конце концов, их выращивают специально для меня такие же геммы. Кто знает, на что способны они в своих теплицах, даже страшно представить! И я уже устала от детских проделок на пару со Стефаном.

– Вы сегодня обедаете с нами, уважаемый.

Удивлённо он смотрит на меня, не понимая, в шутку или всерьёз...

– Вы не ослышались. Вы обедаете сегодня с нами. – Убрыв свежеприготовленный кайер в лёд, я улыбнулась. Настолько гадко, насколько можно.

Я прекрасно знаю, что могут употреблять из человеческой пищи геммы, а что нет. Томатный суп, горячо любимый мной, как и вчера, был подпорчен примесью крови, остатками тушек мелких животных и сероватой кашицей, о составе

которой я старалась не задумываться. Я так и представила, как по очереди они убегали на кухню и хихикая, кидали, что душе хотелось и под руку попало. Но, несмотря на всё, для гемм он был не опасен и даже легкое расстройство желудка заработать они не могли.

Всю эту адскую смесь, предназначенную мне, я мило разливала по керамическим тарелкам.

Стефан сидел около меня, бледный. Звук демонстративно льющейся жижи вызывал у него тошноту. Иногда он пытался перечить:

– Но... вы не должны это допустить!

– Глава третья. Пункт четвертый. Ширрах Ульяна, как доверенное лицо, может применять раз в неделю исправительные меры, распространяющее на всех членов дома, исключая госпожу. По собственному пожеланию и без согласования с указанием в объяснительной записке причин. – Нараспев декламировала я, стараясь не смотреть на пищу.

Старый повар, которому недавно исполнилось двести семьдесят лет, который верно служил Дому шерн Альяринн, был перворожденным, пусть и не льортом, явно пал духом.

Собрав детей, я попросила их очистить руки и, прочитав молитву, приступить к трапезе.

Младшие жадно ели. Естественно, в силу своего возраста и полного отсутствия чувства расового превосходства, они не могли портить мой обед, да и вообще не имели представления о случившемся. Поэтому Тамара и Ума с горящими

глазами уплетали кайер, пачкаясь в свежей крови. Малыша Андрея кормила кашкой Ангуин, его няня. Он ел пока только человеческую пищу, геммой малыш станет через недели две или месяц, Коронацию, так называлось обращение, ещё не назначили.

Остальные сидели и с неохотой ковырялись в тарелках.

– Что же вы? Совсем не голодны? – Я обмакнула проклятый помидор в соль и смачно, немного наигранно откусила. – Ууу, вкусно! А вам что, не нравится суп? Стефан так старался... Да и вы тоже.

– Мы расскажем маме! – Вспылила Веннэ и отодвинула от себя обед.

– Да? А заодно расскажем госпоже Рионн о вашем гостеприимстве. Вы же старались сделать всё лучше и пригласить мне, человеку, любовь к национальной кухне. Так или не так?

Кайн, никоим образом не выказывающий интереса, лишь покачал головой. Молча взял ложку и, отчаянно и горько вздохнув, начал есть. Остальные с неохотой последовали примеру наследника.

Переборков тошноту, я продолжила есть ненавистные помидоры и наблюдать за детьми. Иногда Стефан пытался слить суп в кадку с цветами неподалеку, когда я отворачивалась в сторону.

– Хватит удобрять растения! – возмутилась я наигранно. – Марко, будь любезен, уступи дяде Стефану место.

Марко сидел рядом со мной и потому радостно пересел на место повара в надежде на ту же кадку. Но всё его довольство сошло на нет, когда я сухо заметила с набитым ртом:

– Будешь удобрять цветы, получишь добавки. Ещё много осталось.

Стоит ли говорить, что после этого моя еда каждый день была свежей и без каких-либо примесей...

***

– Не скажу, что ты поступила благородно, но... молодец. Я приняла твоё решение, – вечером сказала госпожа Рионн. На лице госпожи сияла улыбка, когда она узнала о проказах своих детей.

Мы сидели вдвоем в её покоях, как и в первый день моего приезда, на мягких коврах в окружении подушек, и курили кальян. Это стало нашей традицией. За окном ночь, а госпожа не торопилась лечь спать. Я же не видела её три дня – всё это время она провела в Общей Империи, исполняя долг своему народу, и теперь с интересом слушала мои новости. А после поделилась переживаниями по поводу Империи:

– Эти... это ваше правительство, – она имела в виду людей, – они решили ограничить нашу численность. Ближайшие восемь лет ни одного ребёнка... Они боятся, что с нашим долголетием и способностями мы вырастем как нация и уничтожим их. Император вчера издал указ, он даже

не принял нас и не выслушал.

– Испугались чего? Что вы численностью чуть больше ста тысяч одолеете их? Живя на отдалённом континенте и не имея никакого оружия? – я ухмыльнулась. Рионн выпустила в ответ ароматные кольца дыма и растянулась по ковру. Её бледное лицо словно высечено из снега, золотые глаза приоткрыты, пальцы перебирают длинные смолянистые локоны.

– Нас до сих пор боятся, считают порождением тьмы. Для людей, этих высших чинов своего народа, мы навсегда вампиры. Память о смутных временах. – На минуту она замолчала, что-то вспоминая. – Когда был жив отец, он каждый день рассказывал о ТОМ времени. Всё хотел, чтобы мы помнили. Видели его глазами Святейшую... ведь он видел её. Видел и знал, Ульрианнаш.

Да, именно Святослав шерн Альяринн, тогда ещё Святослав Аларин, спортсмен и интеллигент, неисправимый оптимист, одним из первых испытал на себе ЕЁ Крик. Именно его она лично сделала геммой, несмотря на отчаянное сопротивление. Хотя кто знает, как это было на самом деле... Говорят, именно на нём уже позже ставили опыты, пытаясь понять суть мутации, учёные в «сверхсекретных организациях». Эти опыты дали знать о себе позже, в достаточно зрелом для гемм возрасте. Он скончался задолго до того, как я появилась на Шим'Таа, оставив свой Дом

на хрупкие плечи Рионн, с детства готовившейся к этому.

И именно Святослава Святейшая избрала своим голосом, вытащив из лап непонимающих людей. И именно он огласил её волю.

Святослав никогда не видел её лица, вернее, не помнил его. Говорят, Святейшая перед тем, как покинуть свой народ навсегда, забрала у каждого воспоминания о себе. Лишь спутанные чёрные волосы, бледные хрупкие руки и накрывающие её с ног до головы узорчатые крылья, сотканные из человеческой крови – вот и вся Святейшая.

И ещё, в своих снах, она часто приходила к нему, и он слышал её печальный голос. Оплакивающий человечество. И умоляющий простить её за все.

Её детищ люди боялись. Боялись, ненавидели, но не трогали.

Знали, что отомстит, где бы ни была.

Ведь кровь была у всех.

У каждого.

И кровь была её царством.

Только я хотела заявить Рионн о своих догадках по поводу бойкота людей, как она прошипела:

– Тебя ведь никто не знает там, в Империи. Я дополнительно наводила справки. Или есть то, что не было известно Рао?

Ещё чуть-чуть, и она вцепится мне в горло. Ох, уж эта

несдержанная молодая гемма со своими перепадами настроения! Пришлось выкручиваться.

– Меня подобрала монахиня десять лет назад, когда корабль с неудобными людьми был уничтожен. Меня прибило к берегам Шим’Таа, я до сих пор не понимаю, как спаслась. Я и своих родителей почти не помню. – Повторила я всё то, что было известно ей прежде.

– Я учла это. Я внимательно читала записи монахинь. Но на том корабле никого, похожего на тебя не было. Я пролиставала все файлы. Ты ведь не могла стать невидимкой?

Молчу.

– Тебя не чиповали. Я взяла с собой твою голограмму и попыталась найти по базе. О тебе нет никаких сведений. А если и были, то на сколько же ты неудобна была Великой Империи, что тебя стёрли из базы восстановления?

Я замерла. Все генетические данные хранились в единой общечеловеческой базе, на их основе изготавливались новые органы и другие части тела, если понадобится – а лучшими биоинженерами были геммы. Во время поездок взамен детей или по личному заказу Император разрешал ограниченный доступ. И Рионн им воспользовалась в личных целях.

Минуту я разглядывала гнев в её глазах, мне предстоял долгий монолог, потом шумно вдохнула воздух и выпалила в лицо госпоже:

– Извини, я не могла рассказать раньше. Рао просил это сделать только если спросишь. Просто... я – нелегал. Евгени-

ум. Так называют людей, которые не должны родиться вообще. Это генетический материал. Моя мать вынашивала детей для какого-то человека, всего уже и не помню, что она рассказывала. Я была не первой для нее, такие дети считались наилучшим материалом для выращивания органов и тканей. Не клонирование и не ваши технологии – настоящая плоть и кровь. Но именно на мне она сломалась и сбежала. Когда я родилась, меня не чиповали... У меня не было отца, поэтому невозможно было обрести статус. Я была низшим существом среди низших.

Мне нелегко давались слова. Я кружила среди шипящих окончаний и пыталась вплести в глубину гемми всю боль и отчаяние, избегая и ей, и мне ненужных воспоминаний. Недосказанная правда – ещё не ложь.

– А потом в общине, куда попала моя мама, началась лихорадка. Тогда многие умерли, нечистоплотность и отсутствие медикаментов сказались... Говорили ещё, что это Высшие устроили чистку. Наверное, так и было. Но это был настоящий ад. Моя мать бежала на корабле, на Мертвые острова, как обещали, заплатив за место мной. Всё равно я – евгениум, существо без будущего. И к тому же, просто выросла, стала ненужной её материнским инстинктам.

Куда они бежали, я не знаю. Но корабль попал в шторм, и его закрутило. Он был ужасно старый, еще с древних времен. Работал на нефти, непонятной чёрной воде. Однажды

она закончилась, и тогда началось самое страшное. Бойня. Агония. Хаос. Люди выживали как могли. Трупов не было... их... я еле сдерживала тошноту... немногие останки лишь сбрасывали за борт. Дрались за воду, за нормальную еду. Единственное, что было общим и ненужным – воздух.

А потом был взрыв. Что-то горячее ударило с небес однажды днём. Горячее и расплавленное. Словно золото. И всё. Больше я ничего не помнила. Меня отшвырнуло в сторону, запачкав чужой кровью лицо. Блаженство холодной воды и тишина. Но я не утонула.

Меня случайным образом прибило к берегам земли гемм, Шим'Таа, о которой я знала из старых сказок, мать всегда пугала по ночам вампирами. А монахини, прогуливаясь ежедневно по морскому песку, увидели тело. Вытащили, выходили от ожогов и оставили в монастыре, благодаря моим качествам евгениума. Я была выносливой, покладистой и обучаемой.

– Вы можете выслать меня в Империю, но людям безразлично моё существование. – Я отпила немного вина из бокала и улыбнулась Рионн. – Немного позже я узнала, что тот корабль с неудобными был не единственным. Высшие чины устроили всё так, чтобы провести очередное шоу по Сети. Древний способ управлять толпой. Рейтинги просмотра просто зашкаливали. Радовались до тех пор, пока один из кораблей не занесло в воды Шим'Таа и на экране показали слу-

чайно земли, которых нет на картах. И корабль просто уничтожили с беспилотников – дронов. Многие Высшие тогда лишись больших денег, поставив на этот корабль.

Госпожа внимательно следила за моей речью, пыталась найти противоречия. Но успокоилась, читая в моих глазах искренность.

– То, что вы приняли за шрам от РРипа, на самом деле следы от укусов. Меня пытались съесть. Тогда, на корабле. Я ничего не рассказала монахиням... Боялась, что они отправят меня обратно. Евгениумы – не люди. Такие, как я, бесправны в мире людей.

– Многое в вашем мире ужасно и отталкивающе. Ваша Мировая Империя сотворила с народами злую шутку. Мир никогда не наступит в том краю. – Рионн отставила в сторону бокал и коснулась моей руки. – Когда власть любви победит любовь к власти, наступит мир на земле.

– Джимми Хендрикс. – задумчиво произнесла я, вспоминая автора подобных слов.

– Джииму Хандрикуши, – неловко повторила госпожа, пытаясь выговорить мои слова. – На каком это языке?

Танец второй

Прошло ещё несколько дней. Я даже начала делать успехи в многосложных отношениях Дома и его обитателей. На моей стороне уже были Ума, малыш Андрей (его я записала в союзники по причине улыбок в мой адрес) и Марко, рыжий несносный мальчишка, которого я обучала ближнему бою. Пару раз он даже сказал мне что-то вроде «спасибо».

Против – большая часть семейства шерн Альяринн. Кроме Кайна.

Нейтралитет. Это означало, что наследник не пакостил, но и не предупреждал меня о проделках других.

Хотя бы так. А то, глядя на наследника, распоясались бы всюю.

– Что дает вам вся эта возня? – задумчиво спросила как-то я невпопад, разглядывая распускающиеся чайные лепестки в прозрачном сосуде.

Обед.

Моя привычка пить чай раздражает их безумно. Чай для них – что-то ужасное, всё равно что горькая микстура у человеческих детей. Растения в пищу здесь употребляются редко, и только в виде незначительных приправ по вкусу.

За столом дети, няни и я.

– Ты не заслужила наше уважение. Ты – человек. Но совсем не такая, как ширрах Рао. Ты даже не красивая! –

Фыркнула Веннэ, младшая из близнецов.

– Да, потому что ты человек и у тебя нелепые привычки. Ты ешь растения! – Поддержал её всезнайка Тор, как-то нехотя. Такое ощущение, что его пнули под столом ногой, чтобы поддержал.

– И что? В этом и есть необходимость моего присутствия здесь. Напоминать, что вы подобны мне, хотя и мутировали когда-то.

– Какая наглость! – вспыхнула Ангуин, няня Андрея. – Мы – геммы. Наше сознание изменено, в нас не осталось ничего человеческого, даже на клеточном уровне. Госпожа Рионн приняла каждого из нас в своё семейство. Все Столпы в Шим’Таа уважаемы и не позволяют себе таких необдуманных слов. Или ты хочешь сказать, что и она – всего лишь мутант?

Лицо Ангуин было неестественно бледное. Золотые радужки становились багровыми по краям.

Пурпур и золото. Завораживает.

– Госпожа Рионн знает о моём отношении ко всему. Вы чтите традиции гемм, Ангуин, но не чтите традиции древней Земли, откуда вы родом. Откуда родом Святейшая. Ваша Праматерь никогда не забывала, кто она и кто вы. – Спокойно отвечаю я на гемми, играя переливами шипящих. Наслаждаясь каждым звуком.

Няня выпустила когти. Скверный знак. Надеюсь, что до смертоубийства дело не дойдёт.

Нависшую угрозу разогнал Кайн.

– Ул'Яна, – он почти правильно выговорил моё имя. – Тогда почему наша мать выбрала именно вас после Того, кто ушел? Ведь у неё был огромный выбор среди людей, живущих долгое время в других семействах. Но именно вас я привёз в наш дом.

Кайн и без меня знал лучше об истории моего назначения. О том, что Рао поставил льринни перед выбором и настоял именно на моей кандидатуре. Но сейчас сказанное им всего лишь для отвода глаз. Золотоглазый выводок шерн Альяринн почти успокоился и с неким интересом ждал моего ответа. Даже Стефан вышел из кухни и встал в дверном проеме, наблюдая за нами.

Стараясь избежать каких-либо встречных взглядов, я налила себе чай. Запах корицы и мёда из старых запасов гемм наполнил мою память воспоминаниями...

Я встрепенулась, поморщила носик и улыбнулась наконец детям:

– Во-первых, несмотря на то, что в Монастыре Золота Покрова Святейшей в основном проживают люди, по каким-либо причинам попавшие в Шим'Таа, мы обучаемся как будущие Столпы, независимо от того, станем ими или нет. Во-вторых, Тот, кто ушел... ширрах Рао три года вел со мной переписку и устроил мне такие выпускные экзамены, что после них выжить с вами – проще простого. Я физически сильна и могу противостоять вам. Так что шею вам мне не пере-

грызть, как не старайтесь.

– Да, она сильная! Синяки мне ставит такие, что не сразу проходят. – заметил Марко, показывая свежие боевые отметины.

– В-третьих, за десять лет, что я прожила в монастыре Золота Святейшей, я изучила пять Высших Действ Гемм, глубину языка гемми, восемь танцев Посвящения. Поверьте, это было нелегко и не сразу. Я знаю основы боевых искусств других домов. И в-четвертых, – мои глаза предательски загорелись, язык умчался вперед осознания сказанного, – Я знаю маленький секрет. То, о чём не знает ни один из...

Звон осколков отвлек всех от моей речи. Ума разбила свою фарфоровую чашу в приступе и теперь билась на кресле, оголяя розоватые клыки.

Красное на белом.

Не знаю, умышленно или нет, но ты права. Это только наш секрет, дорогая. Пока только наш... Рионн мне не простит этого, если узнает всё вот так.

***

– Смотри. Ноги на ширине плеч. Поворот, прогиб, удар. Запомнил?

Марко пластично повторяет все мои движения. Ничего детского в его поведении, в его движениях. Хищные ощерившиеся зубки, замутнённые глаза... Эй, да этот мальчик

норовит мне прокусить шею!

Марко в боевом трансе.

– Нападай! – рычу я на манер гемм и ускользаю от смертельного удара.

Рывок, ложный выпад и аккуратный шлепок по спине.

Марко шипит и зло смотрит на меня.

– Я здесь для того, чтобы научить, а не быть тобой убитой. – Улыбаюсь я сквозь усталость. – Умей предугадать мои действия и тогда ты сможешь нанести удар в необходимое место.

Мне жарко. Голову я не брею с тех пор, как покинула монастырь, и теперь тёмный ершик волос непривычно тяжёл.

– Ну что, повторим? Смотри. Выпад, поворот.

***

Это случилось на следующий день после злополучного обеда. Кайн поймал меня почти у выхода из детских покоев. Вернее, попросил остановиться. Я уже было направилась в свои покои, и сделала бы это без промедления, если бы не его тон.

– Ул... Уль-я-на. – по слогам произнёс он. – Мне бы хотелось, чтобы ты ответила на некоторые вопросы.

Рукой он вцепился в мои одеяния, давая понять, что отказ невозможен. Да, весь в мать. Вежливая жестокость. Наверное, и придушит ради достижения цели.

Так я с вами и мазохисткой стану, дорогие мои.

– Уже поздно, Кайн. – Я посмотрела на табло в проеме. Оно было фиолетовым. – Скоро опустится завеса. Может, завтра поговорим?

Ткань захрустела под натиском, ещё чуть-чуть и лопнет. Наследник без эмоции вцепился второй рукой в горло и несколько придушил. Я захлебнулась воздухом и замерла. Отбиваться не имело смысла, так и повисла на руке.

Ну вот, я же говорила. Поэтому я предпочитала общаться с геммами старше двухста лет.

– Я спрашивал Ариан, когда она в последний раз поила Уму во время изменений. Ведь вчера, за обедом она отказалась от крови собственной няни. Ты видела.

Да, Ума билась в конвульсиях, но когда Ариан сбросила с себя маскирующие браслеты и подала ей запястье, на котором я заметила легкую сеточку шрамов, девочка оттолкнула её руку и не испила свежей крови. Даже когда Ариан надрезала кожу и попыталась влить, она только измазала её лицо. Ума не приняла ни капли. Я на её протест не отреагировала, даже попросила оставить ребёнка в покое.

– И знаешь, что Ариан мне ответила?

– Ума не приложу, – добродушно улыбаюсь я и тут же получаю пощёчину.

– Она сказала, что с недавних пор вы уединяетесь с моей сестрой. И во время приступов Ума теперь не пьёт кровь.

Что ты вбила в голову малышке? Почему она отказывается?!

– Ну, наследник, успокойтесь. От этого она не станет вновь человеком. – Вторая пощёчина не заставила себя ждать. Щеки алеют от ударов, в глазах моих – всё та же ирония.

Ах, милый Кайн.

– Прекратите насмеяться! Отвечайте! – сквозь оскаленные клыки шипит он. Мне показалось, или его зрачки стали... полностью багровыми?! Когти стали больше и теперь резали мои запястья, впиваясь в кожу. Запахло кровью.

– И не думайте, что я забыл вашу фразу. Что вы знаете больше, чем кто-либо? Что вы скрываете?!

Заорали, оглушая, сенсоры, напомнив мне о времени. Кайн был за чертой, и потому завеса не могла закрыться... Хвала Святейшей, что он остановил меня в шаге от входа в шифф. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы оторвать от себя недавно спокойного наследника, а теперь взбесившегося монстра с пеной у рта.

Я откинула с силой его в сторону, за черту покоев. Взбесившиеся сенсоры ощутили, что все детки в клетке, и опустили завесу. Сквозь её серебристое поле я видела, как бился в конвульсиях наследник, заливая пол розоватой пеной. Изменения для него не закончились, до двадцати одного года продолжалась самая длительная по времени вторая фаза мутации. Насколько я знаю, в его возрасте происходит самое болезненное – заменяется костная ткань и во второй раз

перекраивается нервная система. Бывшие клетки его позвоночника, спинного мозга шли на корм вирусу. Уничтожались и разрушались на корню ДНК, доставшееся от предков, заменяясь на новое, неизвестное.

Дикий от боли вой других детей за завесой заставил меня вспомнить об угрозе, прошедшей мимо. А что, если все семеро набросились на меня? Даже для взрослого геммы они опасны, не говоря о человеке.

Восьмой, Андрей, через несколько дней присоединится к их хору. Обращение проведут втайне Старейшины гемм.

Те, кого обратила сама Святейшая и передала им заветы.

***

– Только не говорите, что вы это сами и нечаянно. – Протянула Рионн, разглядывая мои ссадины с синяками на шее и запястьях. Любимая голубая туника безнадежно порвана и залита пеной.

– Кто? Веннэ? Анна? Или кто-то другой из гемм? Кто первый позволил себе подобное? – вопрошала Рионн.

– Я сама, – фыркнула ей в ответ, упорно скрывая произошедшее.

Госпожа сжала и без того мои опухшие запястья, и прошипела:

– Кто?! Пена геммов на тебе. И пахнет... – она медленно принюхалась к пятну, словно пыталась узнать. – Не может

быть!

По глазам видно, что догадалась. Запах пены уникален.

– Нет!

– Да!

– Нет, я сама виновата. Замешкалась, прощаясь с Умой.

Вот и получилось...

– Излишняя привязанность до добра не доведет, Ульрианнаш. – Золотистые глаза её плавил меня, ища хоть малейший всплеск эмоций. – Ариан говорила, что в последнее время...

– Мы медитируем. – Оборвала я, не в силах выслушивать это и от неё. За что и поплатилась. Рионн опять вцепилась когтями в руку. Больно, до свежей крови.

– Будь внимательней, Ульрианна. – уже нейтрально – ласково обратилась она ко мне. – Я тебе доверяю.

Подожди, Рионн. Ещё не время... Я сама всё расскажу, почему Ума больше не пьёт кровь. Я сама. Но не сейчас, пока я не могу...

Госпожа задумчиво смотрит на меня и вдыхает запах крови на ее пальцах, такой теплый, металлический и будоражащий. Клыки немного оголены. По глазам видно, она играет мной, запугивает. Выдержу ли я, не вылетит ли слово испуганным зайцем? Она делает вид, что сдерживается, чтобы не напасть и не перекусить мне горло.

Я постараюсь не разочаровать льринни страхом. Но всё же внутри себя, очень глубоко, сворачиваюсь в комок.

– Мы же не варвары, пить человеческую, – улыбается она довольно и смывает кровь в небольшом фонтане около. Затем подает мне свой платок. С благодарностью принимаю и оборачиваю им свою кровоточащую руку. Белая его ткань покрывается причудливым алым узором.

Жжёт.

Больно.

«Руда, руда алая...

... Успокой моё сердце ретивое»

– Отправляйся спать. Сегодня ты слишком вымотана для беседы со мной. – Рионн нервно теревит рукава своего длинного бирюзового одеяния. Неужели волнуется? Отчего ей волноваться, моей ледяной статуи?

– Ничего, госпожа. Завтра будет новая ночь, – кланяюсь я ей, и с трудом дождавшись, когда она исчезнет из виду, бегу к себе.

Испорченная туника пахнет ужасно.

***

Геммы – замечательный народ, на мой взгляд. Их замечательность для меня заключается в их стабильности и консервативности. Благодаря тщательно охраняемым традициям и законам, быт не менялся со дня основания государства. За редким исключением. Шим'Таа, в прошлом известный как материк Австралия, был отдан новой расе взамен

сохранения мира между людьми и мутантами. Говорят, Святейшая видела в бессмертии своих детей только отрицательные стороны. И хотела как можно быстрее оградить гемм от внешнего мира, пока вирус не поразиł ещё больше людей.

Не всё было хорошо, нет. Райские сады появились не сразу. Тот мир, что вы видите, является плодом долгого и упорного труда, борьбы с человеческим я. Не сразу наступил мир в Шим'Таа. Бессмертие – слишком тяжёлая ноша, считала родоначальница нового народа.

Многие геммы, выбранные Святейшей, не оправдали её доверие. Многих детей своих она отправила в Океан раньше времени. Слиться с Океаном – означало здесь умереть и агрессивно окрашенное произношение этой фразы до сих пор считается страшным проклятьем, за которое можно и на дуэль вызвать. Сейчас эти слова редки. Геммы не бессмертны, но пока трудно сказать о том, сколько же могут они прожить.

Что было причиной гибели многих, спросите вы. Говорят, кто-то посчитал себя богом и решил перекроить мир гемм на свой лад. Кто-то не переставал быть человеком и предавался похоти. Кто—то продавал вирус Высшим Чинам, желающих жить вечно. Причин было много, но исход один – Святейшая убивала их без сожаления.

Со временем материк и государство гемм было стёрто со всех карт и из памяти Великой Империи, а сами «вампи-

ры» стали чудовищами в детских сказках... Да, что ни говори, а чудовищами со своей импульсивностью и садистскими наклонностями они точно могли стать. Хотя этим грешили только молодые особи. Ко второму столетию жизни вирус в организме стабилизировался, и вспышки агрессии проходили сами собой.

И да, наверное, не стоит больше сравнивать гемм с вампирами. Им приходится употреблять большое количество свежего мяса и крови животных, в гневе у них заостряются клыки и ногти, а для обращения новых гемм используется переливание небольшого количества зараженной крови, причём используется кровь Старейшин – Аорэ. Это истинно-рожденные, в которых кровь их прародительницы, а следовательно, уровень вируса выше. Кровь тюрэ – перворожденных (это все последующие поколения после основателя дома) немного слабее.

Так я провела в своих покоях трое суток, перечитывая старинные фолианты и умирая со скуки. Рионн приказала мне восстанавливать свои силы и запретила выходить к детям. Так я пропустила коронацию Андрея, не увидев в последний раз его голубые глаза. К тому моменту, как я возьму обращённого гемму на руки, его радужка станет золотой.

Утром на четвертый день, как ни в чём ни бывало, я спустилась к своим воспитанникам вниз. С трудом перебинтовав заживающие раны, я облачилась в свою старую рясу. Это

было единственное мое одеяние, позволяющее полностью скрыть и горло, и повязки.

Но, по ходу дела, вся конспирация с треском провалилась в первые же минуты.

Весь дом уже знал о произошедшем.

Наивная я.

Думала, что это останется между нами тремя.

– Вот если бы мы были там, то от тебя точно ничего не осталось. – Заверяют меня Анна с Веннэ. Мы сидим во дворе, у фонтана. Дети бегают по саду, Кайн до сих пор сидит взаперти у себя в покоях, а эти две девицы капают мне на мозг.

– Да, если бы нам представился такой шанс...

Не в силах больше выслушивать девичьи мечтания, я обливаю их холодной водой из фонтана. Мокрые близнецы еле сдерживали себя, чтобы не вцепиться мне в горло. Я подхожу к ним вплотную, скаля зубы:

– Ну, так и быть, нападайте вдвоем. Я даю вам полное разрешение на применение силы. Вы можете спокойно убить меня! Только потом все кусочки соберите и кремируйте, хорошо?

Принимаю боевую стойку. Левую руку дальше, правую чуть ниже и перед собой. Ноги на ширине плеч. Сёстры смотрят на меня, еле сдерживая слёзы.

– Ну, что медлим? Начинайте..

Анна и Веннэ испуганно шипят на меня, не в силах по-

нять мою ярость. Для них я из непробиваемой гувернантки за считанные секунды стала берсерком. Зрачки расширились, верхняя губа нервно дёргается и по-звериному приоткрывает клыки. Я протяжно вдыхаю воздух, в предвкушении удара.

– Извините нас, – шепчет более спокойная Анна и, взяв сестру за руку, уходит с ней в шифф. – Мы не думали, что вас это так обидит.

– В следующий раз следите за своими слова. Рано или поздно вам придется за них отвечать. К вечеру прочесть «Введение в историю Семейства шерн Альяринн» и написать сочинение в тридцать листов на тему «Как я вижу свое будущее в клановой системе гемм».

– Хорошо, – поклонилась Анна. Веннэ продолжала молча сверлить меня взглядом.

– В стихах. – Добавила я, глядя на нее. Веннэ еле заметно дернулась. – Использовать только вольный разностопный ямб.

Анна зашипела на сестру и та поклонилась.

– Мне необходимо, чтобы вы поняли. Любые ваши слова должны подчеркиваться поступками. Только тогда вы сможете обрести внутренний покой. Если вы решили, что я вам не подхожу – устройте мне испытание, как я вам сейчас. Так как вы – геммы, у вас без труда получится выполнить мое задание. Госпожа Рионн будет оценивать их.

Девочки ушли к себе, переругиваясь шепотом. Ещё

немного, и я на самом деле надавала бы им сама подзатыльников. Когда дело доходит до ближнего боя, мышцы и рефлексы живут своей жизнью.

Поодаль, наблюдая за нами, перешёптываются няни Ангуин и Ариан. Перемыывают мне кости, как обычно. Опять я не так влияю на юных гемм. Не то, что Рао. По сравнению с Тем, кто ушел, я слишком импульсивна. А вот няни – совершенно другое. Их с детства определяют в кормилицы, после усиленных тестов их обучают многому, как и нас в Монастыре. Можно сказать, по знаниям это были бы наши прямые конкуренты, если бы не их принадлежность к геммам. Их кровь действительно уникальна, она подходит каждому обращенному и помогает пережить изменения. У них отличительные одежды, расшитые ритуальными символами. Для них выковывают специальные браслеты, которые год от года украшают новыми драгоценными камнями. Чем богаче россыпь минералов на металле, тем выше ценность кормилицы для семейства. Ведь каждый означает вскормленного нового гемму.

У Ариан браслеты заполнены наполовину. Насколько мне известно, она старшая няня по традиции в доме шерн Альяринн и воспитывала когда-то саму Рионн. А вот у Ангуин это первое дитя, и её золотые узорчатые оковы пусты.

Малыш Андрей слабо растяннулся на кресле и даже не агукает мне, как раньше, до коронации. Такой бледный и печальный... Вирус только начал перекраивать его клетки,

и в любой момент он может забиться в конвульсиях.

У меня болезненно сжимается всё внутри. Но я знаю, что у Ангуин отменная кровь и ему будет легко перенести процесс становления. На семь лет она его няня.

– Ты не сможешь ему, лютти? – пищит кто-то у ног, и я вздрагиваю от неожиданности. Это Ума с букетиком цветов прибежала из сада, и теперь прижимается, игнорируя просьбы Ариан отойти от меня.

Вздыхаю огорчённо:

– Не могу, малышка. Он еще слишком слаб и может не пережить это.

– Но ему очень плохо! Ты же помогла мне, теперь нет больше этой ужасной боли, и Ариан меньше кормит, только когда мне не хватает сил для изменения! – золотые её глаза наполнены слезами, Ума не слышит ничего другого. Вернее, не хочет слышать. – Если мы расскажем им, то они поверят! И Андрей не будет так мучиться.

Ей жаль брата, ведь она знает, как это всё болезненно – день ото дня становиться геммой, теряя всё человеческое. Я нагибаюсь к ней и начинаю гладить по чёрным, как смоль, волосам:

– Милая, это наш секрет. Помнишь? Им пока не следует знать о моём знании. Я сама не уверена, что это поможет другим.

Ума кивает головой, как я научила её делать недавно, и... истошно начинает рыдать. Её няня подбегает к нам и, заби-

рая девочку из моих объятий, начинает успокаивать её:

– Ну же, Ума! Не плачь! А ты! – это она уже мне. – Ты слишком жестока, чтобы быть Столпом! От тебя одни беды сегодня. Лучше бы тебя Кайн...

Она умолкает, понимая, что проявила излишнюю эмоциональность. Я понимаю Ариан – все мои действия идут против ее убеждений, против ее призвания быть няней. Я – слишком странный ширрах. Может быть, она где-то внутри ненавидит меня.

Усмехаюсь, опуская руки в прохладную воду фонтана. Что мне эта ненависть, Ариан? Меня ненавидели сильнее и не раз. Я настолько привыкла, что могу реагировать на это только иронией.

– Извините меня, я перешла границы дозволенного, – через некоторое время, усмиряя свой гнев, кланяется мне няня Умы. Второй раз за утро слышу от геммы эти слова.

Странное утро.

***

– Геммы никогда не вмешиваются в жизнь людей, ни прямо, ни косвенно. Единственно, Старейшинам и главам Вы не можете общаться с людьми за пределами – вас для них не существует. Вам запрещено без разрешения покидать Шим'Таа. Вы находитесь на собственном материке, на огромном расстоянии от Великой Империи. Вы подчи-

няетесь Совету, исполняете заветы Святейшей и молитесь только ей.

У нас урок Высших Действ. Присутствуют все, за исключением Андрея и Кайна.

Первый слишком мал, а со вторым всё сложнее.

На время урока мы почти друзья. Все распри за стенами покоев Становления. Здесь моё царство.

– А кому молятся люди? – вопрошает Тор, делая пометки у себя в криате. Это небольшое устройство позволяет записывать все данные стеклянным стилусом в капле крови. И всё остается в твоей памяти. Навсегда.

Остальные записывают мою речь тем же образом. Уме и Тамаре в этом помогают кормилицы. Они проводят информацию сначала через себя, облегчая понимание. Вот в этом и заключается главная сложность – важно подбирать на гемми слова так, чтобы через лет двадцать не было стыдно за сказанное. Многие я взяла из записей Рао, ведь даже интонация и паузы между словами были нормированы.

Но, как ни было трудно, со своей обязанностью я справляюсь. Или мне так кажется.

– Я прочёл в нашем архиве много книг о верованиях людей, но их настолько много, что голова разболелась, – продолжил Тор.

Остальные смеются. Я же выдерживаю паузу и отвечаю:

– Люди за всю свою историю существования молились разным богам. Когда умирала память об одних, люди со-

здавали себе новых. Когда-то Великая Империя была соткана из множеств различных по форме правления государств, в каждом из которых молились собственным богам.

– Подождите, вы применили правильное слово? Их что, создавали? – непонимающе Анна смотрит на меня. – Разве человеческие боги были созданы кем-то? Ведь мы потому и молимся Святейшей, зная, что она где-то жива среди нас.

– Святейшая не богиня. И Святейшей называете ее только вы, на просторах Империи ее называют Матерью Ублюдков и Тварью Исхода. В памяти людей хранятся воспоминания о той, кто вас создал. Ведь и она когда-то была человеком, была смертной. Как возможно, и некоторые человеческие божества до нее – память несовершенна.

– Расскажите нам про неё, пожалуйста! – разводит пухлыми ручками Тамара, моя темнокожая маленькая гемма. Я, видя интерес остальных, продолжаю. Кто-то услышит сегодня эту историю впервые. Поэтому я тяжело вздохнула и решила действовать не по протоколу.

Святейшая когда-то была человеком. Всё, о чём рассказывают древние книги – это то, что она работала в психиатрической лечебнице и отстаивала права душевнобольных. Это были смутные времена, потому как это было время Создания Псиберспейса. То, что вы знаете под названием общего информационного внутреннего поля. Чтобы его создать, нужны были душевнобольные. Деперсонализация, дереализация – подобные отклонения помогали не разрушить лич-

ность и тестировать на таких больных виртуальную реальность долгое время. Здоровый человек, попадая в Псиберспейс впервые, мог погибнуть. Или покончить жизнь самоубийством.

Поэтому, когда пациентов Святейшей увозили в неизвестном направлении, то они больше не возвращались. Если вы откроете архивы, вы узнаете, что на них проводились не только опыты по созданию Псиберспейса, на них тестировали новые лекарства или наоборот, созданные штаммы вирусов.

Святейшая подозревала об этом и старалась предотвратить подобное, потому как выше всего ценила человеческую жизнь и свободу. И когда её действия начали серьезно мешать, решено было похитить её и заставить замолчать. Навсегда.

– Её похитили такие же люди? Но ведь наверняка у неё была семья?! – воскликнул Тор, – я читал дедушкины записки.

– Да, у неё была семья. Муж и две дочери. Но мужа лишили жены, а детей – матери. Для всего мира Святейшая тогда умерла.

– Но её же не убили... Она ведь как-то спаслась? – пропихала в слезах Ума. В первый раз слушая историю своей прама матери, трудно не расплакаться. В протоколе указано лишь сообщать некоторую информацию. Подразумевалось, что полностью геммы должны узнавать в одиночестве,

к тридцати годам. Даже у некоторых нянь удивление на лице, как им быть в подобной ситуации – записать мои слова или воспроизвести свой протокол.

– Вы должны записывать именно мои. – Я продолжила. – Ума, все, что я сейчас рассказываю – именно для того, чтобы ты знала, насколько могут быть жестоки люди. И насколько жестокость в мире гемм неприемлема, даже если брать во внимание вашу импульсивность во время становления. Её привезли в подобное закрытое учреждение, где отвели роль подопытного животного. Каждый день её кололи лекарствами и издевались. День сменялся новым днём, но никто не приходил на помощь. Все свыклись с её исчезновением. Тем более, что вскоре был найден обезображенный труп, в котором опознали пропавшую активистку.

Труп похоронили под её именем, но жизнь для неё не изменилась. День за днем она пыталась чего-то добиться, сбежать из лап врачей и сумасшедших учёных. Но она была слишком слаба. В её крови бушевал новый вирус, и все ждали результатов... Умрёт или выживет.

И тогда произошло неожиданное. Каким-то образом она создала связь через кровь с другими людьми. Стала свободно перемещаться по сознанию каждого, читая и управляя им. Вирус исказил её, преобразил в новое существо. Свёл с ума и одновременно подарил целостность.

И тогда она начала убивать.

Так я прочла и так мне рассказывали в монастыре.

Это истина.

Марко нахмурился и пробормотал исподлобья:

– Святейшая запретила нам убивать перед страхом смерти. Она не могла...

Мне пришлось умерить пыл и объяснить поведение их прапаматери:

– Тот мир был не такой, как сейчас. Не такой мирный и безоблачный, как тот, в котором вы живёте. В нём постоянно велись войны, свершались перевороты, и человеческая жизнь не ценилась. Сейчас вы видите, что всё это делалось ради захвата власти во всём мире. И ради становления Великой Империи.

Когда Святейшая обрела свой дар, она в гневе наказала всех, кто причинили ей боль. Она попросту заключила их сознание внутри тела так, чтобы они вечно жили и вечно страдали. Ощущали только её пережитую панику и агонию. Такие люди прожили долгую жизнь, мечтая о смерти. Каждую минуту они молились ей и просили простить.

– И?! – мой класс в ожидании замер.

– Она не умела прощать. В книге, которую написал ваш аорэ, истиннорожденный, Святослав шерн Альяринн, рассказывается о том времени, как Святейшая вернулась в свой город в самый разгар войны. Её муж и дети пропали, и даже через кровь она не могла найти их. Никто не помнил её имени, да и она забыла к тому времени, как её зовут.

Война. Я всегда представляла, как Святейшая шла по залитой кровью улице, среди умирающих и умерших. Каждого благословляя, и плача по каждому. Вокруг свистели пули, разрывались орудия...

Брат убивал брата. Во имя лживой свободы.

– А у мамы есть её портрет. – Марко задумчиво произнёс вслух, сбив меня с мысли.

– Портрет? – удивилась я. – Но в мире не осталось ни одного изображения. Так мне объяснили безликость всех статуй в монастыре.

– Наш аорэ написал его. Ведь он был её другом. Так говорит мама. – Гордо заявила Анна, сверкая золотыми глазами.

Я замешкалась. В горле пересохло от волнения.

– А вы... вы видели его?

Дети дружно коснулись каждый своей левой брови указательным пальцем. Жест гемм, означающий «да, клянемся своей прародительницей».

Видели.

– И... какая она? – кожа моя покрылась испариной. Я жаждала услышать.

Дети застрекотали наперебой.

– Тихо! По одному!

– Нуу, – затянула Анна. Право слова оставалось за ней, как старшей в комнате. – Там её толком и не видно. Очертания мутные... Лица почти не видно, но говорят, у неё были

полностью чёрные белки, без радужки. А всё на картине закрыто крыльями. У неё были крылья, такие ажурные...

– И всё? – капризно сжалась я. Ничего нового. Это описание я слышала тысячу раз. Худая, полностью угольно-черная.

Марко, словно Чеширский Кот, улыбнулся во весь клыкасто-розоватый рот. Мол, слушай, юная Алиса.

– Не-ее-ет, – глаза его горят, словно сейчас он выдаст такое, что всех удивит. – Она была похожа на человека. Она была бледная! Аорэ говорил, что такой Праматерь была, когда запирала вирус внутри себя. Только когда она ушла от нас, то никто не мог вспомнить, как она выглядела...

Маленькая худая женщина, нечаянно выбранная судьбой на столь страшную и одинокую роль. А крылья? Наверное, это было так...

...тонкие ручейки крови стекают из ран убитых людей на грязный асфальт и тянутся ниточками к ней. Парят в воздухе единым потоком, а потом обвивают узорчатой сетью её хрупкое тельце и врастают в кожу.

...Руда, руда алая.

И она идёт дальше, не видя ничего перед собой. Боль испепелила её душу, боль потерь и ненависть.

Ядовитый коктейль.

Крылья её становятся большие, нарастают мощью и уходящим теплом из тел, нависают над ней и защищают

от пуль. Видя её, люди разбегаются в ужасе, чувствуя, как что-то чужое и злое проникает в их души. И они слепо падают на землю, царапают жадно кожу, до глубоких царапин распахивая грудь, пытаясь выскрести то, что забралось в них.

А она кричит, распахивая ажурные багряные крылья.

И крик её беззвучен.

Он уходит в кровь, в её память, вечную и нетленную. Он становится всем для живущих. Каждый чувствует её агонию и плачет вместе с ней.

А крик идёт дальше и, видя зло, неисправимое и неискоренимое, приказывает умереть.

В тот день не было больше слышно стрельбы и паники. В тот день повсюду горели погребальные огни...

А потом она избрала себе спутников и сделала их глаза золотыми.

Навсегда.

Усмехаюсь. Может быть, всё было и не так. Свидетели тех времен давно мертвы. У гемм другая история, а у меня лишь хорошая фантазия и обрывки чужих воспоминаний, я всего лишь пересказываю Истории начала Времен.

Урок подходит к концу. Все расходятся, в какой-то мере под впечатлением рассказа, и лишь Ума теребит меня за рукав рясы.

– Лютя, простишь меня, что я так сильно плакала? – С се-

рзным лицом говорит она мне.

Киваю в ответ. Хорошо. Геммы, кстати, утвердительно не кивают совершенно.

– А Кайн сделал тебе очень больно?

Наклоняюсь к малышке, улыбаясь как можно добрее:

– Ничего страшного, не волнуйся. Хорошо?

Девочка кивает (это она переняла мою человеческую привычку), её рот расплывается в улыбке, но через секунду она снова печальна:

– А если это сделаю я? Нечаянно... Ты же знаешь, хотя приступы и проходят, я всё равно до конца не могу сдерживать себя. Иногда падаю. И Ариан кормит меня, но редко. Почему?

– Тебе ещё нужна кровь и свежее мясо. Именно они дают геммам больше сил для изменения.

– Мы пока молчим про твой секрет, да?

– Тссс, – накрываю рот ладонью. – Никто не должен знать о нём, Ума. Пойдём обедать?

Взяв тёплую ладошку малышки в свою, я вдруг почувствовала её необыкновенное, родное тепло.

И я сжала её сильнее, боясь потерять.

***

Вечером, когда дети уходили в шифф, в мою дверь коротко постучали. Когда я открыла, никого уже за ней не было,

а на полу лежали две исписанные тетради.

– Могут ведь, – сказала я, пролистав.

***

Прошло ещё дня три, а может, и больше. В целом, я не замечаю, сколько времени я провела среди них. Я вообще перестала воспринимать время. Переняла эту привычку от гемм.

– Дети меняются, хоть вы это и не замечаете, – заявил как-то вечером Стефан. Мы сидели на кухне, и он готовил мясо со специями.

Для меня.

Я облизнулась, глядя хищными глазами на мой ужин.

– Не принимайте на свой счет. Мне просто интересно готовить человеческую пищу. Она более разнообразна. – Пояснил своё желание повар, мелодично отбивая пласт мяса керамическим молотом.

– Святейшая, видимо, была плохим поваром, потому и оставила вам так мало рецептов, – съязвила я и тут же извинилась жестом, видя недобрый огонёк в золотых глазах геммы.

Минуты три мы молчали и смотрели, как шипит мясо на энергоплите, исходит ароматным соком. Затем Стефан касается моей руки, привлекая внимание. Это тоже жест гемм, направляющий вас на действительно серьезный разго-

вор.

– Мои родители просто продали меня в семь лет, на органы. Им не хватало на свадьбу моей сестры, они хотели повысить ее статус, а вместе с ним и свой. Я пережил это. Я был достаточно взрослым, чтобы понять всю жертвенность. Когда меня признали негодным на донорство, я не знал, плакать мне или радоваться. Меня готовились перевести в низшие слои, вы должны сами знать, что меня могло ожидать в Общинах. Рионн рассказала мне о вашей жизни в них. – Стефан поморщил нос, не в силах выдержать запах жареного мяса, и включил вентиляцию на полную мощность. – Но моему владельцу нужно было заплатить налоги, и ему предложили отдать меня. Потому что пришли геммы и им нужны были дети... Нам рассказывали три дня всякие ужасы, что никто не возвращался, что таких детей ждут кошмары похуже донорства и продаж. А потом нас выстроили в ряд и... И когда льорт, мой будущий отец, Святослав коснулся меня, я укусил его сильно. От страха, как животное... Его кровь проникла в меня тогда.

– Стефан... – я смотрела на него огромными глазами, ярко представляя картину.

– Но льорт Святослав уже сделал выбор до укуса. Потом он пояснил, что геммы наблюдают за детьми прежде, чем выбрать. Что они ищут тех, чье сознание еще можно спасти, потому что они умеют врачевать все, кроме души. А тогда он сказал шёпотом: « Ты замечательный мальчик, умный

и сильный. Не бойся» Он сказал это с улыбкой. Но тогда я не понял, испугался ещё больше, я хотел убежать прочь от этих непонятных золотоглазых существ, в которых превратился сам со временем, – Стефан перевернул мясо и посмотрел мне прямо в глаза. – Мы многого не понимаем в человеческом обличье.

– Извини, Стефан... Я не хотела, – начала, было, я, но повар уже вновь коснулся моей руки.

– Мы принимаем шутки и сами можем пошутить на тему праматери. Святейшая, может, и была плохим поваром, но человеком она была замечательным. Так рассказывал льорт... Дальше мясо жарьте сами, мне уже дурно от этого запаха.

Я отошла к энергоплите и поставила её на режим запекания. В последнее время не люблю плохо прожаренное мясо.

– Ульрианна, – Стефан отошел подальше и спросил. – Ты же знаешь о том... что нам больше не дадут детей?

– Госпожа Рионн сказала лишь, что люди больше не верят в Святейшую. Страх иссяк.

Старый гемма взъерошил седые волосы и устало облокотился на стол:

– И мы ничего не сможем сделать. Праматерь запретила нам вмешиваться в решения Империи. Рионн даже не принял, не объяснили причин, но и так все понятно. Стоит ли бояться ту, о которой не слышно уже лет триста, после Афэриканшу. Даже своему народу она не является больше, счи-

тая себя нечистой... Измаранной в чужих смертях. Так что мы связаны обетом.

Афэриканшу.

Африканская резня.

Это было ужасное и в то же время величественное зрелище, видела я эти файлы на грейфах в монастыре. Тысячи людей по воле Святейшей кремировали себя, от мала до велика. Это был последний раз, когда она пользовалась своим могуществом и окутывала человеческие души, желая истребить зло. Несмотря на договор с Императором, она была не в силах вынести человеческую двуличность. Хотя кто знает, как это было на самом деле – после этого женщина, сотворившая гемм, исчезла навсегда.

– Мы будем молиться, – произнёс полушёпотом Стефан, передав мне ужин.

«Надеюсь, она не оставит их без ответа,» – подумала я.

Танец третий

Кайн вышел под утро. Когда шифф исчез, он посчитал, что время простить себя пришло. Изнеможенный, бледный от голода юноша пробрался на кухню и, достав из ледника кусок свежего мяса, впился в него зубами.

– А молитва?

Он вздрогнул от неожиданности, но мясо не выпустил.

– Ну-ну, наследник! И надо было так терзать себя?

– Прости, мама.

Рионн подошла ближе и погладила своего несуразного первенца, жадно разрывающего вырезку.

– Ничего, малыш. Впредь будет уроком.

Минуты две Кайн наслаждался едой, затем прижался к матери, пачкая её бирюзовые одеяния.

– Я устал, мама. Это становление выматывает меня. Каждую ночь этот голод. А мы... словно дикие звери, рычим и воем за занавесой.

Рионн вздохнула:

– Я понимаю, это тяжело. Но только через три года всё пройдёт для тебя окончательно... Потерпи, Кайн.

– Хорошо, мама. Я буду стараться.

– Вытери рот, милый. Ты и меня испачкал. – Рионн протянула сыну розовую салфетку, и теперь наблюдала небрежное умывание. Себе она тоже достала одну. – Послушай, ты

выяснил тогда у Ульрианнашш что-либо про Уму?

Кайн нервно зажал мизинцем и большим пальцем мочку левого уха. На языке жестов это означало твердое «нет» – хьорте. Людям это казалось слишком неудобным, но геммам спешить было некуда. Даже в разговорах.

– И Ума «молчит как партизан». Кто такие партизаны, лучше не спрашивай – это ширрах так говорит, я не поняла. Лесные люди какие-то. Я уже было собиралась их обеих наказать. – Рионн поджала кроваво-красные губы и присела на скамью рядом. – Но думаю, не стоит этого делать. Приступы проходят без дарения крови – это необычно, но не опасно. По крайней мере, я не вижу никаких отклонений в младшей дочери.

– Моя льринни, – громко произнес Кайн, сытый и довольный, решив завести официальный разговор с матерью, по всем правилам этикета. Будущему льорту достаточно на сегодня материнской нежности, уроки управления куда важнее. – А Ульрианнашш что-то говорила вам до этого о своих способностях?

– Нет, но монахини и Рао предупредили меня, что Ульрианнашш – странная. В её глубине больше, чем на поверхности. Ты же знаешь, что она десять лет провела среди них, но совершенно не открылась полностью. Никому, даже Рао, – задумчиво произнесла Рионн, перебирая скомканную салфетку. – Он говорил, вряд ли мать продала ее, хотя евгениумом она точно рождена, у нее нестабильные гены. Возмож-

но, она была преступницей и бежала. Рао заказал в Империи и нашел только признание бывшего ментора, что его друг и она были супругами и «скользящими в Сети». Она изучала древние языки, на которых больше никто не говорит. Даже те, которые мы не смогли полностью выкупить в свой архив.

– После гемми и гарами трудно что-то удержать в соевой памяти. Такое ощущение, что вирус уничтожает знание любого другого языка как чужеродное... Но после всего, что рассказали, вы хотите, чтобы она оставалась и учила нас? – Кайн попытался отобрать у матери салфетку, словно зачарованный шуршанием фантика котёнок.

– Своей играйся, – зло прошипела Рионн на сына, резко перейдя на неофициальную речь. Тот съёжился и одернул руку от неожиданности.

– Преступления против Империи мне не важны, если это не преступления против жизни – а их она не совершала. – Продолжила уже официально Рионн. – За свое она поплатилась и сполна. Ее мужа убили. Не важно, почему она здесь – важно, зачем? Она имеет полное право на свои секреты. Но ее возможности пригодятся нам в будущем.

– Вы доверяете ей как льринни? – поморщился наследник. Рионн молча коснулась левой брови указательным пальцем.

«Миоррэ» – да.

Развернувшись, она направилась к выходу. Бирюзово – небесный пятиметровый шлейф тянулся за ней, словно по-

ток воды. На пару секунд она замерла в проеме и прошептала:

– Через три дня начнётся Эвалон. Рао сам выбрал именно ее, и теперь она должна подтвердить свое предназначение. После него я решу.

Кайн лишь продолжил сосредоточенно игратья салфеткой, прижавшись спиной к леднику. В золотых глазах его ничего не отражалось. Даже некоторое подобие страха, что замерло в его душе.

***

Через три дня начнётся Праздник Золота Святейшей. Но в доме Альяринн все увлечённо заняты не подготовкой, а своими делами.

Праздники здесь проходят не как у людей, это естественно. За время, проведенное в монастыре, я думаю, что научилась понимать психологию гемм хоть немного. Хотя даже при знании гемми это сложно.

Отсутствие подготовки не означало ее ненужность. Просто дом поддерживался всегда в таком состоянии, что если к ним нагрянули бы без приглашения все сорок старейшин и компания перворожденных в сотни три, сказав, что Эвалон переносится и будет проведен прямо сейчас, его без промедления в секунду начали праздновать.

Это образ жизни гемм. Чего я никогда не наблюдала у лю-

дей. Что я видела в Империи? Лишь жалкие потуги прошлого... только в достаточно отдаленных местах, в разрушенном древнем городе Рондон, наполовину залитый водой, да в глухих сайберийских таёжных лесах тайно справляли несколько забытых праздников, переиначив их смысл и традиции. Крупицы прошлого иногда бережно хранились.

А в великой столице, возведенной в песках бывшей пустыни, праздник был всегда. Сибаритский, умасленный дарами и деликатесами, приправленный обнажёнными телами девушек и юношей, выращенных по стандартам и желанию господ. И где господа сменяли друг друга еженедельно, проигравшись в хлам – это было модно.

Зажрались.

Я встрепелулась, отбросила воспоминания, словно ветхие одежды, и продолжила листать каталог. Рионн приказала выбрать одежду на Эвалон, и привести себя в порядок. Если старейшины увидят меня в нынешнем виде, то я навсегда упаду в их глазах.

Этикет нужно соблюдать.

– *Здравствуй.* – Пронеслось шипящее около уха, и я от неожиданности выронила голографические листы. Ворох пятиметровых шлейфов разлился радугой в воздухе.

Обернулась, но... рядом никого не было.

Бред.

Я нагнулась, чтобы поднять листы, но не смогла. В зеркале напротив я заметила притаившееся черное нечто. Неофор-

мившееся поле эмоций.

– Ты? Как давно я не слышала твой голос...

– *Да, ведь ты захотела спокойной жизни.*

– Что ж, тогда начнём? – в пустоту произнесла я со слезами и осторожно, глядя лишь в зеркало, попятилась к пятну. Осторожно закуталась в чёрные всплески эмоций, словно в мантию. И...

...проснулась.

В холодном липком поту. Яростно встала с постели, пытаюсь забыть сон. Скользнула в истерике в душ и распостёрлась на тёплых плитах под струями ароматной воды.

Кошмар возвращается. Это было постоянным его началом. Раз от раза, когда я думала, что всё закончилось, он приходил вновь.

А ведь он не снился мне с тех пор, как я покинула на танкере Великую Империю. Каждую ночь, проведенную в Империи, он терзал меня, заложенный в мои мутированные гены. Это было неизбежной частью моего бытия, генетическая память и эхо воспоминаний. От этого не убежать.

Никогда.

Потому что убежать от собственного прошлого невозможно.

Свернувшись в комок, я зарыдала. Размазывая ароматные фиолетовые струи воды по лицу, я надрывно выла, словно раненный зверь.

Дети ждали меня в шиффе. Настороженно посмотрели в мою сторону и окружили пёстрой толпой. Это было неожиданным, но объяснимым. Сегодняшний урок особенный. Сегодняшний урок об Эвалоне, первый для малышей.

Веннэ, Анна и Кайн уже присутствовали на нем и даже видели танцы на расстоянии вытянутой руки. По крайней мере, они так рассказывают. Более младшим не давали разрешения, пока большая часть их клеток не будет вытеснена вирусом.

Поэтому узнать о празднике хотелось всем, даже старшим. Няни же, словно от скуки, обмахивались веерами.

– Неужели Рао вам не рассказывал? – удивилась я и сморщила носик.

– Тот, кто ушел, сказал бы, что и вы не должны рассказывать, а быть занятыми в выборе наряда. – Фыркнула Анна, глядя на меня с презрением. – Лучше один раз увидеть. Но вас точно мама не пустит.

– Ах, да. Я же страшное тощее пугало. Я забыла, простите, ваше величество... – прикрывая клыкастый ротик, улыбнулась я.

– Ульрианнаш не страшная! – Вступились за меня Ума с Тамарой, пихая старшую сестру. Не думаю, что малышками владели благородные чувства. Просто на их первый Эвалон старейшины допустят еще не скоро, поэтому любопыт-

ство взяло вверх.

Я вздохнула, подошла и прижала к себе малышек.

– А где Андрей? – спросила я у Кайна, вплетая в канву слов всю вежливость, на какую была способна. Наследник, укутанный с носом в золотые одеяния с драконами, махнул рукой в сторону Марко.

– Он не может. Ему плохо... Очень. – Рыжеволосый мальчуган исполнил повеление брата. Ответил за него.

Что ж... начнём обучение. А воспитанием я займусь позже.

Лично.

– Эвалону, празднику Восьми Золотых Узоров, сравнительно мало лет, это самый молодой праздник из всех. Но не менее важный, а даже наоборот. Двести тридцать лет геммы проводят его торжественно и в течение двух дней. Время проведения сообщается за неделю, что несвойственно другим. У Эвалона нет постоянной даты.

– А почему? – пискнула Тамара. Её золотые глаза в контрасте с угольной кожей заорожили меня. Мгновение я стояла, разинув рот.

– Ну... – в ожидании протянули юные геммы. Я неохотно прекратила любоваться Тамарой и продолжила:

– Дело в том, что ваш аорэ, льорт Святослав, нашёл одну удивительную вещь, принадлежавшую когда-то Святейшей. Она хранилась в тайнике, о существовании которого никто не знал, пока не стали сносить стену, перестраивая Дом ста-

рейшин.

Молчание. Мои юные мутирующие друзья заморожено смотрят на меня. Кайн просто выжидает, что я скажу.

– Вы не знали? – пробормотала я.

– А что вы знали тогда? – в моём голосе пританцовывает нетерпение.

– Ну... что раз в год мы собираемся, чтобы встретить Эвалон, проводим шествие, танцую для Святейшей древние песни на забытых языках. Потом всеобщая молитва и... ну, мы радуемся, веселимся. – Сбивчиво пролепетал умница Тор, не дожидаясь разрешения Кайна. Этот Эвалон будет для него первым.

Со стороны покажется немного странным, что человек знает больше о жизни гемм, чем сами геммы. Но Рао рассказывал об этом накануне тому, кто был допущен, объяснял все правила и собственно, саму историю праздника. Я немного изменила правила. Дети должны знать то, что я изучала его, и ожидать Эвалон. Потому что это волшебное, ни на что не похожее действо. Единственное, я не была на нем, я всего лишь наблюдала старые записи и пыталась понять суть танцев в монастыре.

– Тогда я, с вашего позволения продолжу. В тайнике вашим дедом был обнаружен Грааль, так он назвал его. Это был древний нокиа.

– Это что, был древний грэйф Святейшей? Я слышал о таких. – Одновременно спросил у меня и пояснил осталь-

ным Тор.

Миоррэ. Да.

– Нокиа, именно это было написано на нём золотыми буквами. Только во времена Святейшей это называлось не грэйф. Это называлось «мобильный телефон второго поколения»

– Мобируиши тьелэрфону. – Попытались пронести дети незнакомое слово сквозь шипящий гемми.

– Ваша праматерь спрятала его в тайнике, пытаясь забыть о прошлом. Когда-то давно, когда она была человеком, её грэйф был забит мелодиями, картинками и прочими личными настройками. Как у всех людей.

– И что? Там же должны быть её древние фотоголограммы! – хором выдохнули восхищённые дети.

Я подняла руку вверх, призывая к спокойствию.

– Нет, она всё стёрла. Уничтожила любую запись о себе. Как и во всём мире приказала по крови стереть данные о своей внешности, о своём прошлом.

– Но почему?

Я присела на малахитовую скамью, голос мой дрогнул:

– Я думаю, Святейшей было больно помнить о себе как о человеке. Я думаю, на её нокиа были раньше фото её дочерей и супруга... Записи их былой, радостной и счастливой жизни. И помнить о том, что пережила их, было для неё невыносимо. Рано или поздно, она бы удалила их. Забыть прошлое – единственный выход.

Дети замолчали, понимая боль и решение праматери.

– Но! – разбудила я их надеждой в голосе. – Одним из старейшин было восстановлено несколько файлов, в грэйфе остались эхом Восемь Золотых Узоров, восемь танцев. Древние песни на красивейших языках древности. Именно они звучат на празднике. Именно в них кружатся танцовщицы, для вас и для Святейшей. А то, что дата не определена – всё потому, что нокиа иногда поёт. В разные даты и время включается сам по себе. А на экране загорается надпись. «Через неделю. Не забыть. Эвалон». Именно из-за этой хаотичной записи вы и начали отмечать праздник.

Слегка привстала молчаливая красивая няня Тамары. Я редко замечала её присутствие, настолько она была тиха и призрачна. Айраин, золотоглазая фея, хотела что-то спросить.

– Госпожа Ульрианна, извините, но могу ли я задать другой вопрос? Он интересуется меня с недавних пор... А вы знаете про Эхо Святейшей? – она вежливо поклонилась, чем заслужила презрительные взгляды других нянь.

Я встала со скамьи и улыбнулась Айраин, поклонившись на её вежливость.

– Да... это всего лишь миф, дорогая. В монастыре рассказали мне обо всём. Даже о том, о чём вам мне говорить нельзя, – восхищённый гул малышей – Эхо Святейшей – всего лишь красивая легенда, подчёркивающая статус ваших старейшин.

– А о чём она? – потянулась Венне, давая жестом понять, что урок затянулся. Понимаю, выбор платья для столь красивой девушки более важное занятие. За эти два дня близняшки могут познакомиться с будущими ан’нами. С будущими «вторыми душами» – аналогично человеческим мужьям, только на другом, духовном уровне.

Да и мне нужно было торопиться к льринни Рионн, госпожа чем-то хотела меня удивить. А это я люблю.

– Расскажу об этом после Эвалона. Спасибо за то, что выслушали меня.

Кланяюсь. На самом деле, история с Эхом для меня самой была не до конца ясна. Всё время все странным образом отшучивались и не давали полной картины. Какая-то реликвия, назначение которой не раскрывалось. Сейчас у меня есть хотя бы время уточнить всё у льринни.

Все вежливо встают и неожиданно кланяются мне. Спасибо за знания.

Я ошарашено смотрю на них, обычно все разбегаются, как ни в чём не бывало.

Неужели я хоть немного заслужила их благодарность?

***

До покоев госпожи я бреду не спеша, вспоминая сон. Страшно понимать, что кошмары возвращаются ко мне. С недавней истерикой Кайна и его пеной во мне что-то щёлк-

нуло, выпустило на волю воспоминания. Его безумное лицо, искривлённое злостью и агонией, напомнило мне то, от чего я хотела убежать больше всего.

От воспоминаний о прошлом.

И я знала, что тёмная тень – всего лишь начало...

Морщусь от боли и царапаю себя.

Забудь забудь забудь забудь!!!

...переключаюсь мысленно на Эвалон. Надеюсь, моим подопечным близнецам повезет, и они обретут ан'нари среди приглашенных. Хотя геммы и лишены физического удовольствия в сексуальном плане (их нервная система и строение половой системы перекроены мутацией так, что в них нет нужды), они не могут быть одиноки, если сами этого не хотят. Как Рионн или Стефан, к примеру. Второй половиной может быть любой представитель золотоглазого народа, независимо от пола. Правда, сохранено правило – принявший предложение переходит в род того, кто его предложил, теряя своё имя. Дань прошлому.

А то, что можно выбрать однополого ан'нари – это не проявление гомосексуальности, народ гемм девственен и невинен, словно райские Адам и Ева.

Это в высшей степени родство душ. Я читала в монастыре, что соединённые общей кровью становятся буквально одним существом, не теряя при этом индивидуальности. Они всходят на Алтарь, то есть будничным языком, получают одни на двоих уникальные гены.

А что до интимного – я слышала, Святейшая считала это корнем всех бед. Искаженное желание более чем опасно.

Меня передёрнуло. Воспоминания о моем личном опыте окутали меня, жадными руками сорвали одежду, оставляя синяки и...

– Рионн! – кричу я, словно её имя защитит меня. Со всех ног я бегу к ней.

Прочь...

***

– Рионн, ты сошла с ума. – Прямо говорю я ей, не боясь получить удар. А она и не бьёт. Она понимает мою реакцию. Это сумасшествие в высшей степени.

– Не отнекивайся, Ульрианнаш. Я видела ту запись из монастыря. Рао показал. Ты должна быть счастлива. Ты – новый ширрах шерн Альяринн, не самый лучший, многим непонятен выбор Рао, и поэтому ты должна доказать, что достойна быть на месте Того, кто ушел. Тем более, ты должна подтвердить Его выбор. Ведь именно он настоял на твоей кандидатуре, что ставит меня в неловкое положение как льринни.

Проще говоря, моя госпожа решила убить двух зайцев одним выстрелом – и экзамен мне очередной провести, и повысить мой рейтинг. Она просит меня танцевать – здесь это называется «вышить» – на Эвалоне.

Восьмой, заключительный и самый красивейший, на мой

взгляд, Узор.

Canto Della Terra.

Дуэт мужчины и женщины, переплетённый в музыке. Поющих о любви, о нежности. О солнце внутри их. Мой самый любимый из всех танцев.

Но традиции выше моего желания. Если бы я уже десять лет как была Столпом, то могла присутствовать на празднике Гемм. И еще через пять – быть в центре внимания.

– Но что скажут старейшины? Ты их спросила? – сквозь зубы выдавливаю шипящие, пытаюсь отбиться.

– Они согласны. Мы видели лишь то небольшое, что успели снять в монастыре. И поверь, этого достаточно, чтобы не бояться за твою судьбу.

Это всё она, Мэрииштэ! Я в гневе кусаю губы, вспоминая эту строптивую монахиню. Она уговаривала меня долгих три года с тех пор, как увидела мои попытки овладеть пластикой. И потом тайно записала, целых две минуты моего забытья. Тогда я вальсировала, срывала покрывала с древней мелодии, которую напевала себе. Её я услышала на первом своем Эвалоне, увиденном в стенах Монастыря. Я искренне пыталась уничтожить запись, но в физической силе уступала Мэрииштэ. Тогда я проиграла, вызвав её на бой Миоррэ. Проиграла и не получила право забрать единственный носитель с моим танцем. А монахиня поколотила меня так, что полностью отбила и печень, и желание что-то сделать с записью. Даже сейчас я недостаточно сильна, спустя годы тренировок.

Но я не думала, что она попадет в руки Рионн.

– Ульрианна, ты танцуешь для нас, поэтому два дня проведешь в своих покоях. Никто не должен видеть тебя до заката – Плетущие Узор священны. За тобой придут вовремя.

– А... Пусть танцуют прямые наследники дома Альяринн! Анна и Веннэ...

– Они должны выбрать ан'нари и знают это. От дома всегда танцуют Восьмой Узор приглашенные танцовщицы – наш род славится лишь дипломатами. Пусть в этот Эвалон мой отец будет горд за меня в моей памяти. Даже я, туорэ Святослава, не вышивала танец никогда.

– Но...

– Я всё сказала. Завтра старейшины пришлют двух гемм тебе в помощь. Тощее худое пугало должно преобразиться. Хватит пугать народ...

Сбегу.

Ей богу, сбегу.

Если я уступлю льринни, то я навсегда останусь здесь. Плетущие Узор Столпы заносятся в семейный реестр так же, как если бы прожили с геммами пятьдесят лет. Я стану частью дома шерн Альяринн и не смогу вернуться в Монастырь по желанию.

Это был третий заяц Рионн. Она убила и его.

...потому что умолчала о том, что мы и так обе знаем. Если я сбегу или даже просто откажусь – меня убьют за измену.

А Андрею становилось всё хуже. После изменения прошло ещё недостаточно времени, и вирус не адаптировался.

Я знала, Ума пыталась пробиться ко мне и поговорить. Она умоляла Саршэ, длинноволосую, похожую на Тора, гемму, впустить её на пару минут. Но Саршэ была прислана подготовиться меня, и потому неприступна. Ей было приказано, чтобы никто не видел танцовщицу – так она даже отражающие поверхности выключила в моих покоях.

Но даже и так я не смогла бы ему помочь. Андрей ещё не понимал меня, моей речи. Он был слишком мал... Мне оставалось лишь молиться и верить. Госпожа сделала всё, чтобы найти причину нездоровья малыша. Анализы ничего не показали. Кровь Ангуин также проверили. Она была безупречна и более чем подходила для питания.

Ничего.

Ничего такого, чтобы найти причину.

Шима, вторая моя, более агрессивная, похожая чем-то на Веннэ, помощница, нехотя передавала мне новости:

– Два дня потерпеть не можете? Ничего с малышом Андреем не произойдёт за это время. Кровь его няни просто не усваивается ребенком, такое бывает.

– Но бывали и смертельные случаи! Некоторые не выжили в таком раннем возрасте. Есть скрытые изъяны, которые могут исказить обращение...

Саршэ, слушая нашу перепалку, прищурила и без того раскосые глаза, зашипела на меня.

– Много вы понимаете. Без году неделя тут, а уже...

Я виновато склонилась перед ней, понимая её гнев. Но дала себе слово, что, если две эти помощницы прежде не загрызут меня, льринни я выскажу всё, что думаю о ней. А сейчас, отдавшись во власть опытных рук Саршэ и Шимы, я замолчала и стала мысленно вспоминать мотив Узора...

У меня была хорошая память.

Даже слишком.

***

Я не знала даже, что делали со мной геммы. Не было ни одного зеркала или даже отражения, чтобы я могла видеть изменения в своем облике. Единственно, кожа стала необычно гладкой и светящейся изнутри. А волосы выросли раза в три по длине. Тёмно-каштановый цвет их от природы решено было насытить кроваво-красными прядями, чему я ревниво сопротивлялась.

– А это что такое? Снимите немедленно! – прорычала недовольная блондинка, пытаюсь сдёрнуть с плеч бронзовые обручи. Я еле остановила её. Обручи были моими, привезённые ещё из Империи. Даже в монастыре я их снимала лишь на ночь, в своих покоях. И то не всегда.

– Не надо... – протянула я, вцепившись в руки гемм. –

там... там шрамы и рубцы, я никому их не открываю. Это все, что осталось от меня прежней. И я не дам это изменить.

Саршэ в ужасе отдёрнула тонкие пальцы от браслетов. Отвращение явно читалось на её милом утончённом лице.

На гарами – высшем языке гемми, самом витиеватом и насыщенном образами, доступной лишь немногим из гемм, она пробормотала Шиме:

– Не могли другую выбрать, как раньше. Заказали бы таец дому Лерива, и всё. Неужели эта некрасивая женщина сможет?

Я печально помотала головой, понимая её слова, и ответила ей на гарами:

– Ваше умение владеть высшим языком выдает возраст, Саршэ. Вам не менее двухсот пятидесяти лет, я права?

Шима прыснула от смеха, глядя на вытянувшееся лицо напарницы, и ближайšie часа мы втроём кружили среди изысканных и напыщенных многослойных фраз гарами, словно терпеливые фехтовальщицы.

Было безумно тяжело, я мало знала гарами, поэтому приходилось отшучиваться цитатами и афоризмами, которые помнила наизусть. Пару раз я жутко сбивалась и краснела, потому что гарами был не аналитическим языком, а синтетическим и агглютинативным, то есть слова как бы склеивались между собой, обрастали кучей суффиксов и префиксов и несли только одно значение. Но малая толика уважения моих мучительниц была завоёвана.

***

Эвалон начался по приезду сорока старейшин. Их и прочих гостей разместили, как и было принято, на свежем воздухе. Неспешно установили палатки, накрыли столы и подготовили серебристую площадку танцев.

Я знала лишь то, что этого всего я не увижу. Как и первые семь Узоров. Равно как и остальные танцовщицы, прибывшие в закрытых паланкинах по подземным ходам Дома.

Всё, что я знала – ровно в девять за мной придут, укутуют в одеяния, расписанные именами старейшин, и отведут на место. Ровно в девять минут девятого я начну вышивать Восьмой Золотой Узор своей душой, своими эмоциями.

И после него меня либо признают, либо... Но о втором варианте не хотелось и думать.

А до этого две тысячи гемм будут наблюдать за каждым движением. Остальной народ гемм собирается семьями так же на воздухе около огромных парящих в воздухе экранов и будут присутствовать своим почтением на празднике. На расстоянии, но всей душой. За эти два дня время остановится для всех. И для всех праздник будет одинаков.

Меня трясло, ритуальные движения приветствия ускользали, мелодия уходила прочь.

За эти два дня присутствие двух девушек успокоило меня, кошмары ушли в прошлое. Но сейчас я боялась не их.

Я боялась за Рионн. Вдруг...

– Не беспокойтесь, госпожа Ульрианна. Мы в вас поверили. – Поклонилась в ритуальном почтении Шима, протягивая красное одеяние.

На мне ритуальные одеяния, расшитые неведомой мастерицей драконами и фениксами. При каждом движении рисунки оживают и змеятся вокруг меня золотистой радугой. Я поправила украшения из жидкого металла, постоянно меняющего узор, и прогнулась в спине. Назад себя. Подняла правую ногу, сделала ею короткий взмах и перевернулась. Шёлковые шальвары аккуратно облепили ноги, перетекая в новое. На ногах изящные сандалии, перевитые узором в тон. Волосы лишь украсили непонятными стразами, оставив их распущенными.

Я была кровью.

Человеческая кровь на празднике Эвалон. Весьма символично.

Царство Святейшей распахнуло для меня свои объятия.

В дверь постучали. Девушки неторопливо завернули меня в священные имена, так назывались расшитые одеяния, каждая поцеловала запястье на прощанье. Я буду скучать по ним. Двухсотлетний лед в их душах немного оттаял. А значит, у меня есть шансы проявить себя на Эвалоне.

Меня вывели впервые за пределы покоев за эти два дня.

На гравитационной ладье меня везли к месту. Ладья нежно скользила, рассекая воздух, величественно, как и подобает всему, что связано с этим праздником.

Я окинула взглядом народ. Красивейшие создания, бывшие когда-то людьми, утончённые и изящные. Непохожие друг на друга, и в то же время, единые во всем. Золотоглазые геммы пристально наблюдали за мной, я видела негодование в лицах многих. Бокалы едва не лопались, но все соблюдали тишину и вежливость.

Выбор старейшин не обсуждаем.

Осторожно, чтобы не запутаться, шагнула на серебристую гладь площадки, которая ещё хранила тепло моих предшественниц. И которая примет первое тепло человека в этом году. А может быть, впервые за годы? Я не знала, когда в последний раз Столп вышивал Узор.

Я вдыхаю воздух почти бесшумно, но в тоже время как в последний раз. Если что, меня беззвучно убьют. У меня нет Ррипа и защиты Империи, нет обещания Святейшей. Столпы – часть мира гемм.

Замерев, я стою и смотрю на Рионн. Я не знаю, с чего мне начать и потому смотрю на нее в поисках защиты и ободрения. В конце-концов, это она выставила меня на убой.

Она стоит рядом, чтобы представить меня миру гемм. Госпожа настолько прекрасна, что я чувствую себя неловко, глядя на её совершенство. Поверьте, трудно не думать об этом, когда оно вот – перед твоими глазами. Её льдистая красота, отточенная и хищная, облечена в еле видимые потоки воздуха. Ткань из переливающегося металла скользит по ней, словно ветер. Плотная, словно утреннего небо, еле

выкрашенное в голубой цвет. И конечно же, первый раз я вижу её волосы убранными. Чёрная смоль закована в нежное серебро узоров и цветов.

– Не волнуйся, – шепчет она мне губами.

– Рионн, вы сволочь и мерзкое существо, – шепчу я в ответ на гарамы. Госпожа продолжает мило улыбаться и вежливо кланяется гостям.

– Напомни мне потом как следует тебе... ответить. – Шипит сквозь зубы она, но мы обе знаем. Это всего лишь разрядка обстановки.

Я не слышу речи Рионн для благородных старейшин. Я смотрю на её детей, я боюсь распахнуть имена. Мне неловко, ведь я даже собственного отражения не видела.

– Мы слышали, она очень некрасива... Абсолютно лысая! И совершенно юная, чуть больше тридцати лет. Надеемся, что это всё окажется неправдой, – прикрываясь веерами, шепчут гости.

– Вы правы. После семи восхитительных танцев вряд ли эта женщина сможет удивить... И зачем только выбрали? Она лишь несколько месяцев заменяет Того, кто ушел. И да, мы согласны, она слишком молода как человек и как Столп.

– Собственная танцовщица дома не у всех есть... Это в порядке вещей, заказать. Хотя у льринни шерн Альяринн наверняка есть на примете новые Столпы лучшего воспитания.

По краям площадки я вижу сорок кубов с печатями каж-

дого из старейшин. Несколько экранов парят надо мной, сотни таких же экранов по всему Шим’Таа разбросаны и передают каждый мой жест.

И каждый смотрит на меня.

Каждый ждёт.

Каждый боится, что ему причинят боль неумелым танцем.

И я наливаюсь силой.

Гордостью.

Что этот народ доверил мне своё самое драгоценное и сокровенное. Что геммы удостоили меня этой чести. И я должна быть благодарной, отбросив ненужную шелуху страха и отчаяния. Переживать за каждый мой шаг, за каждое биение сердца – так я точно совершу ошибку и не одну.

Музыка полилась на меня сверху. Это ещё не Canto Della Terra, это пока прелюдия. Знакомство с танцовщицей.

Я распахиваю имена.

Одеяние рассыпается на части и стекает к краю. Глаза мои закрыты, руки прижаты к корпусу.

Я – одиночество.

Мое тело сегодня во власти чужих желаний. Моя душа словно натянутая струна.

Рионн не дошла до своего места. Она в изумлении остановилась и теперь смотрит на меня своими огромными влажными глазами.

Она что...? Восхищена?!

Рокот прокатился по толпе, я чувствую, что и дети замер-

ли, не понимая, где их страшилище.

– Её подменили в самый последний момент, – заверяет Веннэ. – Наша Ульрианна сидит и горько плачет...

– Нет, это она! – шипит Марко. – Ты с ней не сражался, я узнаю её стойку из тысяч. Посмотри, только она прижимает так большие пальцы внутрь ладони.

Довольно.

Я – одиночество.

– Santo, – шепчу я, и мелодия древней страны разливается по коже.

Нежный голос женщины, древний, но неведомый и чистый, проникает внутрь. И я начинаю плавиться под его натиском, вторить ему.

Тело змеится, я кружусь в невесомости музыки.

Что такое любовь, дорогие мои геммы? Что такое желание любить другого, вы знаете? Я поднимаю руки к небу, словно взмахивая крыльями. Каждый изгиб моего тела расскажет вам о ней...

Что такое чувственность? Вы чувствуете её в голосе певицы, которая давным-давно стала пылью, но всё так же дарит свой голос вам сквозь года? Трепет и непонимание, неприятие боли.

Я прогибаюсь назад, в неведомом даже мне акробатическом движении. Драконы на красном шелке перетекают друг в друга, окутывают меня изящными, ажурными тенями.

Мои движения вбирают в себя пластику древних арабских

танцовщиц, отточенность каждого жеста индийских девадаси. Я кружусь в только мне ведомом узоре. Никто не сможет предсказать мои движения, это не школа гемм, где каждое движение выверено и выучено. Это словно одисси, перекочевавший из храмов Индии в сердца гемм. Это – старинные книги и записи сокровищ Монастыря и истории мира.

Замираю на мгновение в танце, чувствуя всей кожей взрыв в голосе позабытой певицы. Голосе, таком близком и родном, словно я тысячи раз прокручивала его в плеере, невзирая на святость и загадочность.

Любовь царит в её голосе, нежность прикосновений и единение. И через мгновение к нему присоединяется второй голос, мужской. Он не похож на её, он абсолютно иной, но говорит нам всем о том же – о любви и её силе.

И именно мужчина разрывает ткань моего повествования. Его голос небрежен, чист. Он мощью наливает меня. Руки сами скользят вниз, от груди провожу ладонями к низу живота. Страстно, сжигая себя изнутри. Чувствуя струйки пота на спине. Чувствуя проникновение внутрь.

Что такое близость, дорогие мои геммы? Откуда вам знать, непорочным детям. Эту сухость в горле вы не ощущали, это головокружение и полёт... Испарину на коже, святую наготу двух существ?

Откуда вам знать? Любовь может быть и такой...

Не скотской, не наполненной животным искусом, кровью, криками и болью.

Волосы змеятся на ветру, вокруг меня запах, позабытый запах любви. Любовник, нежный любовник прижимает меня к себе, я оголяю ему навстречу душу, разрешаю проникнуть в меня. Мы вдвоём в этом мире. Никого больше нет.

Я зарываюсь глубже в одеяния, красной пеленой оно окружает меня, дарит моё тело миру-вокруг-меня. Руки уже не мои, они подарены голосам внутри. И каждый вздох, каждый жест живёт неведомой жизнью.

Что такое слабость, неощутимая и приятная, знаете? Нет, откуда вам знать... Но вы видите это в моём танце. Это танец каждой любящей женщины... Я едина с ними, с каждой из них. В прошлом, в будущем, настоящем.

И я дарю вам себя, посмотрите! Я змеюсь, славя вашу пра-матерь, которая знала это счастье. Что такое любовь, что такое чувственность...

...женский голос снова уносит меня в потоки, я замираю в вечернем ветре, я вижу ваше восхищение и удивление. Ах вы, бедные дети. Сильные, славные, но такие наивные... Я не порочу вас, в моих жестах нет ничего порочного. В них только то, что имеет ценность. То, что вам дозволенно знать.

Я целую ветер, нежно и любяще. Я целую голос в ветре. Смотрите, это поцелуй... Провожу рукой по припухшим губам, дарю себя без остатка танцу. Дарю своё знание вам, мои милые дети...

Вы, равно как и я, достойны любви. Посмотрите, вот это объятия. Так обнимают близких людей. Так мать вынашива-

ет, качает дитя внутри себя. Так она бьётся в муках, даря ему жизнь.

Это та же любовь.

И мужской голос... Слышите? Это ваша сила. Вы единый народ, не скованный пороками и ненужными границами. Видите, старейшины, узнаете во мне себя? Узнаете во мне себя молодых, наивных, любящих?

Вашу память затерли годы. Пятьсот лет вы дышите воздухом, несёте заветы... Да, вы когда-нибудь покинете свой народ, но пока...

...я помогу вам вспомнить. Я вижу слёзы в ваших глазах – лучшая награда для меня, поверьте. Каждый мой жест отточен и гибок. В каждом жесте любовь к вам. В каждом жесте – я сама, моя благодарность к вам. За то, что приняли.

За то, что доверились...

И уже хор голосов в песне разрывает наше единение. Я чувствую, как за гранью экранов сотни гемм привстают со своих кресел, стремятся ко мне.

Вместе мы славим жизнь.

Огранённая красота. Я кружусь по сцене, замирая на кончиках пальцев, воздушная и невесомая. На моём лице слёзы, в моём сердце любовь к вам, дорогие.

Вы прекрасны...

Я утихаю под последние звуки... Я заканчиваю вышивать Восьмой Золотой Узор. Я растекаюсь у ваших ног драконами и фениксами, я замираю на ваших глазах. Последнее ды-

хание, последнее сердцебиение и последний жест.

В облаке красного шёлка я утопаю на серебристой плите.

Тишина.

И взрыв эмоций... Беззвучно поднимаюсь, и, кутаясь в имена, заботливо переданные мне самой Рионн, сажусь в ладью. Госпожа мягко поддерживает меня и поправляет одеяния. И в её жестах я вижу что-то иное, проснувшееся.

Ладья отъезжает в сторону дома. Танцовщице не положено видеть, если вы счастливы.

Танец четвертый

Первое, что я сделала по возвращению – это обрила себя почти налысо. Было немного жаль, но я перетерпела. Ходить с подобной моей шевелюрой было неловко, это означало, что я уже не смогла бы вести себя и одеваться столь вольно, как сейчас. А стать похожей на Ангуин или Ариан как-то не хотелось. Пугало же я, в конце-концов...

Сердечко моё бешено колотилось, а каштаново-красные пряди опадали наземь одна за одной, проливая за меня слёзы страз. Безжалостно срезав труд стараний Сарше и Шимы, я огладила оставшийся ёршик волос и ухмыльнулась себе в зеркало.

Ну вот, здравствуй, Ульяна! С возвращением...

Эвалон продолжался, а я наблюдала за геммами на расстоянии из окна. Было невыносимо грустно, находится одной в покоях. Даже Ума не забегала проведать меня. Сидит с Тамарой и играют, мечтая о том, как через два года их допустят.

Или самой спуститься? Нет, не думаю, что это можно было сделать... После танца я оставалась священной до конца праздника. Священной и одинокой.

Слово-то какое, аж по ушам режет.

Я все пыталась до конца понять, что хочет от меня Рионн. По идее, ее не должен был заботить мой статус и как воспри-

нимают меня остальные геммы. Если она довольна, значит, выбор верный. Статусы в мире гемм – всего лишь возрастные метки. Это личный выбор каждого – кем ему быть и каким делом заниматься... На мой взгляд, естественно.

К примеру, Стефан, наш повар. С детства любивший экспериментировать с продуктами, он отказался от управления Домом и стать льортом по праву перворожденного – туорэ, несмотря на дипломатические таланты. Его не занимала вся эта мышьяная возня в Империи и он удалился в своё собственное царство. Царство вкуса и запахов. Но это не меняло отношение к нему.

Единственное, что немного смущало – это генетический отбор нянь. Геммы с определённой комбинацией генов и кровяных телец, измененных вирусом, довольно редко встречались. Это всё равно что когда-то у людей были доноры с группой крови АВ. Как и люди, обладающие такой кровью, так и няни среди гемм – универсальные доноры, но иногда из-за их нехватки воспитательницей на время становилась гемма со схожей кровью.

Я зеваю в своих раздумьях, собираю локоны в узел и сжигаю в «дарителе», в синеватом огне небольшой аромалампы. Воздух наполняется запахом сгоревших волос, и я начинаю чихать не переставая.

– Будь здорова! – совершенно по-человечески желает Кайн.

Кайн?

– Что ты тут делаешь? – заворачиваюсь с головой я в одеяло. – Ты не должен меня видеть!

– Ты остригла волосы. – Слышу я в ответ его грустный голос и чувствую тяжесть его тела на кровати. Он присел рядом. – Я не мог вытерпеть в ожидании. Не спал всю ночь.

– Хмм... – что добавить в такой ситуации?

– Послушай! – его рука касается меня, тепло и ласково, неподобающе для наследника. – Твой танец... Это какая-то человеческая магия, так? Что-то из ваших сказок, меняющее и непонятное...

Я, барахтаясь и смеясь про себя, вылезаю из покрывала и смотрю прямо в его глаза.

– Кайн... – Мурлычу я. – Никакая это не магия. С чего ты решил?

Наследник молчит, в его золотых глазах какая-то непонятная мне тоска и... злоба?

– То есть... если у... если у меня, – голос его дрожит и запинается. – Если во мне что-то появилось... новое и непонятное, то это само по себе? Так?

– Так. – Непонимающе соглашаюсь я.

Какое-то время наследник шерн Альяринн молчит, кусая губы.

Что же так тебя сжигает изнутри, милый?

– Ничего. – Бросает Кайн и, не глядя на удивлённую меня, выходит вон. На пару секунд он замирает в проёме и шепчет:

– Зря ты остригла волосы. С ними ты была похожа на нас.

Я почти принял тебя. Извини, что потревожил.

Тишина. Занавес. Через пару минут я падаю, обессиленная, на постель и засыпаю.

И снова этот сон. Всё смешалось в нём – и правда, и вымысел. В нём я не отличаю их друг от друга, они словно братья-близнецы, улыбаются мне клыкастыми ртами.

Я на корабле, том самом злополучном танкере. Вою от голода и проникающего ледяного ветра. Я на самой палубе... Кто-то подлетает со спины, вцепляется хищно зубами в плечо до крови...

Кричу, пытаюсь отбиться, но...

Не могу. Ещё чуть-чуть, и этот недочеловек сожрёт меня!

Перемена мест и действий. Словно перебросили песочные часы.

Замираю от боли на холодных плитах в белой комнате. Наверное, в одной из таких и плодят искусственно евгениумов. Спокойное мёртвое стерильное царство.

И тут я слышу шаги.

Шлёп-шлёп.

– Наша новая игрушка спит? Просыпайся, твой хозяин идёт, – хриплый голос, наполненный похотью и грязью. Я сбиваюсь в комок, пытаюсь вмуроваться в стены, царапая

себя грязными ногтями...

Боже, защити меня! Помоги мне...

Гдеeeeeeeeeeeeeee тыыыыы?!

Крик мой разрушает слабую оболочку сна и я в ужасе просыпаюсь. В ещё теплой испарине, сырая и надломленная.

За окном утро, а в моём сознании – тьма.

Видимо, так суждено.

Снова душ, снова ненужная истерика.

Я размазываю свою боль по коже, пытаюсь скрыться от неё. Если бы я могла, я бы всё отдала ради того, чтобы стереть мою память.

Навсегда.

Но с другой стороны, если бы не всё произошедшее со мной, я бы не стала той, которой являюсь сейчас.

Всё бы было иначе.

Переодевшись, я выхожу из своих покоев. Умиротворенная, завернувшись в бирюзовые просторные одеяния спокойствия.

Первое, что я слышу:

– Ульрианна, а где твои волосы?

Это Тор, мой милый мальчик с раскосыми глазами. Кажется, от удивления они стали у него больше.

– И вправду? – Марко подошёл ко мне, испуганно глядя на ёршик волос. – Где они?

Молча пожала плечами и улыбнулась.

– Пора продолжить занятия, не так ли? Я думаю, Марко хочется провести пару часов в тренировках?

Рыжий солнечный мальчик улыбается хищно. Он уже и забыл про мои волосы. Зачем? Я для него замечательный учитель, которого можно от души побить и постараться уку- сить за шею.

Какие там волосы, стразы и золотые украшения!

– Кстати, что вы тут делаете? Вы должны меня дожидаться внизу...

Мальчики переглянулись:

– Ну... – Начал Тор по старшинству. – Мы пришли тай- ком, чтобы... чтобы мама не узнала.

Ох, уж эти дети...

– Мама вам вряд ли бы рассказала, но она сейчас... пла- чет. Мы с Марко видели...

– Что?

– Всё дело в том, что Андрею очень плохо. Он может... – всхлипнул Тор, пытаясь сдержать слёзы и страх. – После Эвалона ночью его еле спасли.

– А кровью? Кровью его поили?

– Да, Ариан дает ему кровь...

– Хорошо, я сейчас же поднимусь к госпоже.

Как и сказали мальчики, Рионн сидела в своих покоях около окна, смотрела в зеленую даль и беззвучно плакала. Слезы, теплые солоноватые слёзы Рионн шерн Альяринн были такими непривычными для меня... Словно это была

не Рионн.

Словно она была обыкновенной женщиной.

– Помнишь, ты спрашивала, отчего Ума не пьёт больше кровь? – начала было я, но госпожа нервно дёрнулась и зашипела на меня сквозь слёзы.

– Уйди, Ульрианнашш! Не трогай меня!

Размазывая слёзы по лицу, она старалась выглядеть уверенно и непоколебимо. Будто отлита из железа, прекрасная бездушная статуя.

Я прикрыла за собой дверь, подошла к ней ближе, осторожно. Боялась, что ударит.

Хотя что это я, мне не привыкать.

Рионн действительно занесла руку для удара, но внезапно кулем осела у моих ног. Я даже не успела её поддержать, ошарашенная.

Вцепившись в хрупкую ткань, она одними губами прошептала:

– Помоги ему, прошу тебя... Помоги. Я не перенесу, если потеряю и его.

Я опустилась рядом на колени, прижала её к себе. Не спеша, словно ребенка, укачивала на своих руках.

– Я не могу, Рионн. Он слишком мал, он не сможет понять меня...

Она отстранилась, в её глазах появился нездоровый, хищный блеск.

– Но Уме... ей же ты помогла! Как?!

– Лъринни... Я десять лет прожила при монастыре, но меня только научили понимать ваш народ. Я действовала интуитивно. Мне, как и вам, тяжело наблюдать за изменением детей. Тогда я действовала на свой страх и риск... Но Андрей слишком мал. Он испугается и только.

– Но Ума... Уму же ты... – Рионн оттолкнула меня, зло и больно. – Оставь меня, я не хочу, чтобы ты видела меня такой слабой.

Я молча посмотрела на лъринни и вышла, закрыв за собой дверь.

Это все, что я могу сейчас для нее сделать.

Иду к детям, не спеша. Каждый мой шаг отзывается болью. Чужой болью.

Они наверняка ждут меня, надеются на то, что я смогу им помочь.

А я не могу.

Я не в силах... И последние капли доверия, что пробудила я к себе, поглотит жадная почва ненависти.

Из небытия меня вернул голос Айраин, молчаливой няни Тамары.

– Всё по-старому? – спросила она. – Госпоже по-прежнему больно? Я слышала, она и прежде теряла детей. И не раз. Не все могут пережить изменение.

– Вы знаете больше меня об истории этого дома. – вежливо улыбнулась я ей.

– Я хотела только сказать, что понимаю вас. Я также пе-

реживаю за то, что не в силах изменить.

Айраин поклонилась мне и протянула правую руку.

– Помогите мне, если вас не затруднит. Завяжите узел.

Только сейчас я заметила, чем она занималась. Она усердно перебинтовывала запястья, но сквозь золотистую ткань всё же проступала кровь.

– У меня ещё плохо работает регенерация, заживает не так быстро... Слегка кровоточит.

– Вам не больно? – в забытьи спрашиваю я, опираясь на эмоции, а не на знания.

– Нет, болевые окончания удалили в детстве. И видите, эти вены заменены на другие, кормящие – их быстро можно прогрызть или надрезать. Это тоже не больно. Они и зарастают гораздо быстрее. Просто я недавно стала няней, как и Ангуин. В нашем возрасте и появляются шрамы на запястьях, не всегда удается аккуратно накормить, молодые всегда торопятся, а кровь нужна свежая. Но потом я научусь.

Тоненькая сеточка аккуратных шрамов от острых зубов голодных детишек.

– Мне нравится воспитывать детей, хотя это немного не моё. Я... иногда рисую, я всегда хотела быть художницей. Ещё будучи человеком. – Печально улыбнулась Айраин. – Но у меня оказалась эта редкая способность, и мой новый народ попросил о помощи.

Няни гемм, заботливые и нежные существа... Как вас недостаёт человеческому миру. Всегда готовые, всегда оди-

нокие. Кормилицы не могут обрести ан'нари. Объединить кровь – значит, лишить себя возможности быть донором.

– Наверное, это тяжело... знать, что ты не сможешь... – хотела спросить я, но Айраин накрыла мой рот ладонью.

– Не стоит... Может быть, я не знаю. – Золотые её глаза смотрели в упор, в глубине бились слёзы, или мне так казалось. – Иногда я завидую Ангуин...

– Почему?

– У неё есть... ан'нари. Ангуин всего лишь для Андрея кормилица... Когда она воспитает его, она сможет вернуться в свой дом. Спасибо большое, Ульрианна...

Она накрыла золотистую ткань на запястьях широкими браслетами, на которых ярко переливались пара драгоценных камней. Ещё раз поклонилась мне и оставила наедине со своими мыслями.

Похоже, до детей я доберусь нескоро...

***

Спасибо Айраин. Она дала мне пищу для размышлений. Даже странно осознавать, что не всё я знаю в этом доме. Ведь изначально я считала няню Андрея начинающей, а оказалось всё не так.

Я тихо прокралась в шифф, чтобы не быть замеченной детьми. Прошла сквозь сетку коридоров и остановилась у покоев умирающего малыша.

Ангуин не было. Андрей лежал к красивой, резной кровати. Увидев меня, он слабо улыбнулся. Его взгляд... вынести его я не могла.

«Помоги мне»

Я осмотрела комнату в поисках крио – аналога детской бутылочки, но нигде её не нашла. Обычно она оставлялась всегда полной в специальном резервуаре. Но сейчас там было пусто.

– Ангуин ушла... Оставила тебя одного. Плохая няня!

Малыш протянул ко мне ручки, а я видела, как что-то нехорошее сжигает его изнутри. Осторожно взяла его на руки, хрупкое тельце его было горячим...

Или это совесть жгла меня?

– Ну что же мне делать? Скажи? – шепотом пропела я ему на шипящем гемми.

– Я не могу ради тебя одного перевернуть мир. – Сказала я ему на человеческом.

Минута размышлений. Либо я, либо его жизнь.

Младенческие золотые глаза сделали выбор за меня. Его затрясло в приступе, ребенок захрипел и задрожал в моих объятиях. Ангуин всё не шла, крио я так и не нашла, а делать что-то надо было... Иначе он...

Я колебалась мгновение. Морщась и не глядя на руку, полоснула себя острой стороной первого подходящего предмета по ладони. Ничего. Перетерплю.

Осторожно поднесла наполняющуюся длань ко рту малы-

ша и внезапно замерла в испуге. А вдруг я делаю это зря. Вдруг от этого ему только станет хуже? Я даже не уверена в том, что моя кровь подходит.

Но малыш не оттолкнул руку, наоборот, стал жадно пить, пачкая нас обоих. Маленький вампирёныш, такой голодный... Потом Андрей довольно икнул, оторвался от ладони и срыгнул на меня розоватую пенку. Зажимая рану, я уложила его обратно в колыбель и застыла в болезненном ожидании.

Минут пять, и ничего. Ничего такого, чтобы вызвало испуг за жизнь. Наоборот, кожа его вдруг стала розоветь, наполняться каким-то здоровым светом. Получив необходимое, организм тут же стабилизировался и начал вырабатывать необходимое количество вируса.

– Что ты тут делаешь? – в гневе шипела Ангуин за спиной, глядя, как я умываю лицо Андрея от свернувшейся крови. Я повернулась к ней и спокойно произнесла:

– То, что должна делать ты. Андрею стало плохо, я не смогла найти крио. Поэтому напоила его своей.

Бедная девушка в шоке замерла и осела на пол. Бутылочка, наполненная свежей кровью, выпала из её рук.

Андрей весело агукал в кроватке. А ведь десять минут назад умирал...

– Ты это специально, да? – безразлично, насколько это было можно, прошипела я. Подобрал и вскрыв крио, я попробовала на кончик языка. Моя догадка подтвердилась.

– Ммм, отменная кровь из холодильника. Но ему ещё рановато для подобной пищи, не правда ли?

Ангуин прижалась к стене, стараясь не смотреть мне в глаза:

– Ты теперь расскажешь всё льринни? Это твоё право...

– Нет. – пожала плечами я, – Мне не жаль тебя, но я не расскажу... потому как ты всё исправишь.

Её затрясло. Она не рыдала, нет. Ангуин непонимающе смотрела на меня, словно пытаюсь понять мои действия.

– Ты кормила его своей кровью? – спросила я достаточно грубо.

Она зажала пальцами мочку уха. Хьорте.

«Нет»

– Ты поставила на карту его жизнь. Ты знала, что именно об этом Старейшины не узнают и не смогут обвинить тебя. Но теперь тебе придётся кормить, как положено. Иначе я действительно могу поведать о твоём проступке.

– Я не хотела его убивать, честно! Я думала, всё обойдётся... Мне просто... страшно, Ульрианна.

Я присела рядом с ней, красивой и такой надменной. Погладила ее по волосам и взяла ее руки в свои.

– Ты гемма, Ангуин. Я же человек. Ты должна быть сильнее. Что с тобой, моя хорошая?

Девушка замолчала, и неожиданно уткнулась в моё плечо.

– Тогда... когда ты танцевала на Эвалоне, я чувствовала... Ту любовь, что текла сквозь танец. И мне так захоте-

лось увидеть Его, моего... Ульрианна, ещё целых двадцать лет я не смогу коснуться его, увидеть, поговорить с ним. Я знаю, я не должна так думать... Это смешно, говорить о времени, когда впереди у тебя вечность. Я должна быть благодарна Рионн. Когда-то её дом дал начало нашему, и моя мама... моя льринни хотела отблагодарить её... Передала меня в кормилицы на время, сейчас очень трудно найти няню. Только она не спросила меня...

– Тебе страшно пускать кровь?

Она коснулась брови:

– Когда я была человеком... мне часто причиняли боль. Это было ужасно. Я действительно пытаюсь накормить Андрея, но не могу – это напоминает мне о прошлом. Я слишком слаба, чтобы забыть об этих кошмарах. Мне сделали все процедуры, чтобы я не боялась, но каждый раз, когда...

– Ты гемма, Ангуин. Тебя воспитала такая же сильная девушка, как и ты сама. Твои запястья не чувствуют боли. Твоя кожа слишком тонка...

Я подошла к кровати. Ещё раз взглянула на сонного Андрея. Сонного, но уж выздоравливающего.

– Обещай мне, что будешь его кормить. Я попрошу Стефана достать тебе вакуумную систему и научить ею пользоваться, это будет не так болезненно и страшно. Ты просто проколешь в нужном месте кожу и наберешь нужное количество крови. Позже, когда Андрей научится понимать и говорить, я научу его, как и Уму. И тогда в тебе не будет нуж-

ды. Ты уедешь раньше срока.

Я развернулась и, зажимая кровоточащую ладонь, печально посмотрела на Ангуин:

– Я никому не скажу. Только и ты будь честна со мной.

Девушка кивнула, а я впервые увидела в ней то, что не хотела раньше видеть. Простую испуганную девочку. Ей всего лишь тридцать лет, не больше.

Вся её спесь и гордость сошла на нет в одночасье. Я забрала крио с собой, и у выхода улыбнулась ей по-матерински:

– Сегодня приступов не будет. Ты можешь подойти к Стефану завтра, ничего не объясняя. Я всё сделаю за тебя.

Уже у выхода Ангуин подбежала ко мне и неожиданно приобняла, уткнувшись в ложбинку между лопатками.

– Я... я очень вам благодарна, Ульрианна! Спасибо вам.

– Рионн ни слова. Я не хочу, чтобы вас лишили ан'нари. – Испуганно ответила я, разжимая ее объятия.

На этом и простились.

***

Прошло около недели. Все радовались выздоровлению малыша, косо поглядывая на меня. Улыбались.

Не знаю подробностей, но чувствовалось – отношение ко мне изменилось. Даже Рионн больше не заводила разговоры со мной об отсутствии приступов у Умы и Тамары. Да, я взялась за вторую, мне попросту надоело видеть, как белеет её

кожа во время конвульсий.

И понимать, насколько ей больно.

Тор пытался узнать мой секрет исподтишка, и между нами был установлен негласный договор, что он разгадает и избавится от приступов сам. Лично. Иначе его самолюбие пострадает ещё больше, нежели физическая оболочка.

Марко тоже наплевал на моё предложение помочь, сказав, что истинному бойцу не к лицу принимать помощь. И притом, боль выковывает характер. На том и порешили.

А что до близнецов, то они также не могли переступить через свою гордость и обратиться за помощью к человеку. Поэтому, относя в прачечную запачканные одежды, они избегали встреч со мной... А раньше демонстративно шли напролом, гордясь своими изменениями.

Дети, что добавить ещё...

Госпожа Рионн радостно наблюдала за моими действиями, иногда намекая о передаче моей секретной техники в дар старейшинам. Но я вежливо отклоняла просьбу:

– Я думаю, что это вас не научить. Равно как и я не могу постигнуть многих тайн Шим’Таа... И одного такого странного, но ужасно полезного человека на материке вам более чем достаточно. – С сарказмом заметила я.

– Ну, Ульрианна, не льстите себе. Вы не единственная, кто живёт среди гемм.

– Ну, хоть и не единственная, но неповторимая – это точно! – гордо заявила я так, что госпожа закашляла от нежиз-

данности. Мы по старой привычке курим поздно вечером кальян и болтаем в её покоях. И я с удивлением подмечаю, как и она начинает по-другому ко мне относиться.

Теплее. Роднее. Доверчивей.

Стефан прав, говоря, что моё присутствие и мой необычный в понимании гемм характер изменяет всех, подстраивает под себя. Эх, старый лис! Помню, как ширрачу Рао по молодости сильно доставалось от Стефана, он признал его как Столп только к сорока годам, называя малолеткой и молоко-сосом.

– Ты что-то хотела спросить вчера, Уль’Яна... – почти правильно выговорила моё имя Рионн.

Хороший знак. Старается.

Всё-таки, мне кажется или Ангуин рассказала что-то льринни?

Или это просто её догадки?

– Да, но мой вопрос носит личный характер... не думаю, что я могу его просто взять и задать.

– Ничего, я приму любой... – мне показалось, или в её голосе промелькнуло кокетство?

Я на секунду задумалась, а потом выпалила, в ожидании здоровой для Рионн реакции – вспылить и ударить не глядя.

– Почему у вас нет ан’нари?

Госпожа второй раз поперхнулась ароматным дымом и, покраснев, уставилась в мозаичный пол. О боги, она действительно густо покраснела! Через минуту молчания она

встрепенулась и совсем по-детски пролепетала:

– А что... Это плохо, да?

И тут же спохватилась, вспоминая, кто в доме хозяин. Дала мне звонкую пощёчину и глубоко затянулась яблочным густым дымом. Я сидела, потирая покрасневшую щёку и посмеиваясь в глубине себя.

Госпожа расслабленно улыбнулась:

– Этого не ожидала. Честно. Я не думала, что твоим разумом владеет такой простой вопрос. Готовилась к чему-то более глубинному и философскому... А ты...

Сажу молча, на красной бархатной подушке, в полумраке комнаты разглядывая витражные стекла. За окном багряный закат, разбитый на радужные осколки. И наверняка, свежий воздух...

– Я слишком привязана к дому... – отрывает меня от созерцания голос Рионн. Я смотрю на неё с удивлением, неужели-таки ответит?

– Я ни к кому не была так привязана, как к аорэ Святославу. Он был для меня всем – и богом, и отцом, и примером... Покинуть его, уйти в другой дом я не могла. И выбирать самой не хотелось. Я хотела полюбить так же, как и он. Нечаянно. – Минутная пауза, словно госпожа обдумывала свои слова. Стоит ли говорить их мне.

– Знаешь, – продолжила робко она. – Он ведь тоже никогда не стремился выбрать ан'нари, не стремился смешать собственную кровь с чужой. Однажды он сказал мне... «Ри-

онн, в моём сердце живы те воспоминания, о которых я порой хочу забыть. Я не смогу лгать самому себе. Когда ты однажды полюбишь, ты поймешь все сама»

– А кого любил ваш отец? – беспечно спросила я.

Рионн грустно усмехнулась:

– Аорэ всегда любил Святейшую... Искренне и безответно.

В горле моём пересохло от волнения, я наверняка покрылась пятнами. Слышать подобное...

– Давай, я тебе кое-что покажу? – заговорщицким тоном произнесла Рионн, отодвигая от себя кальян. Она встала, не дожидаясь ответа, шелестя полупрозрачными одеяниями на манер древних египетских богинь, и проплыла к ширме, разделявшую пространство.

– Смотри! – что-то пискнуло в глубине и в воздухе появилось светящееся пятно, разросшееся через пару секунд до полноценного экрана. Госпожа химичила за ширмой, разбрасывая разноцветные провода. – Это мне оставил аорэ, он хранил это долгие годы, постоянно обновляя, переписывал на более мощные носители. Я никому... чужому это не показывала, а тебе... покажу! Только это секрет.

Всё же в госпоже что-то детское проявляется, она раскрылась для меня абсолютно с другой стороны. Неужели в этом сверхженственном на мой взгляд существе сохранилась толика детской непосредственности?

Экран ещё раз мигнул, подождал, когда Рионн присо-

единится ко мне, и... погрузил меня в абсолютно незнакомый мир.

Он был древним. Ещё не существовало гемм, Империи и Ррипов. Это был яркий многокрасочный и пёстрый мир, словно лоскутное одеяло.

Скорее всего, это была любительская съёмка. Вот молодой Святослав, так сказала Рионн, он и снимает сам себя. Смеется, улыбается. Взъерошенные пшеничные волосы, непривычно-яркие голубые глаза... Бывший глава дома был очень красив в человеческом облики. Ему на вид около тридцати.

Внизу мелькают слова и фразы на гемми, для того, чтобы мы поняли, о чём идёт речь.

«Привет, я сегодня решил запечатлеть для тебя твой же день рождения! Надеюсь, что эта запись будет тебе дорога... Мы решили сделать сюрприз, и потому не звонили целый день. Надеюсь, ты не в обиде. Тебя ещё нет, но мы ждем с нетерпением. Посмотри, все почти собрались, накрыли стол...»

Посреди небольшой, но приятной комнаты накрыт стол, огромный яркий торт. Наверняка красители и много-много синтетического крема. Он вызывает отвращение.

«Вот, это кто? Ну, смотрите в камеру, вашей жене потом стыдно будет за такое поведение!» – голос молодого аорэ Альяринн за кадром, на экране темноволосый красивый мужчина, лицом стоящий к зрителю. Он пытается открыть заранее бутылку с вином, и потому слишком сосредоточен,

чтобы смотреть в камеру.

«Он слишком занят, ну ничего. Потом ему стыдно будет. Эй, помаши рукой!»

В молодом голосе Святослава сквозит обида и грусть. Непонятная для меня.

Тот, которого назвали мужем, пытается запустить в него бутылкой, обзывая неучем, заливисто смеется и просит принести бокалы кого-то. Потом муж смотрит в камеру, голос его дрожит:

«Ты, наверное, обиделась, что я утром молчал и пил кофе. Знала бы ты, с какой тоской я смотрел на тебя и еле сдерживался, чтобы не нарушить нашей маленькой тайны!»

Святослав мелькает в кадре и весело добавляет:

«Детей мы, конечно же, отправили к бабушке. Нечего им смотреть, как взрослые тёти и дяди будут веселиться и вести себя, как маленькие»

В кадре появляются фотографии двух девочек, одна кажется постарше, темноволосая, похожа на того, кого называли мужем. Вторая, светленькая и улыбчивая, машет руками. У её ног огромный медведь. Девочки маленькие, как Ума и Тамара.

Затем камера перемещается и будущий шерн Альяринн представляет каждого, красивые и разные люди читают поздравления, смеются и шутят. Имя именинницы каждый раз отзывается шумом, его невозможно разобрать из-за непонятных помех. Наверняка Святослав затер его так, чтобы

невозможно было даже по артикуляции разобрать по слогам. Но зачем?

Раздается звонок. Все несутся к двери, с фонариками и шарами. Яркие улыбчивые люди. Их так много... Тридцать или больше... Может, мне кажется, что много.

Слезами наполняются глаза, сами по себе превращаются в два бездонных озера. Мне почему-то страшно. Внутри что-то надрывно стонет и начинает кровоточить...

Интуиция меня не подвела.

Камера слегка наклонилась, Святослав протискивался вперед, прося пропустить гениального режиссёра. И как только входная дверь открывается, мир сходит с ума.

Не знаю, что натворил шерн Альяринн с записью, столь древней. Но у меня сложилось ощущение, что пропустил её сквозь себя. Наложил на неё свои воспоминания, эмоции и боль.

Всё начинает замедляться, звучит мелодия... Шары лопаются, бокалы падают из рук.

На лицах у всех замерло непонимание.

«Мы думаем, её похитил тот парень, которого она лечила... От раздвоения личности, кажется»

На пороге не именинница, на пороге люди в какой-то ритуальной сине-зеленой одежде... Пришли из милиции. Так поясняет мне эмоция Святослава.

«Видели, как он затащил её в машину...»

Тот, красивый темноволосый мужчина, в шоке оседает

на пол, заливая пол и себя дорогим вином, размазывая по полу красные дорожки. Он в ужасе смотрит и не верит, правду ли ему говорят или это злая шутка его жены, в отместку на утреннее молчание.

Все смотрят друг на друга, у кого-то начинается истерика.

Адское шапито.

Камера валится на бок, Альяринн бежит к мужчине, пытается приподнять его.

Запись обрывается.

Еле перевожу дух. Смотрю на руки – я их исцарапала. Дурная привычка делать себе неосознанно гадости.

– Что это, Рионн?

– Это последний день рождения Святейшей. Именно тогда она и пропала. А это её друзья, муж и дети на фотографии... Аорэ снимал, не зная, что это будет началом нашей истории. Через три года она вернётся в мир нечеловеком и изменит всё.

Минут пять мы молчим. Вернее, молчу я, пытаюсь перебороть в себе ощущения. Рионн это сделала давно.

– Мне тоже первый раз было больно... Видеть этих людей, знать, чем они дорожили. Аорэ рассказывал, что хотел сохранить эту запись для Неё, показать однажды. Но она всё не шла. Она лишь дважды посетила Шим'Таа за всё это время. Иногда Святослав рассказывал, что она общалась с ним по крови, приходила часто во снах... Она всегда была очень печальна, плакала, словно маленькая девочка.

– Но... я всегда думала, что Святослав не знал её до встречи... Все говорили, что даже он не знал её в лицо.

– Нет, он был давним её другом, которому она могла довериться. Но даже он не помнил её лица. Каждый раз, уходя, она забирала с собой все воспоминания.

– А к тебе она приходила?

Рионн покачала головой и уткнулась в колени подбородком.

– Мне она не являлась. Она уже триста лет никому не являлась. Даже людям... После той африканской резни она скрылась в небытие, обеспечив безопасность своим детям. Это было ее платой за что-то – покинуть нас, – пробормотала Рионн. – Но мне становится страшно, Уль... Улианна. Мне становится действительно страшно. Я слишком еще мала в мире гемм, чтобы отстоять честь Святейшей. Я занимаю место отца в Совете, я выполняю волю Старейшин. Наш дом – Первый Оплот, но я не могу быть такой сильной всегда...

Она робко протянула ко мне руки, приобняла. Я же сидела бездушной статуей. Во мне бушевали океаны, заливая своей мутной водой. Впервые, за все это время, проведенное среди гемм, мне было столь отвратительно и больно. Сознание моё билось в агонии, я прокручивала у себя в памяти лица древних. Лица детей, лишённых матери. Лицо супруга, лишённого жены...

– В последний раз, посещая Империю, я тоже впервые по-

чувствовала собственный ужас. – Видя мою реакцию, рассказывает Рионн. – Я чувствовала, словно гиены они окружают поверженного льва, готовясь к пиршеству. Я читала такое сравнение... Люди наливаются уверенностью, что Святейшей больше нет, и им ничего не грозит. – Госпожа свернула калачиком около.

Всё, что накопилось в ней, прорвало плотину.

– А мы... у нас даже оружия нет. Мы не имеем ничего. Единственное – мы сражаемся врукопашную и владеем холодным оружием. Да, есть психическое оружие, но хватит ли горстки наших Смотрителей на всех? И это всего лишь искусство для нас, мы не сможем убивать. Мы не имеем права и желания на это. А им достаточно пальнуть по нам со спутника, как сделали уже однажды.

Я понимаю страх Рионн. Люди действительно потеряли страх... Если триста лет тебя не держать в узде, из памяти уйдут воспоминания, а вместе с ними и угрозы.

Едва я хотела коснуться госпожи, как она оттолкнула меня и отсела на некоторое расстояние. Минуты две пристально смотрела на меня, будто что-то сосредоточенно обдумывала... Затем на её лице появилась та ледяная решительность, губы исказила ухмылка, в золоте глаз появилась сила.

Рионн было протянула руку, как в дверь ворвался Кайн.

– Мама... – оборвал он нас. – Мне нужно с тобой поговорить... наедине.

Без каких-либо эмоций, сухо и отрывисто. Наследник...

но у меня твёрдо сложилось впечатление, что некоторое время он стоял под дверью и следил.

Или это опять мои проекции?

Всё-таки гемм мне не понять, как не старайся.

Я встала, поклонилась Рионн и наследнику, затем вышла.

Закрыв наглухо дверь.

Пройдя неторопливо несколько метров до лестницы на нижний этаж, я услышала скрип двери. Это Кайн выглянул, посмотрев. Неужели он подумал, что я сижу у двери и подглядываю?

Удивлённо поймав его взгляд, я отвернулась и спустилась вниз, по еле освещённым коридорам. В какую игру вы играете, мои замечательные геммы? Неужели я и здесь что-то упустила из виду, чтобы не понимать ваших действий.

С такими мыслями я и дошла до своих покоев. Чтобы уснуть, забиться в очередном кошмаре и проснуться мокрой серой мышкой. Пропустить через себя ещё раз увиденное и научиться вновь контролировать свои эмоции.

Танец пятый

Целых два дня мне предстояло бездельничать и слоняться по дому. Детей увезли на ритуал очищения, попросту говоря – пришло время сделать прививку. Раз в год в доме старейшин им прививают свежие генетические материалы, с помощью которых геммовирус вырабатывает внутри организма новые соединения. Клеточный заводик по производству всего необходимого.

В доме из знакомых оставались лишь Стефан да несколько гемм, с которыми я перекидывалась иногда парой слов.

Пришло время исследовать поместье шерн Альяринн полностью, хитро улыбнулась я сама себе. За всё время, проведенное здесь, мой маршрут и мой день были прописаны. Собственные покои – покои детей – столовая – святилище – комната Становления – садик – покои Рионн – собственные покои. А ведь поместье огромно, с десятков построек можно насчитать. И пора уж познакомиться с кем-нибудь.

Как я живу без этого? Ничего нового. Никакого интереса внутри. А сейчас я чувствовала себя мышкой-интриганкой. Захотелось проказничать, исследовать. Почему – без понятия, просто проснулась, именно так чувствовала себя я. Не было детей, перед которыми нужно держать себя, скрывать этикетом и уважением.

Наверное, оттого, что не было рядом Рионн, образца ле-

дяной сдержанности. Иногда.

– Йо-хо, я сегодня пиратка! – хищно, на манер гемм, улыбнулась я, слегка приоткрывая клыки. Стефан испуганно уставился на меня и едва не выронил фарфоровую чашу из рук.

– Что с вами, – в неверии уставился он на меня, разглядывая чудаковатый костюм. – Вы повредили глаз? Что же вы стоите, срочно идите на нижние уровни, вам его восстановят!

– Нет, с глазом всё в порядке! Я же сказала, сегодня я разбойница и пиратка! Вы что, никогда не играли? – удивилась я, видя отрицательный жест Стефана. – Ну тогда вы со мной, юнга! Марш одеваться!

Не знаю, что больше повлияло на Стефана принять моё приглашение. Геммы практически не играют, по крайней мере, я так знаю. Дети перенимают базовые знания не через игру, а по крови, поэтому для них необходимость в игре отпадает. С вирусом приходит полная потеря ощущения времени, знаний становится все больше благодаря обучению, и, едва повзрослев, геммы определяются с ан'нари и образом жизни. Профессиональная и семейная ориентация, так сказать. В основном, вся жизнь их проходит в изучении, поиске ответов на вопросы и бесконечно долгом самосовершенствовании. Иногда ради этого гемма может уйти в другой дом, как будет, например, с Тором или Марко, когда им исполнится двадцать один год, их будущим ан'нари просто нужно

будет первыми сделать предложение.

Марко перейдет в шерн Ри, где со временем станет хранителем, мастером ближнего боя и, если повезет и он овладеет ментальными техниками, Следящим – личной охраной Старейшин. Тор же мечтает попасть в самую крупную библиотеку, принадлежащую шерн Тхакур. Он может часами рассказывать о той или иной системе, которую хотел бы устроить в каталоге. И сдувать пылинки с древних страниц – он, как и я, не любит читать с транслятора. Гораздо приятнее держать в руках пусть специально обработанную, но бумагу.

Но я отвлеклась. Ведь сейчас моя главная задача – найти вещи для этого старика, как я привыкла называть повара.

Хотя какой из него старик, только по возрасту. Это моя манера привязывать всё к прожитым годам... Пора вам открыть страшную тайну – Стефан был поджарым мужчиной, довольно симпатичным золотоглазым геммой, на вид около сорока лет. Загорелая смуглая кожа, седой ёршик волос, небольшая щетина. На левой щеке золотой узор, означающее его имя и «профессию», который позволено носить только геммам старше двухста семидесяти лет.

Если бы я была женщиной, я бы растерзала его...

И тут во мне что-то шелкнуло. Вначале меня просто согнуло от дикого хохота пополам. Схватившись за живот, я впервые удивилась себе. Настолько подавить в себе рефлекс...

А потом...

– Меня пугают ваши перепады, Ульрианна... Вы уверены, что не хотите показаться медикам?

– Ничего, все хорошо, вам меня не понять, – утирая слёзы, я смотрела на Стефана и поражалась странной, непонятной волне внутри. Мне хотелось все больше и больше разглядывать. – Вы готовы?

Он пугливо вышел из-за ширмы, куда я отправила его переодеваться, осторожно подошёл к зеркалу.

Ну и парочка, ухмыльнулась я отражению.

На мне были черного цвета шальвары, расшитые так любимыми геммами драконами, длиной по щиколотки. Одну из ряс я обрезала по середину бедра, оторвала горловину и рукава, небрежно подпоясала кожаным ремнем, утащенного с одной из статуй – манекенов, со старинной одеждой во дворе. По-моему, ремню на вид было около восьми сотен лет, хотя это была просто точная копия. Оригинал давно бы развалился...

Несколько браслетов, сандалии и ярко-красная бандана дополнили мой образ. И да, чёрная кожаная повязка на глаз, куда без неё.

Стефан же был похож на смущённого маскарадом повара. Пиратство в крови еще не бушевало, как у меня. Хотя, если не смотреть на лицо, Френсис Дрейк или какой-нибудь отважный капитан из него вышел бы. Я заставила его одеть свои тренировочные, темно-коричневые штаны из плотного хлопка – похожих у него не было, среди его однотипной

одежды (вы просто не поверите, насколько однотипной и однотонной) я нашла каким-то чудом рубашку с красно-золотым узором, настоящая роскошь времен его молодости. И дополнила все кожаным жилетом из гардероба Кайна – его я попросила в прачечной, а не взяла без спроса в его комнате. Пояс из грубой кожи со второго манекена пришёлся кстати, притом, что с ним в паре шли ножны и пара кинжалов.

Наспех слив ему из своих ожерелий из жидкого металла, оставшихся с Эвалона, вульгарную толстую цепь, я подрисовала Стефану бородку и надела для полного счастья шляпу, ради которой мне пришлось спуститься на нижние уровни и уговорить какого-то гемму отпечатать ее с одной из старинных картин в архиве. Взамен я обещала вернуться и объяснить, для чего она мне так срочно.

– Ну, мы готовы!

Повар немного оттаял, появился несколько детский задор.

– А повязка мне... на глаз?

Я удивлённо уставилась на него левым глазом, приоткрыла второй:

– Ну уж нет, подслеповатой меня хватит одной...

Но, видя его поджатые губы, я добавила:

– Будем носить её по очереди, хорошо?

Так дом Рионн был разбужен нашими криками «йо-хо-хо», на ходу придуманными и заученными песнями про бутылки рома, сундук мертвецов и прочую пиратскую атрибутику.

Стефан под конец разошёлся, пугая всех домашних криками «жизнь или кошелёк» так, что даже самые спокойные геммы, занимающиеся своими открытиями и делами, из любопытства начали задавать вопросы, чаще всего касающиеся нашего психического здоровья. Они так же принадлежали шерн Альяринн, и были вписаны в семейный реестр. Я удивленно разглядывала их лица, впервые видя большинство из них. Геммы кланялись в ответ, спрашивали нас про «Пиратшссотво», именно так они выговаривали непонятное слово.

Пиратство.

Рионн и дети обещались приехать ближе к вечеру завтрашнего дня, поэтому я отдала все свои силы на презентацию самой идеи. И уже после нелегких раздумий присоединились ещё четверо. Мы договорились через часа полтора встретиться у фонтана. Первыми подошли два генетика-близнеца с нижних уровней, Януш и Шоан, похожие как две капли воды. Единственное, что отличало их теперь – это одежда.

– Как вы добились такой схожести во внешности... должны же быть отличия?! – удивлялась я, а Януш (тот, что в только что отпечатанной на лазерате матроске) улыбнулся в ответ:

– Дело в том, что мы с братом изучаем влияние среды на организм. И для того, чтобы быстрее получить нужные результаты, мы объединили свой генетический материал. Те-

перь – мы абсолютно точные копии друг друга.

Я хмыкнула что-то неразборчивое в ответ, напялила на Шоана раздобытую где-то треуголку и подмигнула.

– Играть?!

Они одновременно кивнули, забавные столетние мальчишки. На вид им было около двадцати пяти лет, симпатичные хищники с золотыми глазами и густой копной волос расплавленного мёда по лопатки. А ещё я заметила родинку около левого уха. У обоих.

Третьей в нашей команде была Лисия, их помощница по лаборатории и верная ан'нари. Она мило копошилась среди обилия контейнеров и проб еще во время разговора на нижнем уровне, когда я объясняла суть этого намечающегося безумия, и якобы не обращаясь на нас внимания. А потом топнула ножкой, видя, что никто из нас не зовёт её с собой. Грозно так посмотрела на обоих мужей и пошла к себе переодеваться.

– Ну, играть с этой женщиной как-то не интересно! – начал было противиться Януш, но я зашипела как гемма в ответ и он быстро поправил. – Вы не в счёт!

Я зашипела еще грознее.

– Это ваша идея, – замялся он, пытаясь исправить ситуацию.

Шоан похлопал брата по плечу:

– А помнишь, как ты в детстве на свалке бегал, упрашивал взять Лисию в команду. Она была твоим лучшим другом!

– Сам ты... перед старейшинами кто рубаху рвал, умоляя её взять тоже с собой. Всех ведь на уши поднял, чтобы на-шли...

Поняв, рассказал слишком личное, Януш улыбнулся мне виновато:

– Нас многое связывает... Вы уж извините, иногда...

– Я всё понимаю, этого никогда не отнять. – Покачала я головой в ответ. – И не забыть...

Лисия подошла к нам, когда братья уже напечатали на одном из своих устройств одежду по моим быстрым наброскам. Довольная, раскрасневшаяся гемма; глаза ее блестели в предвкушении, рыжие волосы заплетены в несколько кос, украсив их небрежно слитыми из жидкого металла черепами. Вместо белой медицинской одежды на коротенькие чёрные бриджи было надето укороченное по максимуму алое платье с небольшим шлейфом. Настоящая пиратка, подмигнула я ей!

Лисия, разумеется, моё подмигивание не поняла – жест, не распространённый на просторах Шим'Таа. С этими геммами в плане жестов вообще все сложно – со временем их заменял геммове – полутона и тона слов, наподобие древнего китайского, а так обычные «хьорте» и «миоррэ», которые я находила лично громоздкими. Гордо поджав губы, она скользнула мимо меня и встала между мужьями.

– Как в старые времена? Мы так давно не играли с кем-то еще.

Близнецы улыбнулись, приобняли её одновременно, и в голос обратились ко мне:

– Ну, что, играть?

Я посмотрела на всех довольноно:

– Нет, к нам должен подойти ещё один пират... Стефан пообещал привести кого-то. Давайте подождём еще немного.

Мы продолжили беседу, болтая обо всём, что придёт в голову. Странно, но я всё больше убеждалась, что внутри геммы – совершенные дети.

Я стояла к входу в парк спиной, поэтому не сразу поняла восхищённо – удивлённые взгляды генетиков. Когда я обернулась, то и мне пришлось стоять минуты две с распахнутым ртом.

Стефан всё-таки дипломат, причём талантливый. Иначе как я могу объяснить, что этот «старичок» привёл вместо одного аж пятнадцать пиратов?!

Разношёрстная команда стояла, смущённо глядя в пол. Кто-то исподлобья рассматривал нас и уже на ум прикидывал, что же ему не хватает в собственном наряде.

– Стефаааан, – протянула я довольноно.

Седовласый повар мне улыбнулся, я заметила, что в его ухе блестит огромная серьга. У кого-то выпросил.

– Что я? Я просто распугал всех, пока шёл. Пришлось объяснять.

По толпе прокатился смех.

– Что же, не будем терять времени, моя верная коман-

да!!! – гаркнула, что есть силы, я. И уже тихо добавила. – Подождите меня минут пять, разделитесь пока на команды. Хорошо?

Я вернулась к себе в покои, на предельной скорости, чтобы не задерживать остальных. Внутри меня растекалось что-то нервное, взбудораженное, довольное. Целых двадцать пиратов, включая меня! Не ожидала я, что так будет.

Достав чистый пергамент, найденный мной среди книг и выпрошенный как-то у Рионн, я наспех перерисовала карту поместья. Сделала дубликат той, что заложила ещё утром за ремень.

Думаете, я бездумно подошла к игре с самого начала? Чёрта с два!

Перед тем, как уговорить Стефана, я достала сундучок, запихала в него гору сладостей, выкрал их с кухни, и зарыла в условном месте. Как чувствовала, что нас будет так много – еле донесла его, довольная.

А потом разбросала – запрятала кучу обрывков, подсказок и путаниц, потратив час на записи и выдумки. Для того, чтобы добраться до клада, и нужна была карта для второй команды. На нее планировалось наносить маршрут самому капитану.

Геммы весело болтали, яркие бабочки. Я всё же удивилась тому, как они выглядели в пиратских одеяниях, необычно и непривычно для меня. Стефан и близнецы учили остальных всяким ругательствам и песням.

– Йо-хо-хо! Три тысячи чертей вам в пасть! И чтоб порвало, – повар явно уже вошёл в образ.

– Стефан, разве так можно? – испугала я его, вынырнув из-за спины. Он ухмыльнулся и лишь добавил:

– Настоящий пират не боится крепких... эээ... фраз! Если у вас слишком нежные ушки, можете остаться на суше. И нас уже двадцать один пират вместе с вами! Вы не поверите, но к нам подошёл Серафим.

Он указал мне на самого «пожилого» из гемм. Серафим, насколько я знаю, был сверстником Стефана, его лицо было так же украшено древними рунами.

Серафим был нашим архивариусом. А также кумиром Тора, поэтому я знала про него всё. Даже про его нелюбовь к странным затеям. Поэтому сначала даже не поверила. Но вот он, самый очаровательный из гемм, перешедший в достаточно зрелом возрасте в шерн Альяринн за своей ан'нари. Тор говорил, что его тетя Руфь, младшая сестра Рионн, безумно долго добивалась Серафима, который был в три раза старше ее, и уговорила лишь на жестких условиях – новая библиотека и должность главного архивариуса. Но оно того стоило.

Я вежливо улыбнулась ему и обратилась ко всем:

– Это здорово! Так как наша игра подразумевает поиск сокровищ, я буду следить за вами «призраком капитана Феникса», а вы уже давайте, расходитесь по командам!

Я думала, они ещё не успели, поднимется шум и гам, и они

будут вести себя как малые дети, но прогадала. Они просто молча разошлись по сторонам, сделав уже выбор заранее.

– Они хоть шумели до моего прихода? – шёпотом спросила я у Стефана в надежде.

Он коснулся брови.

– Ну не будут же они при вас... Мы же в первую очередь геммы, не забывайте.

Я пиратски хищно улыбнулась своим щербатыми зубками, втянула картинно и шумно воздух и начала рассказ о древнем пирате, сокровищах и картах, утерянных со временем. Геммы восторженно слушали меня, а я кружила вокруг фонтана, придумывая историю на ходу.

– И вот, пришло время найти сундук с проклятым золотом! Говорят, чтобы найти его, необходимо преодолеть трудный путь, полный лишений. Вы готовы?

– Да, капитан Феникс! – во всё горло прокричали они. У первой команды главным был Стефан, у второй Серафим. По старшинству.

Я отдала им карты и минут пять всеобщего веселья пришлось на разглядывание карты.

– Вы прекрасный топограф. Это идеальные карты, – польстил мне архивариус, теперь уже капитан Серый Одноног. Думает, я куплюсь на лесть и сдамся на милость его команде. Ага, сейчас!

А ноги у него было две, обе здоровые. Но по сюжету ему хотелось быть непременно одноногим, поэтому левую обя-

зали коричневой тряпкой и нацепили датчики голограммы под деревянный протез – достоверно так получилось. Имя, на мой взгляд, звучало нелепо, но на гемми шипело более чем угрожающе. Притом, что на плечо он взгромоздил вторую пластину с голограммой какой-то хищной птицы. Не поугай, но гораздо внушительней. Причём, цитировала птица не что попало, а целые отрывки из классики в тему происходящего.

Стефан же оказался эстетом, поэтому превратился в Джека Серебристого Дракона.

– А что, я капитан. Я и выбираю, – заявил он, видя наше всеобщее веселье.

– Хорошо, хорошо... Пусть будет так. – Успокоила я его. – Пора начать веселье!

***

Это было что-то! Я поняла, что давно так не веселилась. Мы радужной ватагой носились по огромному саду дома Альяринн. Противники подначивали друг друга, пели всяческие дразнилки, сочинённые на ходу. Иногда я пела собственные матерные, но никто их не понимал, пока я не переводила их на гемми.

Особенно доставалось Серебристому Дракону.

Стефан радостно улыбался, выслушивая их, а особо замысловатые записывал себе на память.

Геммы пытались выиграть. Я же следила за ходом, постоянно их путая и направляя по ложному следу. Когда их терпение лопнуло, они перестали меня слушать.

А что я? Я же призрак пирата Феникса! Мне положено поселиться над смертными (хотя на деле все наоборот, смертная как раз я). Перестали слушать – ведем вас в правильном направлении... Естественно, они шли в обратном.

Сами дураки!

– Ну ладно, пять записок мы уже нашли, сообщая.

– У нас больше! – Заявил гордо Серафим, вернее, Серый Одноног. Довольно размахивая кусочками подсказок, приклеенных к пергаменту, он подошёл ко мне.

– А как мы будем искать сам клад? И кому он достанется? – спросил меня он.

– Я ещё не придумаю... я всё-таки призрак! И будущее видеть вам не дано! – заговорщицки прошептала я. И тут же переключилась на близнецов:

– Януш, ну, прекрати уже! Вы уже раз десять дуэль устраиваете! Дома также за Лисию воюете?

По воле жребия Януш попал в команду Однонога, а Шоан с Лисией перешли к Дракону. Кажется, подобное положение вещей их не устраивало, и они всячески подначивали друг друга перейти на сторону другого. Но Януш был слишком горд и верен своему капитану, поэтому искал любой способ заключить пари с братом и выбить у него супругу в свой отряд. Несколько раз у него это получалось, но Шоан всегда

возвращал её обратно.

И вот, сейчас всё началось заново. Минуты две они будут перетягивать подругу как канат, затем кружить петухами, вызывая на бой Миоррэ, а потом минут пятнадцать месить друг друга, пока победителю не достанется главный приз.

Но, заметив румянец на щеках и любовь в золотых глазах Лисии, я замолчала. Это их игра, тонкая и настолько романтическая, что я, кусок камня, не могла распознать этого сразу.

Сделав шаг в сторону, я замолчала. Мне было почему-то стыдно и больно. В груди что-то надрывно дрожало, страшно и непонятно. Так, что не могла дышать. На глазах выступили слезы.

Неужели...

«Наша новая игрушка спит...»

В висках стучит, я не могу пошевелиться.

«Пробудись, тварь. Придётся...»

Живот заныл, словно в него ударили ногой.

«Сдохла что ли? Я сейчас тебе...»

Мир взорвался. Задыхаясь, я попятилась назад, тихо, чтобы не привлечь к моему состоянию гемм. Они весело галдели и ползали по деревьям как обезьянки. Я же еле стояла на ногах.

«Милая, всё хорошо!»

Чужой голос проник в сознание, я ощутила тепло и объятие рук. Таких сильных и родных...

– Стефан! – я ошарашено поняла, что это он. Стоит

за спиной и поддерживает меня, прижимая к себе. Пыталась вырваться, но мой капитан ещё крепче прижал к себе и что-то совершенно невинно прошептал на ухо.

Я не разобрала слов, лишь обжигающее тепло его дыхания заставило биться сердце сильнее. Воздух лавиной захлестнул меня, до боли в горле.

– ...видел, тебе плохо? – еле успела услышать я, и кивнула в ответ головой. Потом вспомнила, что человеческие жесты он не поймёт и зашипела на гарами. Да.

– Что, что произошло? Я видел, как ты побледнела.

Я прижалась к нему сильнее, зарываясь под тяжестью рук.

– Воспоминания терзают меня, Стефан. Я думала, что всё забыто... а они живее всех живых!

– Я понимаю тебя. Что-то ужасное?

Я молча кивнула. Он тут же опомнился и перешел на вы:

– Позвольте спросить... я давно хотел это узнать. Сколько вам лет?

Я оттолкнула его, с трудом выбравшись из плена его рук. Все-таки я была когда-то любимой и объятия мужчины знала совершенно с другой стороны.

Что до Стефана, он даже и не понял своей роли. Далекий от моего мира, теперь уже осознанно красивый гемма. Для него это было лишь жестом помощи. Для меня же мир слился воедино, впервые за всё это время я почувствовала внутри себя тепло, желание. Губы горели, на глазах поволока. Еле удержалась, чтобы не поцеловать его, словно несдержанная

нимфетка. Дикое желание бушевало во мне. Я напоминала себе героиню из старых любовных романов моей матери, которые таскала у неё и с придыханием читала.

– Мне тридцать два года, Стефан. Я достаточно... – я не закончила фразу, видя его удивление в глазах.

– Вы хорошо выглядите для...

– ...человека? – ухмыльнулась я. – Что же, спасибо... Мне было двадцать два года, когда я появилась в Шим'Таа. И тогда я была не в лучшем состоянии – меня лечили достаточно долго по меркам гемм... Но... Вас ждёт команда. Простите мне мою грубость, но сейчас я не Ульрианна, а призрак капитана Феникса! И награда выскользнет у вас из рук, если вы не поторопитесь.

К нему несли со всех ног геммы, размахивая шестой под-сказкой.

– У нас поровну теперь! – Кричали они. – Ну, госпожа Ульрианна, вы нас удивили. Мы с трудом забрались наверх за запиской. Отдаем должное вашей силе.

Я засмеялась. Они нашли его в гнезде, а я всего лишь подманила птицу и приклеила к корму для неё пергамент. Выделанную старинную кожу клевать она не стала и бросила среди битой скорлупы.

Поклонившись геммам, я направила их на следующий, ложный след. Мы играли уже несколько часов, а они всё не уставали. Словно отыгрывались за всё своё детство, боясь упустить что-то из виду, не насытятся. Я ощущала ино-

гда себя воспитательницей детского сада, разбирая малышню, а ведь им всем за первый предел давно, прожили свою сотню.

Вечер наступил незаметно. К этому моменту я пустила всё на самотёк, попросив вывести мне самую большую гравитационную «ладью», похожую на ту, что была у меня на Эвалон. Пока мои «детишки» пели песни, переругивались и искали куски пергамента, я смастерила из ладьи пиратский корабль. Скоро под чёрным флагом мы отправимся к сокровищам...

– Мы немного устали! И есть хотим! – заявил от лица команд Серый Одноног, разглядывая «Феникс», так назвала я судно. – Может, привал?

Устали?! Геммы?! Вот кто устал, так это я. Они меня просто вымотали, гады.

Думала, разбредутся кто куда на время, у каждого свои привычки приема пищи, даже целый ритуал. Но опять ошиблась. Всё-таки гемм мне порой не понять... Они развели костёр, притащили пару парящих плит для готовки, достали припасы и сели вокруг, греясь и смеясь, вспоминая день. У нас было найдено восемь кусочков пергамента, впереди ещё четыре.

Я отошла за прутиками для будущего шашлыка чуть поодаль и смутилась тишине. Геммы о чём-то шептались у костра. Золотые глаза странно блестели, отражая красное пламя. Что-то они задумали, подумала я, и подошла ближе.

– Мы вам очень благодарны, вы подарили нам незабываемый день. – Серафим взял на себя право высказать об общих чувствах. – Даже я ощутил себя ребенком заново. Вы снова напомнили нам о том, что даже у гемм было детство, Ульрианна. Теперь мы полностью одобрили выбор нашей льринни.

Он опустился на одно колено и поцеловал моё запястье. На глаза набежали слёзы и не только у меня. Я чувствовала их тепло, их радость. Их запрятанное в глубине детство.

Я опустилась рядом с архивариусом и попросила встать.

– Это вам всем спасибо! И... Стефану! – я пыталась не смотреть на него, но не удержалась. В груди опять что-то кольнуло. Ах, эти любовные романы. Меня же тошнило от них, эти наивные сказки про любовь.

Наступила ночь, мы поддерживали костёр, пили вкуснейшее вино, и рассказывали байки и страшные истории. Стефан приготовил мне мясо, всё-таки замечательный повар он или нет? Правда, все вокруг собрались, зажав носы и обсуждая мою варварскую натуру так, что даже есть расхотелось.

Стефан же не чувствовал мой гормональный сбой и не понимал, почему он не может сесть рядом со мной за общим столом.

Сказать напрямую, что от него кружится голова, я не могла. Это слишком, впутывать его в собственную игру с памятью.

– Я вас обидел чем-то? – наивно полагал Стефан, уплетая кайер напротив.

Я покачала головой и переключилась на остальных, задав очередной глупый вопрос:

– А где вы обычно обедаете? Я никогда и большинства из вас не видела... Даже в доме.

Серафим встал с бокалом вина, поклонился и ответил за всех. Опять-таки по старшинству.

– Видите ли, вы живёте в основном доме. В центральных покоях, где нет возможности большинству заниматься тем, что они любят. Единственно, нижние уровни для генетиков... Мы же проживаем в своих зданиях, они разбросаны по всей площади поместья. И в каждом имеется своя кухня. С основным домом наши связаны сетью переходов и тоннелей. Даже здесь в саду, под нами проходят они.

Я поблагодарила за ответ, попутно поражаясь собственной усталости и забывчивости. В отличие от гемм, всегда всё помнивших, различные мелочи были разбросаны по всему сознанию и накрывались новыми. Огромный бардак в моей голове. Но ничего, моё внимание к ним только укрепит отношение... Главное, что Стефан Серебристый Дракон понял, что вопросы задавать мне сегодня безнадежно. Поэтому он переключил все внимание на себя, рассказывая, как однажды я накормила всю семью испорченным детьми супом.

Дружно решили оставить поиски на утро. Спать в дом мы не пошли, а разбили лагерь у костра. Ночь выдалась тёплой, я нежилась на мягкой перине, которую расстелила на достаточном отдалении от них, сквозь сон слушая обрывки разго-

воров. Мои пираты продолжали шутить и балагурить, подначивая капитанов. Кто-то уже засыпал, в нескольких метрах от меня клубком свернулись близнецы с Лисией посередине. Трогательные дети, они приобняли супругу, что-то нашёптывая ей на ухо. Я, смущённая увиденным, забралась с головой под одеяло, но краем глаза продолжала наблюдать за ними. Мне было стыдно, но оторвать глаз я не могла, как не старалась.

Адамы и Ева, не познавшие плоды познания. Они касались друг друга с беззаветной нежностью и заботой, в их жестах не было ничего такого, что можно было бы выдать за желание. Ни капли эротизма, ничего того, чтобы назвать это...

Единое существо, засыпавшее в гармонии с миром. На троих одно сердце, одна душа, одна кровь. Одно дыхание.

Я улыбнулась им и заснула в полном спокойствии с собственным изуродованным внутренним миром.

***

Белые стены. Чистые стерильные стены.

Тусклая лампочка постоянно мигает от перепадов напряжения. Ни запахов, ни криков, я словно в каменной утробе матери. Воспоминания вокруг меня, сплетенные из моей и чужой памяти. Сны – они такие, никогда не разберешь, что и как... Это поутру я пойму, разложу его на составляющие, если не забуду, а пока я здесь.

Я – часть их.

Нелогичная, хрупкая и ненужная.

Замерла, прислоняясь к стене. Прислушалась к тишине. Нет, никто не шёл, не кричал мне про кукол и боль. Слегка привсталала, словно животное, не чувствуя мыслей. Единственное желание – убежать. Убежать куда глаза глядят.

У меня во сне длинные пряди волос, грязные и спутанные. Сильно зажмурившись, я коснулась пальцами лба. Он был сырым, весь в испарине. Я что-то стала писать на нём, проваливаясь за пальцем в глубину. Яркая вспышка и я оказываюсь в другом месте.

Просторная комната, на фоне распахнутого солнечного окна стоит ОН, моя тайна, мой сон и проклятье. Словно герой из древнего фильма, который мы так обожали и пересматривали раз за разом...

– Ты снова пришёл?

Я чувствую, как его губы шепчут. Да.

– Зачем? Я давно стёрла тебя, помнишь...

Может, закажем еду на дом, и проваляемся весь день?

– Я не хочу. Я уже не могу... Это самая большая боль, которую ты можешь причинить мне. Уходи.

Я тебя люблю.

– Я тоже... – падаю на колени, замирая от его слов. Протягиваю ему руки и хочу подползи, прижаться. – Почему ты оставил меня? Почему ты ушёл от меня?!

Я тебя люблю.

– Я скучаю по тебе... Очень! – слёзы растеклись по лицу багровыми лужицами, я похожа на древнюю маску, расписанную устрашающими письменами.

Я люблю...

– Я не вижу твоего лица! Прошло столько лет, что я забываю его... Какого цвета твои волосы? Твои глаза? Твое дыхание? – ползу к нему на коленях, не спеша, чтобы не спугнуть. А он и не уходит. Я карабкаюсь по нему вверх, а он становится деревом, вырастает до небес, масками расплзается и моё, и его лицо по корке серебристого ствола.

Лишь тёплое дыхание воздуха остается мне наутро.

В непонимании я просыпаюсь. Нет, еще ночь. Глубокая ночь, на небе расцвели созвездия и сияют, как и прежде. Нетленные, слепые звезды.

Я пытаюсь повернуться, но не могу. Меня крепко оплетают чьи-то руки, и на какое-то мгновение я вытягиваюсь как кошка, что-то мурлыча спросонья. Сильнее зарываюсь в объятия и...

Начинаю думать. Я засыпала одна. Это факт.

Я расположилась на приличном расстоянии, оставив взамен себя геммам просьбу не нарушать мой покой. Так что представить себя в свалке спящих гемм не могла.

В испуге открыла глаза.

– Ты... Что ты здесь делаешь?

Стефан крепко спал, его и пушкой не разбудить... Мой старый повар, которого я вечно подначивала и так часто

спорила, мирно спал, обнимая меня. Наверняка, я плакала во сне, а сердобольные геммы отправили меня успокаивать.

Любовные истории отступили от меня, кошмары тоже. Я просто замолчала. Ни одной мысли, ни одной эмоции. За десять лет, проведенных на Шим’Таа, это был первый раз, когда я спала в объятиях.

Но не в первый раз после утраты Тебя.

Я ухмыльнулась, глядя на спящего Серебристого Дракона. Повернулась к нему лицом, задумчиво провела по седой щетине, вдохнула запах. Всё равно он спит, а мне это так необходимо... Особенно после очередного явления кошмаров.

Знаешь ли, ты, сколько тайн сокрыто в глубине меня. Сколько боли и выплаканных слез? Я – одна сплошная тайна, покрытая налётом шипящих геммов и золота. Даже себе я боюсь признаться, вспомнить прошлое. Чудесная техника медитации подарила мне забвение и покой в реальности, но сны всё также нагоняют меня, раз от раза.

И никуда от них не сбежать. От себя не сбежишь.

Стефан сквозь сон приоткрыл глаза и тут же уснул заново, улыбнувшись. Я же, зачарованная, не пыталась подавить в себе бушующие гормоны, свыкнувшись с мыслью, что порой стоит пойти на уступки самой себе. Всё-таки моё тело живое, я не отлита из металла. Во мне есть чувства, есть привычки, пусть и забытые.

И осторожно, чтобы не спугнуть свою смелость, поцеловала его сухие губы.

Единственное касание успокоило во мне поющих птиц любовных романов, меня снова залило океаном спокойствия и тишины.

Спасибо.

Спасибо тебе, Стефан.

Он что-то прошипел сквозь сновидения, поцеловал меня неловко в лоб и уткнулся подбородком.

Утром выпала роса, но аура одного из «пиратов» рассеялась над нами и прохладная влага не коснулась кожи. Интересно было наблюдать над собой радужное прозрачное поле и искрящиеся капли росы сквозь него. Я пыталась коснуться их пальцами, но не могла. Что-то мешало это сделать, наверняка, нежелание владельца ауры.

Я мурлыкнула и повернулась на бок. И с каким-то неудовольствием обнаружила, что одинока.

Приподнялась, глазами ища его. Вот, стоит, улыбается. Готовит что-то всему отряду вместе с помощницами.

Помощницами?!

Всплеск ревности меня ошаршил, я тотчас проснулась и внутри себя прочитала такую мораль, что слегка покраснели щёки.

Человек.

Всё в этом слове сливается, объясняя, но не оправдывая моего поведения.

– Вы проснулись? – шипит ласково около девушка-гемма,

сверля меня золотистыми буравчиками глаз.

Я кивнула, вылезая из перин, осторожно, чтобы не задеть ауру. Радужная плёнка сгустилась и быстро стянула всю влагу в одно место. Поток холодной жидкости потёк наземь около меня так, что я смогла умыться.

Девушка протянула мне полотенце. Я узнала её, это Вира. Вчера она лазила на дерево и слегка подвернула ногу.

– Тебе не больно? – спросила я про ногу. Она улыбнулась и приняв полотенце обратно, поклонилась:

– Нет, мне её залечили ещё вчера. Всё хорошо. Спасибо.

Позавтракав и помолившись, мы шумно поспорили на счёт того, где могут скрываться ещё записки. Геммы гадали, но понять мою логику не могли. Я нарочно запутала узор так, что сама порой забывала.

– И не надо щекотать моё сознание, всё равно не узнаете! – хихикнула глупо я, пытаясь отбиться от ментальных шупалец. – Вы уже и на выпытывание согласны?

Они дружно покрутили головой. Забавные, переняли мою человеческую привычку. Я взяла последнюю найденную вчера подсказку:

– Средь моря затерялась чайка. На дно упала и уснула. В её когтях – обрывок света. Включите логику простую... Ну! Где у нас зеркальное море или подобие океана?

В парке, ухоженном и просторном, опять неслись во весь опор пираты. Я еле поспевала за ними, к небольшому озеру в глубине. Прозрачному и такому одинокому. Я как-то слу-

чайно обнаружила его и на ходу придумала тайник. А ещё посидела у его лазурной воды, глядя на своё отражение.

Пока геммы пытались отыскать «чайку», я решила прогуляться вокруг озера. Глядя на их попытки, я только посмеивалась про себя. Как всё-таки весело! В итоге решила немного помочь:

– Включите воображение! Повалитесь на траве, подумайте... Посмотрите в небо.

– Вы опять нас обманете! Призракам вообще нельзя верить!

Я только махнула рукой. Но один за другим геммы улеглись на траву, пытаясь понять мою подсказку. Серафим задумчиво водил в воздухе рукой, что я увлеклась следить за его движениями и... запнулась. Под моими ногами выпирала небольшая стальная трубка. Она шла под землей, иногда выходя на поверхность и уводила в сторону.

– Вот она! Чайка! Смотрите! – закричал Серый Одноног, а его голограмма на плече взлетела и стала кружить среди ветвей над озером. Если приглядеться, сходящиеся кроны над водой были похожи на контур летящей птицы, к одной из ветвей которой был привязан кусочек, поблескивающий изредка на солнце... Именно эту чайку я разглядела в зеркале водной глади.

Команда Однонога вырвалась вперед. А я заинтересовалась трубой.

Видимо, это была вентиляция подземных переходов, о ко-

торых мне рассказали.

– Ну и загадки... С каждым разом вы всё больше нас запутываете. – Прервал мои мысли кто-то из пиратов.

– В этом и есть соль игры. Если бы всё было так просто, разве было бы так весело?

Оставшиеся три мы нашли где-то за час. За следующий обрывок геммам пришлось выбрать от каждой команды бойца и, конечно же, ими стали близнецы. Во-первых, на кону снова была Лисия, переходящее знамя. И во-вторых, подсказка, которая их мало интересовала. Я сначала возмутилась, почему это они, пора и другим проявить себя. На что Януш мне возразил:

– Это эксперимент. Самый настоящий эксперимент. Мы схожи полностью и нам интересно, кто победит...

– Не наопределялись еще? – Махнув рукой, я очертила вокруг них круг. Вира мне помогла, сделав его сияющим алым пламенем. Красивая иллюзия.

– Хаджимэ! – вырвалось у меня. Геммы удивлённо замерли, а я добавила. – Это на древнем языке означает «начинайте»!

В круге началась пляска. Идея такой дуэли заключалась в том, что черту нельзя было пересечь. Виртуальное пламя погаснет и появится вновь, став цветом победителя. У Януша был фиолетовый, Шоан выбрал белый. Круг был достаточных размеров, чтобы в нём можно было развернуться и наносить удары, не боясь коснуться огня.

Их танец был очень красив и в то же время смертельно опасен. Близнецы мелькали, и лишь по одежде я понимала, кто есть кто. Грациозные, отточенные движения. Беспощадные и в то же время наполненные заботой о противнике. Иногда борцы поддерживали друг друга, не давая задеть огонь, на что остальные геммы одобрительно хлопали – аплодисментам, слава Богам, учить не пришлось. Борьба должна отражать внутренний мир каждого. Силу и мощь духа. Быстроту движений.

Два живых клинка, отточенных и острых. Безнадёжно подаренных битве. Такими я видела их в первый раз.

Я не разбирала, кто есть кто. Порой мне казалось, что это один и тот же гемма перемещается со скоростью, пытаюсь вытолкнуть самого себя за черту. Сальто, прогиб, удар. Они не жалели друг друга, наносили удары мощные и страшные, что попади они хоть раз в цель – противник упал. Их искусство ближнего боя полностью отличалось от моего.

– Когда Святейшая покинула нас, через сто лет мы отчаялись надеяться, что когда-нибудь она вернется... Кто-то даже говорил, что она погибла, и ее тело покоится в стеклянном саркофаге во дворце Императора. Действительно, слухи ходили разные. Это были очень трудные времена, – Серафим подошел ко мне, видя мое любопытство. – Тогда появился Он. Тот, кто привез на нашу землю это искусство боя – «капоэйра». И он не был человеком, он был геммой... Сама Святейшая выбрала его и обратила, назвав Резеру. Бла-

годаря ему мы обрели уверенность в себе, собственной силе. Януш и Шоан некоторое время обучались в Доме шерн Резеру, и даже немного учились у аорэ. Рассказывают, что он принимает экзамен, привязав к ногам противника ножи. Если они нанесут ему хотя бы одну царапину, то покидают его. Близнецы пытались добиться этого пятнадцать лет.

Я слушаю, не отрываясь от боя... и вот, в один из моментов упоения Шоан сделал сальто, желая обхитрить соперника, но идеальной хитрости не бывает. Януш распознал его рисунок удара, и сделал небольшой шаг в сторону. Встречный удар и... круг осветило белой полосой.

– Йо-хо! – ликовал Серый, показывая Стефану язык (как архивариус, Серафим разбирался в человеческих жестах лучше всех.) – Наша взяла!

Януш же весело схватился за ухо, довольно улыбаясь. Нет, не взяла.

Только через минуту я поняла жест. Хитрецы!

Утром, когда все спали, они переоделись и теперь дурили всех. На нашей палубе два шута!

– И как теперь понимать? Чья подсказка? – в непонимании смотрели на меня геммы. Я взяла на себя право рассудить.

– Несмотря на переодевание, Шоан выиграл бой. Именно он нанёс удар. Остальное не важно, он в команде. А шансы у обоих были равны.

Команда Стефана ликовала, кто-то даже выхватил перга-

мент у Серого.

– Но они провинились. Они решили обыграть, но сами же и выдали себя. Предлагаю их проучить! А заодно восстановить справедливость.

Все замерли в непонимании.

– У вас три минуты, чтобы сбежать от нас, мальчики. Потом мы вас догоняем и расписываем всяческими словами! Кому что придёт в голову... А кого первым догоним, команде выдам местонахождение фрагмента. Устраивает?!

Хищники дёрнули носиками.

Готовы.

После салок и вымарывания близнецов в клею и перях (откуда только взялось!), криков и визгов мы наконец-то отыскали все фрагменты. Их было поровну. Что у команды Серого Однонога, что у команды Серебристого Дракона.

Общим решением мы расположили их в единую новую карту, превратив противников в друзей. И в полном составе взобрались на «Феникс», рассекая зеленую траву. Мы плыли, весело крича и галдя.

Я счастливо смотрела на моих детей. Столетних прекрасных существ, наивных и таких совершенных... Их золотые глаза лучились ярче полуденного солнца, пестрые одежды развевались на ветру, волосы развевались на ветру. Что может быть чудеснее вас, мои дорогие?

Как бы я хотела быть такой...

– Сокровища! – кричали они, радостно тиская друг друга,

непривычно закусывая губы. – Йо-хо-хо! иИИ буштыыыыр-коооо шроооомаааааа! Шундуууук мерчфееещооов!

Песни на древнем языке империи им явно удавались!

После некоторых раскопок мы вытащили сундук. Старый, он весь трещал и едва не разваливался. Но был крепко-накрепко заперт. А ключ блестел на моём ремне... Что не преминули заметить мои пираты...

Я понимаю, что испытывает жертва, скрывающаяся от охотников. Я была испуганным зайцем, несущимся через лес от двадцати разъярённых лис. С глупой, едва ли не дебильной улыбкой, я неслась сквозь лес от их хищных зубок. Расцарапала лицо ветками, но пряталась, закрывая свою ауру от их взора и снова бежала. Пару раз они меня настигали под общий гогот, но мне удавалось обмануть их.

А потом я провалилась в яму.

Видимо, дёрн над туннелем просыпался сквозь непонятное отверстие и я соскользнула туда, распаренная бегом. Было темно. Наверх забраться невозможно, пришлось искать другой выход. Я шла минут пять, пока не подошла к непонятной комнате. Два выхода вели из нее, я выбрала левый и вошла в новую, по сравнению с предыдущей просто огромную. Еле искрился тусклый свет. Я продолжала отплёвываться от земли, пытаюсь понять, где нахожусь. Адреналин в крови заставлял меня дрожать и кусать губы, я шла вперед по тоннелю дальше. А потом появились они...

Я испуганно разглядывала Их сквозь узорчатую решетку.

Она была изящной, красивой и прочной. Не думаю, что она защищала меня от Них, скорее наоборот.

Их было пятнадцать. А может, и больше. В полумраке подземелья их трудно было разглядеть. Все были чистыми, в красивых одеяниях. Ухоженные, сытые... но боже, как было больно на них смотреть. Они попросту валялись на огромном мягком ковре, похожем на ковры в комнате Рионн. Сгорбленные, хнычущие.

И аура... Она отсутствовала у каждого. Вместо неё были чёрные дыры, голодными ртами разметались они в воздухе, словно паутиной опутывали своего владельца или владелицу.

Я старалась вести себя тише, пройти мимо, но один шмыгнул носиком и подошёл, нет, подполз к прутьям. Сквозь узор металла на меня смотрел мужчина, древний и измученный. Глаза его сияли золотом, рот был испачкан черной кровью.

– Женщина... Человек... Я так давно тебя ждал! – проскулил он, протянув мне дрожащие руки, изрезанные шрамами и глубокими царапинами. На них тоже темнела кровь, вероятно, он искусал себя сам.

– Меня? Кто вы? – Сухое горло воспалилось, и я еле могла говорить.

Мужчина не слушал меня.

– Ты пахнешь как человек... – Сказал он и замер, словно вспомнил что-то и это свело его с ума. Он завыл. – Ты пришла, Владычица! Прости меня! Прости... Я и так измучен

этой невыносимой мукой... Только привыкну, а ты всё решишь и режешь. Прекрати дней моих счёт, прошу!

Он говорил, стонал на древнем языке, умершем вместе с рождением Великой Империи, но который я знала. Шипящие геммы, на котором я обратилась к нему вначале, он принял, наверное, за дуновение ветра.

Я отошла в сторону, но он не обратил внимания, смотрел на то место, где я была до этого.

Мужчина был слеп. Или выплакал все свои глаза.

– Вы кто, гемма? – Снова попробовала я обратиться уже на древнем, но всё зря. Он не слушал меня и продолжал ныть.

– Я признаюсь, да. Я виноват перед Вами. Если бы знал... Если бы. Простите грехи мои! Простите наши грехи!

Я осторожно коснулась его руки, такой безжизненно-хрупкой. Пальцами ощутила его усталость, древнюю и надломленную.

Жизнь еле теплилась в нём.

– Я сделал Вас такой, и этот аборт... Я убил Вашего сына, простите! Если бы я знал, я никогда не стал этого делать! Я вернул бы вас к супругу, даже ценой своей жизни! Чтобы вы были счастливы... – захлебываясь, ныл он. – И эти люди... простите, что осквернили Вас своей жестокостью и похотью!

Я в ужасе смотрела на них, еле тлеющих, измождённых золотоглазых людей. Так непохожих на сильных и уверенных гемм.

– Кто вы? Вы мне ничего не сделали! Ничего! – Последнее слово я еле прохрипела, пятясь назад.

– Вы здесь. – Прошипел за спиной Стефан.

Стефан!

Со слезами я обернулась к нему и обняла грязными руками, улыбаясь.

– Я упала сюда.

– Я знаю. Мы нашли вас по запаху ауры... Могли бы остаться на месте, дождаться нас! Ведь только мне и Рионн разрешено быть в этих покоях.

– Стефан, кто они? – не слушая его, бормочу. В голосе бьются слезы, я смотрю на людей за решеткой и непонимающе мотаю головой. Я напугана.

Стефан еле сдерживает себя, чтобы не рассказать, но не может:

– Ты знаешь о них... Они – призраки. Те, кого Святейшая обрекла на вечные муки. Они почувствовали твой человеческий запах, поэтому заговорили...

– Это они...

– Люди, убившие в нашей Праматери человека. Убившие её суть, напоившие её ядом, осквернившие её душу.

– Но вы заботитесь о них...

– Это завет. Они и без этого наказаны. Пойдёмте, вам запрещено здесь быть. – улыбнулся Стефан, снова перейдя на более вежливую форму геммове. – И кстати, передайте мне ключ. А то, боюсь, вас растерзают...

***

Сияющее солнце ослепило меня. Я вылезла из кротовьей норы, рядом с которой стояли мои напуганные пираты. Я молча улыбнулась, потирая изрезанные руки.

Следом поднялся Стефан с ключом в зубах.

– Йо-хо! – закричали пираты и открыли в нетерпении сундук, не обращая на меня внимание.

Вся полянка пестрела островками гемм. Мы развалились в усталом восхищении с перемазанными мордочками. Или может, просто объелись сладкого? Даже Серафим оголил животик и теперь лежал, поглаживая его.

– Давно я так не веселился. Хорошее завершение.

– Да, если бы там действительно было золото, я бы разочаровалась. – мурлычет рядом с ним одна из пираток- гемм.

– А конфеты-то вот кто все утащил утащил все... Я их так долго вываривал, подбирая рецепт, а она... Ну да ладно, – проворчал Стефан, пытаясь одновременно понять, как выбирает фразы Птица-Говорун из голограммы Серафима.

Все лежали и довольно болтали.

Мне вылечили царапины ещё во время пиршества, и теперь я устало валялась на траве, забыв о боли. Но двухдневная гонка вымотала меня. Да и это путешествие в туннеле.

Поэтому я просто тихо повернулась на живот и заплакала, чтобы никто не видел.

Молча, стараясь не обращать на себя внимание, я оплакивала мир призраков в толще земли подо мной. Я провела рукой по траве, представляя, что внизу, под ладонями – Их руки и сгорбленные спины.

Я знала, что они существуют. Но знать – не значить видеть.

Мне впервые стало жаль их.

Искренне жаль.

Танец шестой

Ближе к вечеру вернулись дети. Одни, без льринни Рионн. Младшие были веселы и наперебой рассказывали, как им было интересно и что они видели по дороге. И только в глазах Кайна я заметила странную боль.

Оттого, что ты ничего не можешь сделать. Ничем не можешь помочь.

И я понимала, отчего это. Рионн могла остаться в доме старейшин по одной простой и в тоже время тяжелейшей по нагрузке причине.

И имя ей «Великая Империя»...

По коже пробежали мурашки, захотелось выть, зная, что может произойти в скором времени... Страх, липкий и прозрачный, закрался в душу.

Нет, не страх смерти... Я не боялась умереть, даже когда-то об этом мечтала. Я была спокойна в этом отношении. Теперь всё иначе – я боялась за ту красоту и чистоту мира Шим’Таа, которая могла пасть жертвой человеческой ненависти.

А я... если разобраться во мне, то получится, что я ненавижу собственный род.

Не-на-ви-жу.

Всех, кого я когда-то любила, в ком нуждалась, забрала эта махина, Империя. Подмяла под себя, бездушно и безжа-

лостно. Уничтожила, оставив взамен лишь пурпурные крылья ненависти.

Кайн подошёл ко мне, такой бледный и отчаявшийся, словно что-то хотел спросить, но промолчал. Еле удержалась на месте, чтобы не обнять его, успокоить. Но он жестом показал, что ничего не надо. Без паники, сударыня. На корабле дети. Все вопросы позже.

– А мне... мне старейшина сказку рассказал! – похвасталась Ума, полностью забирая моё внимание. Какая же ты смешная и милая, девочка- гемма. За последнее время даже несколько подросла, вытянулась. Постепенно пропадала младенческая припухлость, проявлялось что-то хищное, грациозное.

Геммы взрослеют внешне очень быстро.

Я хотела что-то ответить, но Андрей сбил все мои планы. Отчётливо, чисто он произнёс:

– Ума – хвастушка. Всем уже разболтала! У меня уже ушки болят...

И я замерла с открытым ртом. Не могла поверить, что это не галлюцинация. Не привыкла, чтобы годовалые дети так свободно говорили, тем более на гемми, кружа среди шипящих и полуоттенков.

– Ему уже прописали в крови всю основную речь.– Пояснила с улыбкой Ангуин, придерживая малыша.– И рефлексy заменили, навыки. Он теперь всё понимает. Правда, малыш?

Андрей кивнул и продолжил:

– Тётя няня меня кормит, я знаю – вы волнуетесь. Вы меня тоже вылечите?

Это было чересчур. Я еле выговорила сама:

– Извините меня, мне нужно удалиться. Я встречу с вами через час.

Поклон. Поворот.

Осторожно, чтобы не упасть от шока, я направилась к себе.

Рот полуоткрыт, на лице маска сведенных мышц. Ещё чуть-чуть и заплачу, обиженная суровым миром.

Видеть подобное было невыносимо. Я потеряла это всё. И так быстро... Милое детское личико, агушки – потягушки, первые слова. Пусть корявые, пусть неосознанные, но слова...

Ма-ма.

Па-па.

Ба-ба.

Дай.

И в слезах я побежала, с непонятной горечью в сердце. Оплакивая мир. И того Андрея, которого я поила собственной кровью на руках.

***

Я нарушила обещание и не выходила до самого вечера. Соскучившись по мне за два дня, в дверь поскреблась Ума.

– Тебе плохо, лютити? Отчего? – прошипела малышка, прижавшись к двери.

Проскользнула мысль о вампирах, которые не могут войти в твой дом без приглашения.

– Нет, я просто... просто, я человек, дорогая. Входи. – Девочка рассмеялась, получив разрешение и вбежав, легла со мной рядом. Я нежно приобняла малышку.

– Ты из-за Андрея так переживаешь? С ним же всё хорошо. Он теперь как маленький попугайчик у нас! – рассмеялась Ума, не понимая мою печаль. Я улыбнулась через силу.

– А мама не поехала с нами обратно. Хитренькая, ей будут теперь сказки рассказывать старейшины... Так она сказала, Казари шерн Милош знает много интересного! Он, как и наш дедушка, был от крови Святейшей, – вздохнула Ума. – Ну ничего, ты же тоже сможешь мне рассказать? Про пиратов?

Последнее слово заставило меня насторожиться. Неужели?

– Мама проверяла, как дома было без нас. Сказала, что на тебя многие пожаловались. Она попросила Старейшин включить трансляцию и мы увидела, как вы бегали по парку. Такие смешные были, особенно лютити Лисия! Она всегда такая строгая на осмотре, то нельзя – это нельзя, ужасно просто. А потом мы за вами наблюдали и даже спорили, кто победит!

Я с открытым ртом переваривала детские откровения.

– С... смотрели? И долго? – еле выдохнула я.

Девочка покачала головой. Это я её научила...

– Нет, немного! Часа два, пока вы на ужин не остановились. И сегодня утром, когда вы карту сложили! Мы так смеялись, особенно Серафим когда с ногой ходил, а птица у него песни пела на плече. Вы такие веселые! Мы решили, что когда вернемся, тоже будем играть в пиратство.

Ну, что сказать... Я не исключала подобный вариант. Но услышать это было немного стыдно.

– А мы когда будем так же играть? Даже Кайну понравилось... Да! Кайн! Я тебе секрет важный скажу! Но не весь, ты потом узнаешь, а то не интересно будет! У него скоро ан'нари появится! Я подслушивала, как он со старейшинами спорил о чём-то. – Малышка картинно заломила руки, глядя в потолок. – Я не переживу, если у него будет мальчик...

Я скорчила мордочку:

– Это почему?

– С мальчиками неинтересно. Они совсем песни не умеют петь, и не дают украшения поносить! Им бы только драться или читать. Или командовать!

Смех было трудно сдержать. Что ж, детская непосредственность – страшная сила! Такими темпами я может и свыкнусь с «апгрейдом» Андрея...

– А разве Рионн... разве твоя мама не знает об этом?

Ума покачала, словно робот, головой, одновременно коснувшись уха. Тяжко её давались человеческие жесты...

– Это секрет! Я же говорю, подслушивала. Я от Ариан сбе-

жала, мне интересно было.

Я прижала маленькую шпионку к себе и прошептала:

– Я никому не расскажу.

– Честно- честно?

Касаюсь брови указательным пальцем и провожу дугу к кончику носа.

«Кара иш»

Более, чем да.

***

Госпожа вернулась глубокой ночью, по подземным переходам, через два дня. Она была обессилена и зла. Об этом я узнала, когда меня разбудили и попросили подойти в её покои.

Сквозь сон я, разбитая и нервная, подошла к зеркалу и умылась. Долго оттирала со щеки непонятные чёрные полосы, а потом поняла – это снится.

И Рионн меня явно не ждёт...

Еле дойдя обратно до постели, я не успела и помечтать, как в дверь снова постучались.

– Вы готовы? Лъринни заждалась.

Аааааааааааааааааааааааааа... не сон. В мыслях обматерив всё и вся, я натянула что-то из одежды на себя и потопала в покои моей мучительницы.

Она сидела в обрамлении пёстрых подушек. Кальяна я

не видела, лишь воздух был наполнен ароматом кофе. Кофе? Глаза распахнулись в неверии! Я точно сплю, его я не пила уже миллионы лет! Лишь в воспоминаниях... Чудесный напиток был давно заменен на синтетический, и лишь иногда контрабандой настоящие зерна провозили по просторам Империи. Я с трудом его доставала, чаще всего требовала как оплату за услуги, но он того стоил.

А что тут делать ему, если геммы и чай-то не выносят?

– Синтетический? – Спросила я, указав на дымящийся заварник.

– Нет, что ты. Старейшины передали тебе запас на полгода, специально заказали в Империи. Просили поблагодарить... Ты как-то рассказывала про него с таким увлечением.

Смотрю в неверии в её усталые глаза. Она запомнила эту малость...

– Это благодарность. За избавление моих детей от преступов. – Пояснила госпожа, кутаясь от прохладного ветерка в шерстяное кимоно ярко-зеленого цвета. Окна были распахнуты, все до одного.

Она приказала сесть, что я и сделала. Забравшись под уютный плед, медленно вздохнула и выдохнула, наслаждаясь искрящимся ароматом.

Божечки, ну всё! У меня просто гора кофе! Да я же лопну... Всё, я таю! Предвкушая недели упоительного блаженства, я сделала наконец-то первый глоток. Густая солоноватая жидкость окутала мои рецепторы и я, кажется, парила

где-то под потолком.

– Прости, что разбудила тебя. Пока насладись, и мы поговорим – дело важное...

Затем наступила тишина. Десять минут госпожа молчала, словно пыталась переступить через гордость. Я уже проснулась к тому моменту, кровь мою будоражило и грело от одной только мысли, что я пью настоящий обжаренный, молотый кофе. Рядом на подносе лежали лимоны, еще одни мои любимцы, доставшиеся в наследство от Рао – их выращивали в теплицах для ширраха.

– Нам нужна твоя помощь, – прогремел все-таки голос льринни.

Всё, я пошла спать. Это явно сон. Причём больной и извращенный. На Эвалоне я под страхом смертной казни танцевала, да. Но это была четкая стратегия Рионн, помноженная на мое желание жить и жизнью наслаждаться. Благодаря ему наша неподражаемая льринни законсервировала меня в памяти гемм как достойный Столп.

А тут ко мне обращается сам народ.

– Что случилось? – еле выдавила я.

Госпожа лишь с носиком забралась в просторные одеяния кимоно и... заплакала.

– Извини, я просто не могу выдержать... Если был жив аорэ, всё было бы иначе. А я... я... Я так еще юна и глупа!

Отложив чашечку с напитком, я подползла, путаясь в одежде, к плачущей гемме. Приобняла, как маленькую. Поцело-

вала в смолянистую макушку, пахнущую корицей и мёдом. Госпожа прижалась ко мне, хныкая и сопливя.

Так прижимаются дети, разбившие в кровь коленку или напуганные соседской собакой. В поисках покоя и защиты.

Она без стеснений утёрлась чуть позже о мой плед, попросив пересесть.

Маленькая плакса Рионн ушла, на её место вернулась ледяная сволочь Рионн. И это радовало.

– Я никогда не думала, что не смогу с этим справиться. Я никогда не думала, что мы будем искать помощи у человека от него самого... Старейшины просят тебя явиться со мной через три дня. Теперь ты прописана в Семейном реестре.

Немой вопрос, лицо моё вытянулось, глаза – огромные колодца.

– Пару дней назад Империя прислала послов... андроидов. Тех, что от людей неотличимы. Если бы не «дышащие» из дома Мейовиров, то быть беде. Они вовремя почувствовали, что у послов отсутствуют... некоторые параметры в ауре, вовремя установили щит. Один из послов выжил. Специально его оставили одного в живых, посмотреть, что будет... Они думают, мы звери. Как будто мы стали бы пытаться его!

Дышащие, знаменитая стража, владеющая собственным сознанием на высшем уровне. Сплетающие щит из собственной ауры, мощный и непоколебимый, способный выдержать удар взрыва, разлетающиеся осколки андроидов, отравленные ядом... Тайное оружие старейшин против козней Импе-

рии. И почти что единственное оружие. Сила и возможность древней мысли – ничто против грубой, кровожадной силы и жажды власти.

– Они предали нас, Ульианна. Предали, покусились на наше святое – нашу опору. Пятеро старейшин могло погибнуть, пятеро! – спокойно произнесла Рионн, лишь слегка оттягивая слова красной поволокой гнева. – И после этого именно нас они продолжают называть чудовищами!

Я не могла не согласиться. Это уже слишком.

– Они хотят нас спровоцировать, хотят, чтобы мы нарушили завет. Древнее соглашение Святейшей... Если мы это сделаем, проявим себя, то развяжем им руки...

Рионн права. Имперские ищейки поступают умно, столетиями они оттачивают умение плести интриги, провоцировать и получать желаемое. Но геммы слишком верят в завет, они не могут и не хотят войны.

– Если дети мои нарушат хрупкое равновесие и прольётся хоть капля крови человеческой, принадлежащей не миру гемм, напоённая злобой моих детей, я не приду на помощь миру, созданному мной. – Прочитывала тихо Рионн древние слова, записанные на шёлковом манускрипте, залитые в прочный прозрачный столп Мира посреди Зала Собраний.

– Я всё понимаю, Рионн. Но при чём здесь я?

Минута тишины.

– Через три недели приезжают новые послы, и возможно, сам Император. Извиняться. Как бы. – Шипела Рионн, пере-

ходя с геммы на гарами, что означало официальное оглашение решения и высшую просьбу. – Нам нужна ты и другие Столпы, вы – люди среди нас – единственные, кто может понять их поведение, их мотивы и дать отпор. Никто, кроме вас, этого не сможет сделать, защитить... Если Столпы встанут между нами и Империей, то не прольется кровь.

– А я вам зачем?

– Но если остальные будут изучать с мониторов, ты будешь среди нас, гемм.

Отличилась, звезда. И что теперь будем делать? Как это меня угораздило стать особенной, если есть другие люди, более обученные и знающие, среди гемм.

– Станным образом, ты – единственная, о ком они не знают. Твои параметры, твоя личность не занесена полностью в Память, а если и было – числится среди мертвых, – Рионн подозрительно на меня посмотрела, но я решила промолчать и налила себе ещё бодрящий напиток, капнув в него немного лимонного сока. Кава, моя древняя кава, так тебя называли мои пращурсы, если так можно сказать про возможность наличия предков у евгениумов.

– Мы отвели тебе тяжелую роль. В твоих задачах будет общение с послами, если что-то пойдет не так. Империя старается развязать войну, пытаюсь вывести нас из равновесия. Если они подумают, что ты – гемма, способная на убийство, то быстрее раскроют свои планы. И еще, они нередко заговаривают на древних языках между собой, каждый раз меняя

комбинации. Тебе придется выучить или повторить... К сожалению, Праматерь лишила нас возможности владеть другим языком, кроме гемми.

– А глаза? У меня голубые глаза, Рионн! Не золото гемм!

– Глупый вопрос. Мы поставим линзы.

– А если они поймут, что я делаю... Что я не гемма? Или используют язык, который я не смогу понять? Не всегда может повезти... – рассеянно прошептала я.

Госпожа хищно обнюхала напиток из заварника, словно ребенок выжала туда пол-лимона, глядя на меня. Снова обнюхала, чихнула и отложила в сторону:

– Как ты это пьёшь?

– Я же не спрашиваю, как вы едите сырое мясо...

Она ухмыльнулась:

– Надеюсь, нам повезет. Сколько древних ты знаешь?

Я пробежалась на пальцах:

– Двадцать с половиной, из них восемь полных.

– Откуда так много?

Я поморщила носик:

– Во-первых, я евгениум. Не знаю, что натворил с генами мой создатель, но память у меня удалась.

– А во-вторых?

– Язык похожи друг на друга. Выучишь один из семейства, другие пойдут легче. Если это не агглютинирующие, вроде гарами или древнего корейского. С ними у меня гораздо хуже обстоят дела.

– А в – третьих? – предположила Рионн.

Я пожала плечами, а потом улыбнулась, приоткрывая клыки:

– Я жила среди разных людей, госпожа.

На улице рассветало, было около пяти или шести утра. Спать уже не хотелось, мой организм был полон сил и энергии благодаря щедрости старейшин.

– Эти три недели ты проведешь в библиотеке, Серафим поможет тебе найти записи или фолианты, освежить память... Мне жаль, дети скучали по тебе.

– И я тоже. С каждым разом, когда я проникаю в вашу политическую жизнь, я отдаляюсь от них, госпожа.

Рионн взмахнула рукой:

– Ничего... Да, кстати, вот.

Она указала на грудку всевозможных записок, голографических карт и прочих записей. Вначале я даже подумала, что это мне. Протянула руку, чтобы взять с собой и прочесть в комнате.

– Это жалобы на тебя, Ульианна. Мне доставили их по приезду.

– Что?

– Двести двенадцать из рода шерн Альяринн недовольны тем, что до них не донесли полностью идею пира... пират-ШШс... пи... Этой вашей игры с переодеванием! – вспылила Рионн, не в силах выговорить слово. – Они просят простить меня их недоверие и устроить подобную игру ещё раз.

Я прыснула от смеха. Вот чего не ожидала...

– Что смешного? – съязвила госпожа, привстав немного и протягивая мне одну из записок. – В следующий раз я тоже буду играть!

Капризно пождав губы, она жестом попросила удалиться. Я развернулась к двери, большой и расписанной узорами, жадно вчитываясь в витиеватые буквы, как меня окликнула госпожа.

– Прости меня, Ульианна... Прости...

Знаете, что? Меня скоро доконают приступы человечности у моей снежной королевы? Губы слегка прикушены, на щеках – бледный румянец. В глазах непонятная грусть. Она протягивает мне руку, проводит в воздухе странно знакомый узор и, опустив глаза, еле шепчет:

– Я не успела... Я так об этом жалею. Если бы я не стала ждать и доверилась Рао...

– О чём это ты?

Она молчит, рассыпав смоль волос по узорчатым плитам. Зарывшись в прядях, чёрных, как ночь.

– Потом поймёшь... А пока просто прости!

Нет, я всё же дурно влияю на гемм. Разбаловала их своими человеческими эмоциями, радуясь жизни. Вот и Рионн заразила, я даже начала скучать по отвесистым пощёчинам, приводящих меня в хищное состояние. Старею, что ли?

Ухмыльнулась.

Что значил её жест? Я смутно помнила его, но не могла

все-равно понять, где я его наблюдала. Ах, память! И ты подводишь меня...

Сжимая лист в руке, я шла в библиотеку. Серафим и его помощники явно не спали, прибираясь в старинных книгах. Пыли в библиотеке не было отродясь.

Завидев меня, бывший Серый Одноног улыбнулся, а его птица, так и не свернутая в рулон, прокричала: «Карамба! Бунт на корабле!»

Поздоровавшись, я отправилась с ним в святая святых – древние архивы во Внутреннем зале. Ловя на себе недовольные взгляды помощников Серафима, я поняла – если я не проведу подобной пиратству игру, мне предстоит долгая и мучительная пытка...

– Йо-хо-хо! – прокричал мой Одноног, немного напугав меня. Нет, скажите мне, он специально это? Дразнит своих сотрудников.

– Сами виноваты. Стефан их минут десять уговаривал, а они ни в какую. Ещё меня обозвали старым дураком... Вот я и донимаю их! Йохохо! – заявил Серафим, помогая мне достать тома разговорников и пособий. Мы выложили рядами в воздухе и каждый пронумеровали. Теперь по моему зову ко мне мог подлететь один из них, стоило только прочитать его название.

Удобная вещь, автоматизированные книги.

Архивариус провёл рукой в воздухе около сенсора, и из пола выдвинулась серебристая плита. Рядом же парила

клавиатура символов.

Анализатор запроса.

Серафим помог мне разобраться в управлении, а я смотрела на гемму и впервые задумалась.

Что такого было в Стефане, что меня так влекло к нему?

Сначала я думала, что это гормоны. Но факт – влекло бы тогда ко всем, мало—мальски... Но влекло. Взять хотя бы Серафима – в чём-то он красивей моего повара. Лицо более хищное, правильные черты лица. Волосы длиной до колена, чёрные, как у госпожи, сведенные обручами из металла. И самая очаровательная улыбка из мною виденных...

Но нет, ничего. Рядом с ним я ощущала лишь полное спокойствие.

Значит, дело не в гормонах?

Я покраснела, смутилась ещё больше.

– Если что, я буду во Внешнем Зале. Стоит только позвать. – Серафим поклонился и поцеловал по традиции в запястье.

Я ничего не чувствовала. Мне были безразличны его прикосновение, равно как и присутствие. Серафим – замечательный друг.

Я ужаснулась. А что, если я просто влюбилась? Ведь со мной уже случалось такое и не раз. Моё сознание нуждалось в заботе и внимании. Я нуждалась в любви – это был единственный огонь, который поддерживал во мне жизнь.

Но с любовью мне не везло. Так уж сложилось, что все мои

немногочисленные избранники рано или поздно умирали. Причём не своей смертью... В Империи бушевали восстания, эпидемии... причин потерям было множество. Но терять их каждый раз было невыносимо больно.

Но не так, как в первый.

А я и забыла, какого цвета твои глаза. Как звучит твой голос. Каковы на вкус твои губы.

Твой запах, мой король... Нет, ты не думай, я верна тебе, как и прежде. Мой мир – только твой, но я так слаба. Одной я быть не могу, тем более в страшном человеческом мире...

Прости меня, что порой я касаюсь других. Но думаю, ты бы понял.

Вынырнув из воспоминаний, я спешно провела рукой по клавиатуре.

Пора начинать мучение.

***

Из библиотеки я выползла поздним вечером. Зеленая, разбитая, но такая умная. Немного тошнило. Слова кружились в голове, сменяя друг друга, и поначалу я даже говорила на их сплыве:

– Дон’т парле, ки стат ёр йа эсер ассистрэ...

Подобной тарабарщиной я пыталась сказать следующее:

– Не говорите мне, что вместо вас мне будут помогать... – и тут же запнулась, понимая, что ужасно устала. Серафим молча, но посмеиваясь, убрал экран жестом, нажав что-то на своём браслете. Затем перенес моё брэнное тело на ди-

ванчик неподалеку:

– Вы себя так вымотаете, Ульрианна. И в итоге играть будет не с кем.

– Ах, вот оно что! Только ради этого вы меня бережёте? – пыталась прошипеть я, избегая встреч с древними словами.

Серафим подал мне стакан воды. Залпом выпив холодную прозрачную жидкость, я блаженно смотрела в высокий мозаичный потолок. В животе заурчало.

– Вы голодны. Позвольте принести кайер? – и тут же осёкся, испуганно глядя на меня.

– Ни-че-го, Серафимушка... – панибратски сказав его имя, чего геммы не любят, я довольно ухмыльнулась. Отомстила за предложение выпить мне стаканчик свежей крови. Мне вспоминался порой тот милый суп, что заботливо готовили для меня дети. Я по ним скучаю, по моим негодникам. Проказникам, шалопаям...

А мне теперь приходится ковыряться в фолиантах, рыть и забивать свою головку тем, от чего я пыталась избавиться. Чувствовала, что ночью моё сознание разразится встречным кошмаром, разбуженным внутри меня древними языками.

Нужно из последних сил доползти до Януша с Шоаном, выпросить какое-нибудь снотворное.

– Может, на сегодня хватит? – в золотых глазах Серафима было некое подобие жалости, чего я хотела бы избежать.

– Я в порядке. Всё хорошо.

– Как вам архивы? – спросил вежливо он, гордо поджав

губы. – Я их все объединил и разбил по группам.

– Очень удобно, но несколько мало. У вас есть основы, но за пятьсот лет всё могло исказиться давно. К примеру, многие слова утратили своё значение, им на смену пришли новые. По идее, империя насаждала новый единый синтетический язык везде. Жадно искореняя изначальную письменность, религию и другие носители ненужных Единому миру языков.

– А как вы тогда узнали и смогли выучить их, если всё уничтожено?

– Люди не все такие... Крупицы собирались и шлифовались, язык переходил от одного потомка к другому. Становился историей. У таких я и училась, хранителей древнего мира. Но у меня было немного времени. За десять лет в Монастыре я многое выучила, но у меня не было самого главного – живого общения с носителем языка.

– Забавно. Уничтожать и затем собирать остатки... Они же единый народ.

– Если бы они были действительно единым, то вас бы, гемм, не было.

Серафим обиженно замолчал. Я не рассчитала силу и значение фразы. Так получилось, что вылетела она на гарами, и оттого звучала не как обычная шутка. Это звучало как пожелание гибели всем геммам.

– Действительно, хорошо, что вам удался Эвалон и мы теперь в одной семье. Ударил бы, не глядя, будучи помоложе.

Или перегрыз горло.

– Я это знаю. Извините мне мою бестактность и грубость.

Библиотекарь и не думал оттаивать, слишком глубока и болезненна была фраза. Понимая, что моё присутствие ему неприятно, я отправилась к себе. Серафим крикнул вслед, а его слова разбивались среди древних книг, записей и стен:

– Я сегодня только на вас зол. Завтра, так и быть, прощу!

В ответ я просто улыбнулась.

***

На кухне было тихо, прибрано и пусто. Наверняка, дети уже поужинали и теперь готовятся ко сну. Шифф, насколько мне было известно, разделен был теперь на две части. Мысленно я назвала их «для припадочных» и «для малявок». Девочек изолировали от остальных, завтра-послезавтра к ним присоединится и Андрей, только найду в себе силы совершить ритуал.

Гремя тарелками в холодильной камере, я нашла свой ужин. Овощи и нежное мясо в соусе. Гарнир был сварен отдельно и, наверняка, Стефана тошнило при мысли, что я это ем.

Так и есть, рис стоял отдельно, с приклеенной запиской «Готовь эту дрянь себе сама! Я больше так не могу»

Я рассмеялась, взглянула наконец на часы. Половина десятого, а я ем впервые за день, не считая фруктов за работой.

Зевнула, не спеша накрыла на стол. Было немного непривычно быть одной, особенно после шумных выходных. Ну и ладно.

Отломив немного хлеба, я с наслаждением принялась есть.

Ульяна!

Яркой вспышкой пронеслось по моему сознанию. Я зажмурилась от боли, спешно выплюнув всё, что было во рту. Измазавшись, я свернулась калачиком, стекла на пол.

Плиты, холодные плиты. Как хорошо...

А головная боль всё не проходила. Мой мозг бушевал в агонии, сжигая всё, что можно и нельзя.

Приступ, о котором я и забыла совсем. Два года прошло с последнего...

Зажав по привычке деревянную ручку вилки между зубами, я тихо замерла в ужасе.

Удар повторился.

Второй.

Мир сошёл с ума. Мне было отвратительно, изо рта потоком полилась серая пена, горькая и липкая, пачкая мои руки, одежду и пол. В голове же плясали сто слонов, накурившихся неизвестно чего.

Бум-бум!

БУМ!

Бум, сучка! Бум!

Два года хватило забыть этот ад, и теперь меня словно раз-

рывало изнутри, жгло виски. Я царапала плиты, я готова была разбить свою голову о них, пытаясь избавиться от боли.

В кухне зажгли свет и я испуганно закричала, ослепнув на минуту. Чьи-то руки коснулись меня, приподняли. Я ещё раз загнулась в спазме, на белые одежды выплеснув серую пену и желчь. В глазах стояла мутная, тонкая плёнка слёз и боли. На губах выступила кровь – я прокусила губу, когда билась в приступе.

– Ульанна, – испуганно прошипел Стефан, прижимая меня к себе, пачкаясь в рвоте. Он стянул салфетки со стола, вытирая меня от пены.

– Всё в порядке, – еле выдавила я и снова забилась в судорогах. Боже мой, боже мой... Дай мне умереть!

Затем резко села, вырвавшись из рук Стефана, еле дыша. Грязная, ужасно пахнущая чучелка. Со стороны я смотрелась жалко. Хорошо, хоть волосы короткие, а то бы и их запачкала, как раньше это делала и не раз.

– Что с вами? – ещё раз испуганно спросил Стефан.

Я молча встала, стиснув зубы. Криво ему улыбнулась, подошла шатаясь к мойке. Холодная вода смыла с меня отчасти запах и грязь, привела в чувство.

– У тебя здесь есть рубашки какие-нибудь или ткань? – спросила грубо я, в ответ получив кусок белой хлопковой ткани. Без стеснения сняла испачканную, оголив спину.

Собралась уже было соорудить что-то для себя, как почувствовала Его пальцы.

Холодные на моей воспаленной коже.

Я в блаженстве закрыла глаза и усмехнулась собственным чувствам.

– Откуда эти шрамы?

А, это он про сеточку шрамов на спине? Так, оставила себе на память...

– За двадцать два года в Империи я прожила слишком долгую жизнь, Стефан.

Наспех обернула себя полотнищем, и повернулась к нему лицом.

– Меня терзают приступы иногда, как и вас...

– Что? Ты...

– Нет, я не гемма. Просто у меня чересчур активная мозговая деятельность. Ходил даже анекдот... Обычный человек использует семь процентов своего мозга, гениальный – девять. Скольким можно пересадить мозг евгениума, если известно, что он работает на тридцать шесть? Мой создатель был слишком щедр, дав мне такие способности. И забывчив, раз не предугадал мои приступы. Хотя, если бы моя мать осталась у него, я бы прожила очень-очень-очень короткую жизнь...

– И потому тебе так тяжело? А лекарства?

Я покачала головой. Нет, ничего не действует. Только усиленная медитация и полное спокойствие. А тут эта просьба Рионн...

– Знаешь, а я... Пришёл все-таки разогреть эту странную

еду, думал, ты позже придёшь. А ты сама.

– Да уж, поужинала...

Слово за слово, и я стою так близко, что начинаю волноваться. Всё-таки следует признать, что я влюбилась... Так смешно и здорово одновременно. Я смотрю на него, красивого мужественного гемму, который не способен откликнуться на них в той мере, которую жаждет получить мое эго. Смотрю и думаю, как рассказать ему об этом, как смутить его нечеловеческое сознание?

Как объяснить этому мужчине, что нуждаюсь в его присутствии? Если мужчина даже не знает, что такое человеческая любовь?

Заворожив его своим взглядом, я слегка коснулась небритого лица.

Да что же я делаю?

– Отойдите от неё! Немедленно! – шипя и сжимая кулаки, на кухню влетел Кайн. Стефан, немного смущённо, не понимая выпад наследника, прижал меня сильнее к себе, стиснув руки до боли. Как будто сейчас меня у него заберут...

Я рассмеялась и еле вытащила руку у Стефана. Кожа покраснела, глядишь – и синяк заработаю.

– Ты чего это, ваше величество? Ну-ка, марш спать! – прошипела уже на непутёвого подростка.

Кайн подошёл ближе и без слов сделав какой-то смутно знакомый жест, похожий на жест Рионн накануне, и забрал меня без труда. Мой обожаемый мужчина сам меня отдал.

моя невеста. И да, прекрати разгуливать по дому в чём попало!

Он улыбнулся (виновато?) и, поцеловав меня в лоб, покинул нас.

Я еле удержалась на ногах, присела на парящую пластину рядом. Я уже не плакала, я обдумывала план побега.

– Даже не думай... – заявил Стефан, разгадав беготню эмоций на моём лице, – тебе это не простят.

– Но он меня даже не любит! Я чувствую это. Он только уважает меня...

Стефан присел рядом и взял мою ладонь в свою. Затем достал влажную салфетку и начал стирать узор с лица.

– Я знаю. Он просто защищает себя...

– От кого, от меня?

Мужчина моей несбывшейся мечты улыбнулся и продолжил стирать кровь Кайна:

– После Эвалона твоё положение в нашем доме изменилось. Ты приблизилась к тому, чтобы рано или поздно стать геммой. Как вариант, тебе могли предложить стать ан'нари кто угодно.

– Но никто ещё не отменял право выбора! Если бы только какой-нибудь льорт не позарился на человеческое мясо не первой свежести...

– Или льринни...

– Не уходи от темы, Стефан, – в ужасе начала понимать я. – Давай начистоту.

Он вздохнул и добавил:

– Кайн – наследник. Если бы ты стала ан'нари Рионн, то этот титул перешёл бы по правилам к вашему первенцу. Первому ребенку Империи, которого бы вы усыновили. И не факт, что это дитя впоследствии отказалось бы в пользу Кайна. С этим он не смирился бы никогда. Его с детства готовили к тому, чтобы стать льортом. И дедом своим он более чем гордится. Ради мечты он пошел против матери.

Я ошарашено смотрела на него. Запутавшись в своих гормональных перепадах и влечениях, я стала лёгкой мишенью для чужих желаний. Надо было оставаться внутри своего панциря, а не вылазить...

– Но причем здесь льринни?

– Моя сестра совершенно равнодушна к выбору ан'нари, хотя успела многим отказать перед тем, как занять место аорэ. Рао понимал ее больше остальных, поэтому решил выбрать ей ширрах, способного со временем стать для нее опорой и защитой. Рионн на самом деле внутренне очень слаба, ей не хватало иногда примера матери и поддержки. Так Рао и выбрал тебя... Но сестра решила проверить все сама и затянула с принятием решения. Кайн все просчитал на несколько шагов вперед.

Так вот почему Рионн говорила мне: «Прости, я не успела» Нужно отдать Кайну должное – сделать вовремя выводы и опередить влюблённую мать... Ох, ну и семейка! Спасибо, Рао, вот уж удружил. В невесты меня записал. Взрослую

человеческую особь со сложившимися привычками и совершенно не склонную к образованию семьи...

Ладно, об этом я подумаю завтра. Я ещё не ан'нари, а только невеста. Ещё можно сбежать из-под венца.

После уборки на кухне я наложила себе тарелку фруктов и направилась к себе. Стефан лишь молча смотрел на меня.

– А можно тебя спросить? – уже уходя, обратилась я. Наверняка выглядело смешно. Прижавшаяся к двери худая, нескладная женщина, которой перевалило за тридцать, в еле прикрывающей тело самодельной тунике... С неровно отросшим ёршиком волос, грязная и усталая, кокетливо смотрю на Стефана.

Тоже мне, дива, мечта любого... Постыдилась бы.

– Да, можешь. – Слышу в ответ.

– А если бы не это адское шапито, ты бы когда-нибудь захотел, чтобы я... стала твоей ан'нари?

Щеки предательски краснеют, самой стыдно за такое. Но слово – не воробей. Приходится лишь нервно улыбаться и крутить край туники.

Он тоже улыбнулся:

– Я уже это сделал.

В ближайшем зеркале я увидела своё удивлённое лицо и новый узор на нём, вместо того, что нарисовал Кайн.

И, словно влюблённый подросток, я побежала к себе. Упиваться собственными эмоциями!

А про остальное я подумаю завтра! Побуду немного Скар-

летт О'Хара!

Танец седьмой

Валяюсь на кровати, укрытая черным шёлком. Тело обнажено и подарено ветру. В моих покоях ночь и окна нараспашку.

Смотрю на свои руки. Бледные, худые, покрытые лёгким пушком. Неровно состриженные ногти. Какая-то неловкая я стала...

Ах, семейство Альяринн, во что ты меня втянуло?

Не за этим я здесь, чтобы быть одной из вас.

Жить вечно...

Я рассмеялась, эхом мой хохот пробежался по комнате и напугал меня. Такие, как я, не должны жить вечно. Им это противопоказано. Но разве судьбу переплюнешь?

Скоро я стану геммой.

И это меня пугало.

Не за этим я здесь...

...А зачем?

Улыбаюсь. Ах, все эти долгие разговоры с собой...

Затем...

Чтобы жить.

Просто жить, не стремясь ни к чему.

Учить, заботиться, быть счастливой.

Быть свободной. Полностью.

И от человеческого мира, и от мира золотоглазых.

А не для того, чтобы как героиня старинных женских романов, привлекать к себе толпы поклонников и обсуждать хитросплетения судьбы. Хотя в жизни всегда есть место подобным ситуациям. Мы не можем заставить кого-то не испытывать к себе чувства – это происходит с каждым, независимо, хотим мы это или нет. Но я же не могу быть эпицентром чувств гемм, я не такая...

...А какая?

...я не такая, как раньше. Я устала, высохла, выдохлась. Собственное отражение в зеркале ненавидит меня...

...Оно тебе об этом говорило?

Одинокий смех снова разливается по комнате. Шизофрения цветет и пахнет. Если бы не Семейный реестр и возможность смертной казни, сбежала бы. Как это делала не раз.

...Трусиха. Ты вечно сбегаешь! Не надоело ещё?

Надоело. Наверное, я старею. Это так странно, чувствовать себя подобным образом.

...А куда бежать? Дальше некуда.

От себя самой. Подальше.

...это самое трудное. И невозможное. Убежать о себя.

***

Начало нового дня.

– Ну осторожнее, не вертись, пожалуйста! Это всё-таки нежная машина! Лисия с трудом подобрала материалы для имплантации, – пытался усмирить меня Януш, пока я пищала от лёгкого дискомфорта в лаборатории моих новых друзей-генетиков.

Дискомфорт – это еще мягко сказано. Я чувствовала себя подопытной замученной мышью, которую теперь тщательно исследовали.

Ещё раз злобно пискнула, когда корни волос что-то дружно взяло, зажало и дёрнуло вверх! Перед глазами залетали искры и звёзды, едва ли не до слёз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.